This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Jav 4341.15.381

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

VE RI TAS

Digitized by Google

Гр. Андреевъ Бѣлокаринъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

П. П. ГНѢДИЧЪ.

СЕМНАДЦАТЬ РАЗСКАЗОВЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

П. П. Гнѣдичъ.

СЕМНАДЦАТЬ

РАЗСКАЗОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8.
1888.

Digitized by Google

Slav 4341.15.381

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAR 23 1966

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Черепъ 1
Легенда нашихъ дней 19
Соловьи 45
Римскій прокураторъ 55
Весною 75
Изъ лѣтняго альбома:
I. Странная женщина 107
II. Въ лѣсу 119
Святочные огни 131
На рельсахъ 139
Кулисы:
I. Тѣнь отца Гамлета 151
II. Статуя Командора 169
Мертвецы моря 195
Обитель 207
Изъ старыхъ сказаній 217
Тайна Юлія Ѳедоровича 229
Ораторы. 241
Въ трясинѣ болотной 255

Digitized by Google

Digitized by Google

ЧЕРЕПЪ.

Изъ записокъ галлюцината.

1 л.

Digitized by Google

Digitized by Google

Pulvis et umbra sumus...
Horatius.

I.

Итакъ, я — человѣкъ ненормальный. Они рѣшили, что я ненормаленъ. Мой мозгъ боленъ. Да, я знаю, въ немъ есть что-то, какая-то точка, маленькая, чуть замѣтная, черненькая точка. Обыкновенно она бываетъ крохотная, — какъ уколъ булавки. Но за то бываютъ времена, когда она начинаетъ раздуваться. Какъ мыльный пузырь, она растетъ, растетъ, крутится, — потомъ займетъ всю голову, весь мозгъ, вытѣснитъ все изъ головы, — и тогда, — ахъ, какъ тяжело тогда бываетъ! Ничего больше нѣтъ — ни мысли, ни звука, а одна пустота, мрачная, зловѣщая...

Они говорятъ, я ненормаленъ. Они — это доктора. Они меня увѣрили въ этомъ — и я повѣрилъ. Но въ чемъ-же моя ненормальность? Одностороннее умопомѣшательство? На чемъ? Я ни на чемъ не сосредоточенъ, я все сознаю. Я не бѣснуюсь, я всегда спокоенъ и тихъ. Я ничѣмъ не занимаюсь, — да, это правда, —

Digitized by Google

но что-же дѣлать, я не могу заниматься именно потому, что не могу сосредоточиваться. Ужасно не это,— ужасно сомнѣніе. А знаете, въ чемъ я сомнѣваюсь? Въ томъ, именно въ томъ самомъ, здоровъ-ли я. Это ужасно. Мнѣ иногда ясно кажется: «ну, конечно, сумасшедшій, безспорно...» Но порою другой голосъ говоритъ: «Да нѣтъ-же, нѣтъ-же, ты здоровъ, *они* безумцы!»

А было время, вотъ еще недавно, совсѣмъ недавно, когда я этому повѣрилъ. Я повѣрилъ, что мой мозгъ испорченъ, у меня были на это данныя. Теперь ихъ нѣтъ, но они были. А были они вотъ почему.

Мнѣ непріятно вспоминать, но я все-таки припомню, припомню всѣ мелочи и детали. Пусть я переживу это все снова, какъ оно ни ужасно. Можетъ быть легче тогда рѣшить этотъ вопросъ. Я разскажу.

У меня на письменномъ столѣ лежалъ черепъ. Обыкновенный человѣческій черепъ, такой гладкій, лоснящійся, бѣлый. Лежалъ онъ всегда подъ лампою, поэтому на него свѣтъ сверху падалъ. Костяной пузырь, шишковатый такой, весь въ буграхъ. Глазныя впадины совсѣмъ круглыя, какъ у совы; зубы совсѣмъ скверные, кривые. И онъ не улыбался. Вѣдь черепа̀ всегда скалятся и смѣются, а этотъ—нѣтъ. Бугорки такіе были у него надъ бровями, шли къ верху и къ серединѣ, и отъ этого такое страданіе было разлито по всей физіономіи... И у черепа есть физіономія, ужасная, отчаянная физіономія. Какая карикатура, злая карикатура, насмѣшка надъ человѣкомъ! И я любилъ смотрѣть на эту пародію. Я щелкалъ ногтемъ ему по лбу и говорилъ:

— Что̀, братъ, попался...

Мнѣ казалось, что онъ задумывался отъ моихъ

Digitized by Google

словъ. Конечно, это была фантазія, — ни о чемъ онъ не могъ думать, потому что былъ пустой и издавалъ отъ моего щелчка такой сухой и короткій звукъ, совсѣмъ мертвый, глухой. Одинъ разъ отъ сильнаго щелчка нижняя челюсть сдвинулась на сторону. Я помню, какое получилось выраженіе, — въ родѣ оскала зубовъ у бульдога, когда онъ собирается впиться. Мнѣ въ этотъ мигъ показалось, что онъ глядитъ на меня. Въ глубинѣ глазныхъ отверстій зіяли узкіе, черные прорѣзы, и смотрѣли, смотрѣли прямо мнѣ въ лицо. Была секунда, когда я ощутилъ мысль: а вдругъ онъ сорвется со стола и вцѣпится мнѣ зубами въ шею? Я даже вскочилъ со стула. Какъ глупо это, что за пошлость, за ребячество! Но послѣ этого я пересталъ его щелкать. Это было тоже ребячество. Надъ чѣмъ я потѣшался? Надъ чѣмъ-то невѣдомымъ, надъ какою-то таинственною загадкою. Загадку я потомъ разрѣшу, да и всѣ мы разрѣшимъ ее со смертью. Но зачѣмъ-же, зачѣмъ-же раньше времени, теперь?..

II.

Я смотрѣлъ часами на этотъ костякъ. И такою злобою отзывалась иногда его гримаса. Ему не нравилось, что я смотрѣлъ на него. Впрочемъ, нѣтъ, это вздоръ... Ему не могло это не нравиться. Я все силился представить себѣ: какъ это онъ былъ обросши кожею, какая тогда у него была физіономія? Вѣдь не правда-ли, это вопросъ интересный? Вотъ только эти впадины глазныя, смущаютъ почему-то онѣ меня. Вы знаете, вѣдь это отверстіе ведетъ не прямо въ пустоту черепа, нѣтъ: глазная впадина — это такой костяной мѣшокъ,

Digitized by Google

и на днѣ его отверстія, а черезъ отверстія выходятъ изъ мозга въ глазъ зрительные нервы. Я смотрю на этотъ мѣшокъ, на эту впадину, и какъ они бѣсятъ меня! Бѣсятъ потому, что и у меня, въ моей головѣ, есть такая-же впадина, только прощупать я ее не могу, потому что все это покамѣстъ заросло какимъ-то жиромъ, мускулами, и кровь покамѣстъ еще течетъ тамъ: потомъ течь не будетъ. А вѣдь вотъ тутъ, въ этихъ самыхъ глазныхъ дырахъ, были глаза,—и глаза, и вѣки, и рѣсницы, и глядѣли они, и моргали. Конечно, это было, иначе какъ-же бы лежалъ этотъ черепъ вотъ здѣсь, на столѣ у меня! А какого цвѣта у него глаза были, это неизвѣстно, и никто можетъ быть этого не знаетъ, а если кто и зналъ, тотъ забылъ. А зубы остались... Кривые какіе...

Прежде за ними языкъ былъ, и говорилъ вѣдь, говорилъ навѣрно... Какъ глупо это, что за больная мысль? Конечно, если есть черепъ, то былъ и языкъ... Но что онъ говорилъ, что?.. Нѣтъ, этого нѣтъ, этого не сохранилось, оно исчезло... И когда эта мякоть, этотъ мозгъ еще сидѣлъ въ костяхъ, тогда онъ помнилъ все: какая-то извилинка, и чортъ ее знаетъ какая, помнила это, въ ней все было записано и нарисовано... И вдругъ эта самая извилинка, этотъ завитокъ мозга, началъ разлагаться, и пошелъ самый невозможный, возмутительный, смердящій запахъ. Клѣточки разсыпались, а съ ними разсыпалась и мысль. Гдѣ она? Всѣ воспоминанія, все, что наслоилось годами, это уничтожилось, улетѣло куда-то въ пространство. Вонъ брамины говорятъ, что ни одна мысль не пропадаетъ, все существуетъ, и все можно вызвать, если захотѣть... Нѣтъ, не надо объ этомъ думать, не надо!..

Я написалъ гамлетовскую фразу. Онъ все повторяетъ:

Digitized by Google

«Не надо думать!» а самъ все думаетъ. Да, вѣдь, я отлично знаю,—даромъ, что мой мозгъ ненормаленъ, и все, что̀ я пишу, это тоже ненормально, потому что это плодъ какого-то болѣзненнаго напряженія,—я вѣдь отлично знаю, что всѣ мои мысли существовали раньше, и другіе люди, какіе, я ихъ не знаю, можетъ прадѣды и прапрадѣды мои, думали тоже, и также на черепъ смотрѣли, и мучались и терзались невѣдомою тайною, и такъ-же, какъ я, ночью, при свѣтѣ лампы, въ полной тишинѣ, сознавали, что все тлѣнъ, все прахъ, и нѣтъ въ мірѣ ничего, кромѣ одной общей, связующей, невѣдомой идеи, какой — мы не знаемъ. Эта идея — лампада, свѣтъ жизни, и кто-же, кто зажегъ эту лампаду?

Ахъ, тяжело! Тяжела земная скорлупа. А сбросить ее—нельзя сбросить, это малодушіе, все рвешься впередъ, рвешься къ чему-то, и не знаешь къ чему.

Магдалину съ черепомъ рисуютъ. Это и тривіально, и тонко, художественно тонко. Безпредѣльный развратъ—евангеліе, обнаженная грудь и черепъ... Какое неотразимое впечатлѣніе на эту Марію произвелъ черепъ, послѣ всего, что̀ она видѣла. Интересно, интересно, что̀ въ душѣ было у нея. Никто не знаетъ, никто и не зналъ; если знали, то забыли. Только художникъ чувствуетъ... Чувствуетъ-ли? а можетъ ему сказали!..

III.

А вотъ черепъ,—онъ все-таки интересенъ. И главное: мучаетъ мысль, чѣмъ онъ былъ, и гдѣ тѣло. Въ самомъ дѣлѣ: гдѣ же тѣло? Онъ отдѣленъ отъ туловища, онъ одинъ, онъ составляетъ мою, мою неотъемлемую собственность. Я заплатилъ за него фельдшеру

Digitized by Google

въ клиникѣ три рубля, и я—владѣтель. Три рубля! Какъ дешева, какъ безконечно дешева человѣческая голова у насъ, теперь, въ девятнадцатомъ вѣкѣ. А фельдшеръ ее варилъ, эту голову, варилъ въ поташѣ, чтобы запаха не было. Что-же, и меня также будутъ варить, или нѣтъ?

Мысль не безъинтересная, — правда? Ну, а если вдругъ меня положатъ въ котелъ, и начнутъ варить? Гмъ... подло! Нѣтъ, не можетъ быть, я человѣкъ состоятельный. Это только плебеевъ, только разночинцевъ черепа̀ попадаются въ такую передрягу. Наши черепа̀ если не въ склепахъ, то гдѣ-нибудь въ очень почтенныхъ гробахъ будутъ тлѣть, не иначе. Въ самомъ дѣлѣ, наша основа, нашъ скелетъ, такихъ милыхъ и воспитанныхъ людей, какъ мы,—ужели онъ можетъ попасть въ чьи-нибудь гнусныя лапы? О, нѣтъ!—онъ сдѣлается достояніемъ червя, и только. Я вотъ теперь думаю и что-то такое, чортъ его знаетъ что, работаетъ во мнѣ, а потомъ это будетъ гниль и мысли никакой не будетъ, а вмѣсто ея будетъ червь склизкій и гнусный, который начнетъ копошиться въ головѣ и поползетъ по сгнившимъ извилинамъ мозга. Онъ будетъ исполнять какое-то назначеніе, какіе-то законы природы. Этого червя нѣтъ, онъ еще не народился, и не скоро еще народится. Можетъ быть, лѣтъ черезъ сорокъ, но я сознаю, что онъ будетъ существовать, и это сознаніе ужасно, ужасно! И ничего не будетъ: ни этого стола, на которомъ я пишу, ни пера этого, ни свѣта... все это исчезнетъ куда-то... Нѣтъ, право не надо думать.

Теперь на очереди еще вопросъ: ну, а жизнь, то-есть то самое нѣчто, что искрою теплилось въ этомъ черепѣ,—гдѣ она? разлетѣлась она по пространству, или частица ея еще осталась въ костяхъ? Кости варили.

Digitized by Google

Но развѣ жизнь можно выварить или выпарить? элементъ ея какой-нибудь все же остался вотъ хоть здѣсь, возлѣ ушной дыры;—тутъ такой ноздреватый, губчатый остротокъ. И сидитъ она, часть этой прежней потухшей души, въ этомъ отросткѣ..

Ну, а если, если душа только спитъ въ этомъ костякѣ, если возможно ее пробудить, снова вызвать къ жизни? Если... о, что мнѣ въ голову пришло! Если я набрелъ на одну идею...

Можно заставить неодушевленные предметы двигаться силою воли. Я знаю это, и всѣ знаютъ. Ну, а когда я сосредоточу всю силу на черепѣ, что если тогда...

IV.

И вотъ, я пятую ночь подъ-рядъ, запершись, тщательно завѣсивъ замочную скважину, чтобы кто не увидѣлъ, сижу и магнетизирую черепъ. Порою мнѣ кажется, что глупо это, безконечно глупо, но порою я сознаю, что можно кое-чего достигнуть, и сознаю это я вотъ почему.

Иногда я ощущаю, и очень ясно, что между мною и черепомъ есть нѣкоторая связь—неуловимая, тонкая. Я чувствую, какъ часть моей силы переходитъ въ него, и отъ того я чувствую утомленіе. Я знаю, я навѣрно знаю, что и онъ это чувствуетъ, но не можетъ и не смѣетъ показать. Ему страшна мысль, — какъ опять выйти изъ этого затишья, изъ этой спокойной, безмятежной, вѣчной спячки. Онъ, какъ жаба, притворяется мертвымъ, боясь чего-то, — а чего? — жаба и сама не знаетъ: она чувствуетъ грозящую опасность. И этотъ костякъ, — онъ тоже превосходно ощущаетъ, что ему грозитъ нѣчто, и нѣчто ужасное: возвратъ къ жизни.

Digitized by Google

И я возвращу его,—я въ этомъ увѣренъ. Вся моя сила, весь мой нервный механизмъ, весь на него устремился. Я, живой, здоровый человѣкъ,—я все свое передаю этой мертвечинѣ,—и я заставлю ее жить.

Но какъ это трудно, какъ трудно... Пять дней прошло—и никакихъ результатовъ. Временами, ночью, когда я засыпаю, мнѣ кажется—кто-то говоритъ. Пока шаркну спичкою, зажгу свѣчу,—все успокоится, хотя какой-то проходящій, замирающій звукъ еще чувствуется въ воздухѣ. Я знаю, если бы можно было все освѣтить сразу, и особенно этотъ черепъ, — а онъ всего въ трехъ аршинахъ отъ меня на столѣ, — я бы увидѣлъ кой-что такое, о чемъ я теперь только догадываюсь.

Я купилъ потайной фонарь. Онъ всю ночь горитъ у меня на столикѣ у изголовья, онъ совсѣмъ закрытъ,— но чуть мнѣ что̀ покажется,—я надавливаю пружинку, и рефлекторъ сразу озаряетъ черепъ. Но онъ тихъ и спокоенъ... Отчего же эти звуки?.. Отъ того, что мой мозгъ ненормаленъ?

Сны такіе все странные, смутные. Да еще бы имъ не быть странными: постоянное мозговое напряженіе. Я отлично чувствую, что нѣкоторые завитки въ моемъ мозгу ослабли и не работаютъ какъ прежде. Они просто не хотятъ работать. Я чувствую, какъ они сжимаются. О, это совершенно особенное, возмутительное чувство. Понимаете: внутри головы,—это ужасно, это такъ невозможно-ужасно!..

А задачу свою я выполню...

Что это?.. Я взялъ сейчасъ въ руки его, и мнѣ показалось, что онъ прилипаетъ къ рукамъ: точно налетомъ какимъ онъ покрылся, точно потъ выступилъ на немъ. И онъ весь покраснѣлъ: онъ сталъ такимъ

Digitized by Google

розовымъ. Ужели это?. Ага, вотъ когда надо работать: я, значитъ, на прямой дорогѣ.

V.

Да, да,—я на прямой дорогѣ! Онъ видоизмѣняется, онъ обростаетъ чѣмъ-то, чѣмъ-то такимъ жирнымъ. По угламъ скопляются какіе-то жировые пузырьки. Онъ все краснѣетъ, а на вискахъ является какая-то синева.

Когда я протягиваю къ нему руки, я чувствую, что между нами сейчасъ же образуется токъ. Изъ меня точно онъ вытягиваетъ силу, и именно изъ моей головы. Оставлять его уже нельзя днемъ на столѣ: могутъ замѣтить. Надо прятать. И я прячу въ шкапъ, далеко-далеко запрятываю въ уголъ, и только когда дверь на замкѣ, и замочная скважина завѣшана полотенцемъ, тогда только я его вынимаю...

Глазныя впадины теперь уже не костяные мѣшки. Нѣтъ, они наполняются чѣмъ-то безформеннымъ, какою-то массою, чѣмъ-то сѣроватымъ, студенистымъ...

Значитъ я уловилъ и поймалъ нѣчто новое, небывалое, великое. О, да это несомнѣнно было и прежде извѣстно. Я убѣжденъ, что въ Индіи эти брамины, сидя въ своихъ пестрыхъ пагодахъ, совершали такія таинства, что нашъ мозгъ засохъ-бы при одномъ разсказѣ о нихъ. А въ Египтѣ, эти александрійскіе маги, великіе астрономы, державшіе ключи величайшихъ знаній,—они развѣ не знали этого? Я только смутно воскрешаю давно забытую науку,—я одинъ, безъ знаній, вооруженный силою воли, иду на встрѣчу необъяснимому, и результатъ будетъ...

Я просиживаю и дни, и ночи надъ этимъ круглымъ

Digitized by Google

краснымъ и тепловатымъ, да, тепловатымъ шаромъ. Теперь онъ уже не тотъ холодный костякъ, нѣтъ: я не ощущаю ни теплоты, ни холода, когда прикасаюсь къ нему: температура его повысилась.

Домашніе смотрятъ подозрительно, добиваются узнать, что̀ такое я дѣлаю, чѣмъ занимаюсь: интересно имъ это. Да, если-бы они знали правду...

Онъ еще весь красный, но надъ глазами стали показываться рѣдкіе черные волосы бровей. На вискахъ тоже закрутились три-четыре сѣдоватыхъ волоска. Зубы точно плёнкою какою затянулись сверху и снизу. Плёнка эта не совсѣмъ сходится, и тамъ, гдѣ долженъ быть ротъ, тамъ разрѣзъ образовала.

И все это совсѣмъ не гадко, не отвратительно, это только ужасно по впечатлѣнію, а никакъ не по сущности. Мнѣ даже порою кажется, что ничего этого не существуетъ, что это только отраженіе чего-то, что находится гдѣ-то, что это обманъ и зрѣнія, и ощущенія...

VI.

Но зачѣмъ же эта кожа, наростающая слоями, вся въ морщинахъ? Зачѣмъ эти старческія губы такъ плотно сжаты, съ такою болѣзненною, удручающею впечатлѣніе складкою? Глаза закрыты; черепъ голый, только на затылкѣ и на вискахъ сѣдыя вьющіяся пряди. Лицо не красное, нѣтъ, оно лимонно-пепельнаго цвѣта. Кожа мягкая, совсѣмъ мягкая, какъ сырое тѣсто. Щеки обвислыя, обрюзгшія. Отчего же это старикъ? Вѣдь это молодой былъ черепъ?.. Вѣдь зубы у него молодые?..

Глаза закрыты. Когда я употребляю всю силу воли на то, чтобы они открылись, въ вѣкахъ чувствуется

Digitized by Google

дрожаніе. Рѣсницы слабо вздрагиваютъ, иногда щеку сводитъ судорога, но глаза остаются закрытыми. Я пробовалъ приподнять ихъ... А, я понялъ отчего они не открываются: еще нѣтъ глазъ, одинъ бѣлокъ. Когда я надавливалъ вѣку, изъ нея показалась капля: чистая, прозрачная слеза. Она скатилась по носу, на секунду остановилась возлѣ губъ и соскользнула на листъ бумаги. Когда она засохла, образовалось желтенькое пятнышко, какъ всегда отъ слезъ...

И опять то-же представленіе. Когда темно, и я лежу въ постели, а черепъ на столѣ, мнѣ все кажется, что онъ смотритъ. Но какъ же онъ можетъ смотрѣть, когда глазъ нѣтъ?

Онъ мой! Онъ мое созданіе! Я перелилъ въ него часть себя: вѣдь вотъ какой я сталъ блѣдный, сѣрый, какъ состарился. Мнѣ даже кажется, когда я смотрю на себя въ зеркало, что становлюсь на него похожимъ; глаза безжизненные, подъ ними круги, губы безкровныя, тонкія, сухія...

Иногда мнѣ кажется, что я сплю, что проснусь и увижу, что черепъ голый, и нѣтъ ничего, а все по старому. Но нѣтъ, я живу, живу къ ужасу своему! Все вокругъ меня реально. И домашніе мои, и обѣды, и завтраки, и гости. Вотъ я одинъ теперь въ комнатѣ, часы на столѣ тикаютъ, сквозь окно слышно, какъ во дворѣ выколачиваютъ ковры. Въ сосѣдней комнатѣ полотеры натираютъ полъ. А у меня, какъ разъ на столѣ, въ аршинѣ отъ лица, лежитъ этотъ черепъ,—нѣтъ не черепъ, а голова...

Да,—за послѣднее время началась уже новая фаза ея развитія, и фаза ужасная...

Digitized by Google

VII.

Я началъ замѣчать, что губы шевелятся, ротъ слегка открывается, словно дышетъ. А по ночамъ опять начались звуки, только уже не такіе, какъ прежде, а какіе-то глухіе, точно подавленный стонъ. Протяжно такъ, ноюще...

Этого я не могъ выдерживать. Я выдержалъ ночь, другую, — но всему есть предѣлъ. Вѣдь я еще живой человѣкъ, мои нервы двигаются, ходятъ, я не могу этого вынести. Я заперъ его въ шкапъ.

Но и тамъ, и оттуда долетаютъ эти ужасные стоны. Правда, чуть слышные, какъ слабый отзвукъ чего-то, но я-то ихъ слышу, слышу всѣмъ своимъ существомъ, всѣмъ организмомъ.

Я готовъ былъ бѣжать, я сходилъ съ ума. Онъ стонетъ и днемъ, съ закрытыми глазами, съ искривленнымъ лицомъ. Я закутываю его въ одѣяло, прячу въ дальніе углы, забрасываю вещами, заставляю хламомъ. Нѣтъ,—все стонетъ, стонетъ... Кровь стынетъ въ жилахъ, въ головѣ все спуталось...

Я боюсь, что его услышатъ, что всѣ узнаютъ. Что̀ я скажу, да и что̀ это такое вообще. откуда это?..

Нѣтъ, это невыносимо. Надо уничтожить. Я создалъ, я и разрушу. Я собираю всю силу воли, я хочу, чтобы вся эта матерія уничтожилась, но сила воли исчезла во мнѣ, я не могу ее сосредоточить на одномъ предметѣ, она какъ-то расплывается, разбѣгается по сторонамъ.

Я лежалъ ночью, мучимый и бредомъ, и адскимъ видѣніемъ, и этимъ стономъ. Онъ стоналъ въ эту ночь безпрерывно. Надо было покончить.

Digitized by Google

Я вскочилъ, вынулъ его изъ шкапа, бросилъ на столъ и засвѣтилъ фонарь.

У меня надъ кроватью на коврѣ, среди оружія виситъ сабля, еще дѣдовская, въ узорныхъ ножнахъ, восточная. Я выхватилъ ее. Я рѣшилъ разбить его, разнести въ куски. Я зажмурился и ударилъ, что было силъ.

Сабля врѣзалась въ столъ: ударъ соскользнулъ, черепъ, подпрыгнувъ, упалъ грузно на полъ и остановился.

Я схватилъ его, не помня себя, швырнулъ на столъ, придержалъ лѣвою рукою, чтобы онъ опять не спрыгнулъ, и замахнулся. Глаза его въ этотъ мигъ открылись.

Это были сѣрые глаза, старческіе, рѣшительно ничего не выражавшіе, кромѣ какого-то смутнаго отдаленнаго страха. Но мнѣ ужѐ было все равно—и я сталъ съ остервенѣніемъ наносить удары...

Какую-то рѣзкую физическую боль почувствовалъ я, или мнѣ это показалось. Фонарь опрокинулся и погасъ. Было темно. Не знаю, что̀ я рубилъ, и зачѣмъ. Помню, что въ потьмахъ добрался до постели и повалился на нее безъ чувствъ.

VIII.

Я очнулся отъ острой боли. Было свѣтло. Я взглянулъ и ужаснулся. Вся кровать моя была въ крови. На лѣвой рукѣ были двѣ глубокихъ раны, она вспухла, вздулась. Подъ столомъ валялась сабля и куски разбитаго черепа.

Да, это былъ черепъ. Простой желтый костяной пузырь, и нигдѣ ни слѣда мяса или жира. Я подобралъ правою рукою обломки, спряталъ; спряталъ и саблю. Боль была мучительна, невозможна.

Digitized by Google

Далѣе мысли мои путаются, и бредъ, и боль, и запахъ хлороформа. Доктора̀ въ черныхъ сюртукахъ и передникахъ. Консиліумы, таинственное покачиванье головою, и непреложное рѣшеніе: нужна ампутація.

Нервная горячка, и ужасная операція—отнятіе руки, и весь этотъ ужасъ физическихъ и нравственныхъ страданій—все это я перенесъ. Перенесъ и всталъ съ кровати бодрымъ, полнымъ новыхъ силъ.

Я слышалъ, что шептали доктора моимъ домашнимъ, Во время такихъ болѣзней слухъ изощряется поразительно. Я слышалъ все, что говорилось за три комнаты отъ меня. Увѣряли, что я освобожусь отъ своей меланхоліи, что моя ненормальность быть можетъ пройдетъ подъ вліяніемъ минувшихъ страданій.

Когда я всталъ, я первымъ долгомъ пошелъ къ шкапу, гдѣ лежали осколки разбитаго черепа. Они лежали такъ, какъ я положилъ ихъ нѣсколько недѣль назадъ, завернутые въ газетную бумагу. И на нихъ, и на бумагѣ была кровь. Но видно было, что это я дотрогивался до нихъ своими окровавленными пальцами. Кости были совсѣмъ сухія, гладкія—никакого признака того, что чудилось мнѣ столько времени...

И я согласился съ докторами, что у меня начинаналось сумасшествіе и получило благополучный исходъ. Это меня измѣнило къ лучшему: я повѣрилъ, что моя черненькая точка пропала. Пустота замѣнилась какимъ-то полнымъ біеніемъ жизненнаго пульса, а моя исторія съ черепомъ—это безуміе.

Какое было бы великое счастье, если бы эта увѣренность осталась. Но не могла она остаться,—правда должна была восторжествовать, и она восторжествовала. Я не былъ безумцемъ, и все это была не галлюцинація.

Digitized by Google

IX.

Разсмотрѣвъ зарубины на столѣ, я вспомнилъ о саблѣ. Я ее ни разу не видѣлъ съ того самаго утра. Я вынулъ ее изъ ножёнъ; она была вся въ темныхъ пятнахъ. Это была кровь. Кровь эта, конечно, моя, потому что я два раза разрубилъ свою руку.

Я внимательно сталъ ее осматривать. И тутъ я увидѣлъ, что кромѣ крови есть и еще кое-что, и кое-что ужасное. По всей длинѣ ея были приставши какіе-то кусочки, давно подсохшіе, но ихъ много было. Въ одномъ мѣстѣ даже сохранился прилипшій кусокъ кости, съ какою-то желтоватою массою на исподней сторонѣ.

У меня въ виски забило. Опять эта точка стала рости, рости, раздуваться, и заняла все. Что же это, опять галлюцинація. опять старое?

Но я рѣшилъ себя провѣрить. Я уже не довѣрялъ себѣ. Я взялъ кусокъ этой кости въ коробочку, обернулъ его ватою и поѣхалъ къ знакомому доктору.

Мнѣ необходимо было микроскопическое изслѣдованіе. Оно должно было рѣшить все, рѣшить мою участь, мое душевное спокойствіе, настроеніе моего внутренняго міра. Оно было произведено, это изслѣдованіе, и результатъ его былъ ужасенъ. Вотъ что сказалъ докторъ:

— Откуда это у тебя? Это кость и кусочекъ головнаго мозга.

Довольно! Этого было довольно! Ничего ужаснѣе нельзя было сказать. Такъ вотъ онò, мое сумасшествіе, такъ вотъ отъ чего меня лѣчатъ! Они считали меня ненормальнымъ Если я разскажу кому, чтò было со

Digitized by Google

мною,—надо мною станутъ смѣяться, мнѣ не повѣрятъ.

Ну, и пусть я буду галлюцинатъ и безумецъ. Но за то я знаю, чего никто не знаетъ. Это мое достояніе. А если не я, а всѣ другіе безумцы, что̀ тогда? Если я только шагнулъ дальше другихъ, шагнулъ въ тотъ міръ, который прочимъ недоступенъ?

А впрочемъ, нѣтъ, говорить объ этомъ не надо, и пусть меня считаютъ галлюцинатомъ.

1886 г., Май.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА НАШИХЪ ДНЕЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

«...Наши дни—дни чудесъ. Что ни день, то новое открытіе. Психіатрія идетъ гигантскими шагами впередъ, и безформенная могучая сила облекается въ научную оболочку...»

Изъ трактата о сомнамбулизмѣ.

I.

Непривѣтное, холодное, свинцовое море шумѣло глухимъ осеннимъ шумомъ, и катило куда-то вдаль свои хмурыя волны. Сѣрое влажное небо висѣло такъ низко, и по немъ неслись разодранные клочья облаковъ. Вѣтеръ пронизывалъ насквозь, забирался подъ рукава, трепалъ флаги, игралъ лентами и шарфами пассажировъ и пѣлъ свою заунывную пѣсню, тамъ, высоко, между снастей скрипѣвшей мачты. Было такъ сыро и неприглядно на этомъ большомъ красивомъ пароходѣ, и нигдѣ не было слышно ни смѣха, ни шутокъ, ни веселья. Молча сидѣли на широкихъ диванахъ каюты, прижавшись другъ къ другу, немногіе путешественники, сидѣли кучками, какъ стадо, застигнутое непогодою.

Digitized by Google

Молча прислушивались они къ лязгу цѣпей, къ однообразному гулу воды, что̀ пѣнилась подъ красными лопастями колесъ, къ глухимъ ударамъ волны, столкнувшейся съ крутымъ бортомъ судна. И было всѣмъ какъ-то жутко, безпокойно, тоскливо.

Изъ одного полутёмнаго угла, гдѣ сидѣли, плотно сжавшись, двѣ женскія фигуры, смотрѣли удивительные глаза. Они были такіе большіе, черные, бездонные, съ такими длинными рѣсницами. И потому они такъ странно горѣли, съ такою мощью и силою, что все лицо было безкровное: совсѣмъ сребристое, матовое. Точно крови не текло подъ этою кожею, а развѣтвлялись нервы, сплетались въ узлы и опять разсыпались вереницею нитей, проникая въ каждую по̀ру.

Ея ручка, блѣдная, мраморная, холодная, сжала теплую, мягкую руку сестры. А это сестра ея, навѣрно. Тѣ-же глаза, но не такіе лихорадочные, болѣе спокойные. Они устали горѣть, а въ прежнее время, должно быть, тотъ-же огонь теплился въ нихъ, и погасалъ, и сверкалъ такъ-же ярко. Теперь они точно заволоклись туманною дымкою, какое-то безотчетное безпокойство чуется въ нихъ, они такъ часто застилаются слезами, особенно когда останавливаются на понурой головкѣ сестры. А головка эта такъ довѣрчиво прильнула къ ея плечу и не шевельнется.

— Зоя, ловко тебѣ? спрашиваетъ она.

Зоя слабо, едва замѣтно, пожала ея руку, и въ этомъ пожатіи такъ и чувствовался отвѣтъ: «да, да, очень ловко, ты не безпокойся, милая».

— Ногамъ не холодно? Можетъ, хочешь плэдомъ покрыть?

— Нѣтъ, отвѣтило за нее слабое покачиваніе головы.

Digitized by Google

Вокругъ сестеръ, не смотря на грустную монотонность, все-таки чувствуется жизнь. То пройдетъ мальчикъ съ подносомъ дымящагося пунша, то толстый морякъ зашелеститъ газетою, то старушка начнетъ копаться въ плюшевомъ мѣшечкѣ, а онѣ сидятъ какъ надгробныя статуи, недвижно, величаво, спокойно.

— Ахъ, если бы только онъ былъ въ городѣ! вдругъ тихо, еле пошевельнувъ губами, сказала Зоя.

Сестра вся такъ и насторожилась, стараясь поймать едва слышный звукъ ея рѣчи.

— Если мы проѣхались понапрасну, продолжала Зоя. — Это... это я не знаю, что̀ бы такое было.

— Онъ дома, онъ въ городѣ, навѣрно, утѣшала сестра.

— Онъ мнѣ необходимъ, онъ одинъ, онъ одинъ мнѣ поможетъ. Знаешь, если мы застанемъ его, мнѣ сразу станетъ лучше; если-же нѣтъ его... Тогда берегись: я не знаю, что̀ со мною будетъ.

— Что̀ ты, Богъ съ тобою!

— Я себя знаю, я знаю себя, Антонина. Ты эти три года не жила съ нами, ты не знаешь, что̀ со мною дѣлается. Тебѣ говорила мама подробно? Да не одни тутъ нервы, нервы бы ничего, — хуже со мною бываетъ.

— Что̀ хуже? Я не знаю...

— Хуже, милая, только нѣтъ, говорить объ этомъ не надо. Нѣтъ, не могу я, и не надо, и разсказывать тебѣ объ этомъ не слѣдуетъ...

— Зоичка, говори: ты пугаешь меня.

— Чего пугаться... Пугаться нечего. А я вотъ обрадую тебя. Конецъ этому скоро будетъ, скоро. Я чувствую, что сегодня или завтра, но исцѣленье будетъ! И какое исцѣленье!

Digitized by Google

— Ну, значитъ застанемъ.

— Да, хотя и сомнѣваюсь я, а все-же внутри меня точно голосъ какой-то говоритъ: хорошо кончится. Я вѣрю въ это, Нина. А ты вѣришь?

— Вѣрю, родная моя.

— Вѣдь онъ святой, Нина? Ты знаешь, я во снѣ его видѣла. Онъ весь сѣдой и отъ лица свѣтится даже. Ты увидишь, ты вотъ увидишь, что онъ именно такой.

Глаза у нея загорѣлись еще сильнѣе, они такъ и вспыхивали и сіяли. Точно видѣла она передъ собою этого старичка, таинственнаго, исцѣляющаго. Она спустила ноги, встала со скамьи. Когда она встала, сосѣди какъ-то странно покосились на нее. Она была небольшаго роста и горбатая...

Она уже привыкла къ своему уродству, она не скрывала его, не обращала на него вниманія. Она равнодушно посмотрѣла вокругъ и опять сѣла возлѣ сестры, умостившись удобнѣе.

— Такъ что-же съ тобою еще дѣлается? спросила та.

Но Зоя ничего не отвѣчала, только крѣпко прижалась къ ея плечу. Она не прерывала больше молчанія, и такъ мертвенно тихо было вокругъ, только слышался лязгъ цѣпей, да за бортомъ шумѣли волны...

II.

Имъ отвели въ городѣ небольшой, но чистый нумеръ съ широкою постелью. Пока онѣ доѣхали до гостинницы, стало совсѣмъ темно. Къ вечеру стало холоднѣе, и даже на одномъ стеклѣ появились прозрачные лепестки

Digitized by Google

морознаго узора. Слуга принесъ свѣчи и полотенца. Незнакомая, новая обстановка непріятно давила ихъ. Зоѣ было хуже. Ей стало хуже послѣ печальной встрѣчи, при въѣздѣ въ городъ. Только-что онѣ, въ сгущавшихся сумеркахъ, съѣхали съ пристани, и колёса, мягко прокатившись по деревяннымъ доскамъ, застучали по камнямъ, имъ на перерѣзъ изъ улицы появилась погребальная процессія. Факелы смутно мерцали, колыхаясь надъ широкими шляпами и капюшонами. Черныя лошади ступали тихо и какъ-то неслышно. Бѣлый гробъ коегдѣ искрился блестящими точками, да изрѣдка потряхивалъ пышными, качающимися кистями. За гробомъ шелъ старикъ въ шубѣ, съ открытою лысою головою, и два гимназистика, тоже безъ фуражекъ. Сзади не было больше никого — ни людей, ии экипажа.

— Какъ ты думаешь, кто она? спросила Зоя, прижимаясь къ сестрѣ и пугливо глядя на черные силуэты проходящаго кортежа. — Это нѣмка должно быть. .

Факелы уходили въ глубь сумерекъ, перебѣгая, какъ блуждающіе огоньки, путаясь между собою и опять разлучаясь.

— Зоя, какъ не стыдно, полно! Ты, кажется. готова расплакаться.

Она заглядывала ей въ лицо, а та отворачивалась, не хотѣла, чтобы сестра уловила ея выраженіе.

И теперь, пріѣхавъ въ нумеръ, она все еще была полна этою встрѣчею. Ей было такъ холодно и непривычно. Она куталась въ большой платокъ до самаго носа, говорила, что ничего не хочетъ, ни ѣсть, ни лежать. Она смотрѣла въ окно на незнакомую пустую улицу, по которой свободно гулялъ вѣтеръ. Иногда она останавливалась задумчиво у высокой конторки, зачѣмъ-то приткнутой возлѣ двери, и, положивъ на нее

Digitized by Google

локти и подперевъ подбородокъ, стояла такъ, о чемъ-то все думая, что̀-то соображая. Сестра долго смотрѣла на нее, полулежа на диванѣ.

— Зоя, скажи ты мнѣ, въ чемъ дѣло? спросила она наконецъ.

Зоя оглянулась, подошла къ ней и остановилась у стола.

— Зачѣмъ тебѣ знать это? Зачѣмъ?

— Зоинька, вѣдь ты мнѣ сестра, вѣдь люблю я тебя. Мнѣ тяжело, мнѣ такъ тяжело смотрѣть на твои муки. Что̀ съ тобою?

Она схватила ее за руки.

— Я знаю, ты его потеряла, — ну, вѣдь это ужасно, конечно. Но у тебя есть, кромѣ того, что̀-то.

— Есть.

— Ну, скажи; тебѣ легче будетъ, если ты сбросишь съ себя этотъ грузъ: вѣдь онъ тяготитъ, онъ давитъ твою душу.

— Нѣтъ.

Она вырвала руки и опять заходила по комнатѣ.

— Я одно тебѣ скажу: я больна, больна ужасно. Доктора̀ не вылечатъ меня: если отецъ Алексѣй мнѣ не поможетъ, мнѣ не поможетъ никто.

— Что̀-же болитъ у тебя?

— Все. Сердце болитъ, дыханья нѣтъ. Нѣтъ покоя, нѣтъ силъ жить. И никому я не скажу, что̀ со мною, ни тебѣ, ни даже ему.

— Зачѣмъ-же тогда намъ было ѣхать сюда?

— Можетъ быть, молитва его поможетъ. Если онъ духовидецъ, онъ и безъ моихъ словъ все пойметъ и узнаетъ, а если онъ простой обыкновенный человѣкъ, то и знать ему это незачѣмъ.

Digitized by Google

Зоя подошла къ дивану, опустилась на колѣни и положила голову на грудь сестры.

— Ахъ, тяжело, тяжело мнѣ! прошептала она, чувствуя въ себѣ конвульсіи слезъ.—Поскорѣе бы, поскорѣе увидать его! Вотъ, если бы онъ сейчасъ былъ тутъ, я бы выплакалась передъ нимъ, и такъ бы хорошо и легко бы мнѣ стало: именно теперь онъ бы понялъ меня.

— Хочешь, я пойду за нимъ?

— Нѣтъ, онъ все равно не пойдетъ теперь, да вѣдь и сказали тебѣ, что онъ только къ вечеру вернется въ городъ. Ты пойди ко всенощной, оставь меня, а я отдохну здѣсь... Я не спала, ужь теперь и не помню, сколько ночей. Меня такъ и шатаетъ, когда я хожу. Мнѣ надо, мнѣ надо отдохнуть. Нина, зачѣмъ эти три года ты не была со мною? Я отвыкла теперь отъ тебя. Ты вѣдь такая хорошая, ты такая прелестная, милая. Если бы была ты всегда возлѣ меня, повѣрь, въ тяжелыя минуты къ тебѣ я пришла бы... А мама?.. Ты знаешь маму! Развѣ она можетъ понять это...

Сестра дотронулась до ея головы, она горѣла. Даже пряди волосъ, что спускались на лобъ, и тѣ были такія теплыя, до странности сухія.

— Ты бы легла, раздѣлась, сказала Нина, — а я все устрою, пойду и сдѣлаю.

— Да, я можетъ быть лягу, сказала Зоя.

Она поднялась, подошла, шатаясь, къ кровати, и стала разстегивать и развязывать платье.

— Да, мнѣ лучше лечь, повторяла она.

Digitized by Google

III.

Зоя заснула глубокимъ, мертвымъ сномъ, подъ шумъ и трескъ топившейся печки, смотря на красный, теплый свѣтъ, лившійся изъ полуотворенной заслонки. Когда Нина возвратилась и попробовала разбудить ее, она не могла этого сдѣлать. Зоя лежала, плотно сжавъ губы и сомкнувъ рѣсницы, тихо дыша, разметавъ по подушкѣ пряди волосъ. Она не встала къ чаю, не встала къ ужину. Она сквозь сонъ сказала, что ничего не хочетъ, ничего не будетъ ни ѣсть, ни пить.

Нина, не раздѣваясь, только разстегнувъ корсетъ, прилегла рядомъ съ нею. За занавѣскою тускло горѣла свѣча. Печка мало нагрѣла комнату, и онѣ обѣ покрылись плэдомъ.

— Когда-же онъ будетъ? вдругъ спросила Зоя.

Сестра вздрогнула, такъ неожиданно она заговорила.

— Въ пятомъ часу онъ служитъ заутреню.

— А! Я пойду.

— Не ходи, я одна все устрою.

— Нѣтъ, я пойду. У меня теперь есть силы, ты не бойся за меня.

А голова у нея все также горѣла.

— Нина, вдругъ какимъ-то страннымъ, глухимъ голосомъ заговорила она. — Можно тебя спросить... только ты не пугайся, пожалуйста не пугайся...

— Ну? съ какимъ-то томящимъ предчувствіемъ спросила та.

— Что... кромѣ насъ, никого нѣтъ въ этой комнатѣ?

Digitized by Google

— Никого, что̀ это ты спрашиваешь?

— Только двое... а... а третьяго нѣтъ?

Нина чувствовала, какъ дрожь пробѣжала по ея спинѣ, какъ внезапно сердце словно остановилось биться.

— Третьяго, прошептала она, — какъ третьяго?

— Ты не пугайся... Мнѣ все кажется, что тамъ на стулѣ сидитъ кто-то...

Въ томъ углу, куда показывала она рукою, было совсѣмъ темно, смутно, неопредѣленно. Что-то такое словно колыхалось, что-то шевелилось тамъ. Нина боялась голову повернуть; она чувствовала, что ее охватываетъ со всѣхъ сторонъ что̀-то новое, неизъяснимое. Вокругъ стояла тишь; она слышала, какъ кровь бьется въ ней.

— И безъ тебя мнѣ это все казалось; кто-то такой бѣлый, недвижный сидитъ, и только голову слегка поворачиваетъ ко мнѣ.

Нина хотѣла говорить, и не могла — языкъ не шевелился. А Зоя прямо такъ и смотрѣла своими большими глазами въ этотъ уголъ.

— Я часто это вижу, я не знаю что̀ это такое. Даже не вижу, а чувствую. Иногда я чувствую, что кто-то какъ разъ сзади меня стоитъ. Это еще ужаснѣе, я не вижу, и это гораздо хуже: мнѣ все кажется, что онъ меня за шею возьметъ.

Вѣтеръ въ трубѣ жалобно взвизгнулъ и загудѣлъ выше, куда-то вверхъ по стѣнѣ.

— Перестань, шептала Нина,—перестань, не говори этого.

— И ты знаешь, продолжала Зоя,—иногда я руку на плечѣ чувствую, или на лбу. Холодная, холодная рука. Опустится ко мнѣ на лобъ и давитъ, давитъ.

Digitized by Google

Это во снѣ. Я проснусь, и все ее чувствую. Вотъ, когда тебя не было, два раза она у меня на лбу была. Милая, ты боишься, я напугала тебя. Ты прости меня; прости, моя радость...

Она вдругъ кинулась къ сестрѣ, стала цѣловать ея открытыя плечи и шею, стала цѣловать и въ голову, и въ глаза̀, и въ щеки...

— Ахъ, все это послѣ того стало дѣлаться... Послѣ этой болѣзни. Ты знаешь... да нѣтъ, ты не знаешь ничего.

IV.

— Я вѣдь уродъ: горбъ у меня, да вѣдь горбъ-то какой! Онъ совсѣмъ вдавилъ мнѣ голову въ плечи. Глаза̀, говорятъ, хорошіе у меня, умные. А что̀ глаза̀... Говорятъ, всѣ горбатыя умны. А умна-ли я—я не знаю. Я несчастна, вотъ это такъ,—я совсѣмъ несчастна. Съ дѣтскихъ лѣтъ я такая. Завистливая я, а умныя развѣ бываютъ завистливы? Я чувствую, что не такая я, какъ всѣ. Выйду въ садъ: солнце свѣтитъ, цвѣты вокругъ, пчёлы летаютъ, кротъ роется. Это все какъ надо, все такъ и должно быть. А сама я, я не подхожу къ этому всему. Я уродъ. Я исключеніе. Зачѣмъ же? Зачѣмъ же я, вотъ именно я—такая? Вѣдь всѣмъ одинаково дано всего поровну, а меня обидѣли. Такъ обидѣли: душу вынули. Нянька маленькую уронила. Выскользнула я изъ рукъ у нея. Я много думала именно объ этомъ: вотъ о томъ, какъ я изъ ея рукъ упала. Вѣдь ты пойми, ты пойми, что̀ это такое. Она, можетъ, и не виновата была, да я даже увѣрена, что не виновата. Рука у нея дрогнула,—ну, судорога просто случилась, потянулась она за чѣмъ-нибудь, а я этимъ временемъ

Digitized by Google

перевалилась, и перевалилась именно на тотъ бокъ, на который нельзя было переваливаться. Кувырнулась я, и если бы просто на полъ, на коверъ кувырнулась— и это ничего. А то тутъ какъ разъ уголъ шкапа, не самый шкапъ, а уголъ, и я со всего размаха хребтомъ объ него... Ну, успѣй она меня подхватить, поймать, секунда какая-нибудь, и все хорошо, и вся жизнь какъ надо. А тутъ отъ одного взгляда, отъ одного движенія руки, что̀ она не поспѣла сдѣлать, отъ этого вся жизнь испорчена, поломана, разбита. Ты не думай,—это не спину мою, это жизнь мою сломали! И ты вѣдь чувствуешь: тутъ нѣтъ злой воли. Злая воля, говорятъ, это худшее, что̀ есть на землѣ. Будь злая воля, я согласна буду со всѣмъ, съ чѣмъ хочешь. А то вѣдь случай, и даже не случай. Рука дрогнула, развѣ случай это? Это случайность, и какая гадкая, отвратительная, гнусная! Вмѣсто жизни прозябанье, тоскливое, сумрачное.

Зоя приподнялась на кровати, оперлась локтемъ на подушку, и наклонилась надъ лицомъ сестры.

— Я вѣдь тебѣ какъ завидовала, когда ты выѣзжала на балы, на вечера́, когда толпою ухаживали за тобою. Ты знаешь, я никогда не показывала этого, но въ душѣ ненавидѣла я тебя. Я ненавидѣла, потому что знала, что ты хороша собою, что ты стройна, граціозна. Я вѣдь считала себя куда умнѣе тебя, да и лицомъ куда красивѣе. Меня считали злою, говорили, что у меня скверный характеръ, меня боялись, и я рада была, я рада была, что отъ меня какъ отъ дьявола бѣгали. Я змѣею проползала иногда, напрашивалась на довѣріе, а потомъ жалила. Ты помнишь, какъ мужъ твой еще до свадьбы всѣми силами избѣгалъ меня. А я хотѣла, я хотѣла непремѣнно его поссорить

Digitized by Google

и съ тобою, и съ мамою, и со всѣми. Къ счастью, это не удалось, къ счастью... Что̀ ты такъ смотришь на меня? Ты, кажется, не вѣришь мнѣ. Я теперь могу признаваться открыто въ этомъ: я ужь не такая. Много я испытала, и теперь я ужь не та.

Она опять откинулась на подушку.

— И вдругъ, Нина, и вдругъ со мною случилась невѣроятная вещь: ты знаешь что̀: я влюбилась. Да вѣдь какъ влюбилась-то! Такъ, какъ тебѣ никогда не любить! Всѣмъ существомъ, до послѣдней фибры, до послѣдней капли крови! Ты знаешь въ кого, ты видѣла его портретъ. Онъ жилъ въ деревнѣ у насъ. Въ деревнѣ, каждый день, съ утра до ночи вмѣстѣ. Ты знаешь, я умѣю говорить, и онъ такъ любилъ разговоры со мною. Цѣлыми днями гуляли мы, и читали, и говорили. Умница былъ онъ, чуткое сердце. Пѣлъ онъ какъ хорошо! Что̀ за голосъ былъ у него... И такъ онъ всегда ко мнѣ тепло относился. Посмотритъ такъ любовно, глаза̀ ласковые такіе: «Славная, говоритъ,—вы дѣвушка». Ну зачѣмъ, ну зачѣмъ онъ это дѣлалъ?

Она просунула руку подъ шею сестры и охватила ее крѣпко-крѣпко.

— Онъ на меня должно быть и смотрѣлъ-то не такъ, какъ на женщину смотрятъ .. Только все же надо было догадаться ему, что-ли, да ужь не такъ себя держать. А вѣдь вотъ мужчины, они часто женщинъ осуждаютъ, говорятъ: кокетки. А это не кокетство съ ихъ стороны, если сидятъ днями возлѣ, говорятъ, что итти больше никуда не охота, что они такъ бы тутъ цѣлый вѣкъ и сидѣли? Хорошо это? честно? Вѣдь это тоже кокетство, если еще не хуже въ тысячу разъ.. Я привязалась къ нему, вся вотъ тутъ, готова съ нимъ уйти куда хочешь, хоть на край свѣта. А онъ... онъ,

Digitized by Google

знаешь, что̀ сдѣлалъ? Ты только слушай... Гуляла я съ нимъ разъ, вечеръ такой душистый былъ, да прозрачный. Дошли до ручья, переходить надо: онъ въ сапогахъ высокихъ, а мнѣ какъ? Ничего, говоритъ, я перенесу васъ. Схватилъ въ охабку, и знаешь, вотъ какъ на нѣмецкихъ картинкахъ рисуютъ: такъ по водѣ на другую сторону и перенесъ. Спустилъ онъ меня на землю, а меня всю шатаетъ, какъ пьяную, стоять не могу, душа къ нему рвется, кажется кинулась бы къ нему на шею... Смѣшно, вѣдь, правда? Что̀ жь ты не смѣешься, Нина?.. Я сама смѣюсь — смѣшно, ужасно смѣшно. Какъ же вдругъ, съ чего это я въ нѣжныя чувства ударилась? Все цѣлый вѣкъ ехидничала, а тутъ на-ко,—растаяла. Характерецъ-то у меня есть, все-таки я сдержалась, вида не показывала. Онъ спрашиваетъ: «что̀ съ вами?» Я хохочу; «съ непривычки», говорю. Такъ онъ посмотрѣлъ на меня странно, ничего не сказалъ.

Она положила голову на грудь сестры, та тихо начала гладить ея растрепавшіяся пряди.

— И вотъ тутъ-то, тутъ-то я и сдѣлала ошибку, ошибку невозможную, непоправимую! На другой день это было. Ночь я всю не спала передъ этимъ: жжетъ подушка, въ виски стучитъ, воздуха мало, бѣжала бы куда-нибудь, такъ и полетѣла бы! На утро выхожу на балконъ, — онъ одинъ тамъ, —не сошлись еще, всѣ по своимъ комнатамъ. Я не чувствую, что̀ дѣлаю что говорю, подхожу къ нему. Онъ спрашиваетъ:

«Что̀ вы блѣдная»?

«Ночь не спала».

«Отчего»?

«Все думала».

«О чемъ»?

Digitized by Google

Я подняла на него глаза, онъ съ участіемъ такимъ на меня смотритъ.

«О васъ думала».

Онъ удивился.

«Обо мнѣ»?

«О васъ. Я ни о чемъ не могу, какъ только о васъ, думать».

Вижу, смутился онъ, губу закусилъ. «Неужели?» спрашиваетъ, и такимъ страннымъ голосомъ. Я отвернулась, смотрю въ сторону, говорю: «Что же тутъ страннаго, я люблю васъ»... Сказала, а сама боюсь взглянуть на него. А онъ не шевелится, окаменѣлъ, точно замеръ. И молчитъ, хоть бы слово въ отвѣтъ. Я чувствую, подо мною земля уходитъ—все кружится. «Вы слышали, что̀ я сказала?»—спрашиваю у него, а сама думаю: «вотъ-вотъ сейчасъ упаду»... Онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ тихонько за руку, и говоритъ: «Зоя, ошиблись вы»... Какъ сказалъ онъ это, все завертѣлось у меня передъ глазами: какъ, я, я сама сказала, призналась въ томъ, въ чемъ ни одна женщина не должна первая признаваться, а мнѣ въ отвѣтъ чуть не въ лицо смѣются! Это съ моею-то гордостью, съ самолюбіемъ сатанинскимъ!.. Я смотрю на него: «А! говорю, такъ!» да навзничь на полъ; гребенка бѣлая костяная у меня была въ волосахъ—та въ дребезги, на мелкіе куски...

V.

— Полгода я больна была. И отчего? Все отъ дьявольскаго самолюбія. Ты думаешь, любила я такъ сильно? О, и съ этимъ бы я примирилась. Но прими-

Digitized by Google

риться съ тѣмъ, что я сама себя ему выдала—съ этимъ, нѣтъ, нельзя примириться съ этимъ, нельзя! Ты скажешь, что исторія-то это старая, неинтересная. Ахъ, какъ интересно это, Нина,—для меня по крайней мѣрѣ. Повѣрь, то̀ и интересно, мимо чего всѣ проходятъ и вниманія не обращаютъ. Онъ вѣдь испугался моей любви, понимаешь, испугался: какъ, дескать, я горбунью любить буду. Можетъ она и умна, и глаза у нея такіе, но вѣдь я показаться съ нею никуда не могу: вѣдь на нее чуть не пальцами тычутъ. А нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ краснѣть за близкаго! Да, вѣдь я уродъ, ну какъ урода полюбить—ну развѣ возможно, ты скажи, скажи сама?..

Она остановилась: вдали глухо прозвучалъ ударъ колокола,—въ ночной тишинѣ онъ прокатился такъ плавно, такъ торжественно. Стёкла слегка звякнули въ окнахъ. Воздухъ налился этимъ гуломъ,—звонъ застылъ въ морозномъ воздухѣ и мѣрно дрожалъ на одной нотѣ.

— Заутреня это,—сказала Зоя,—мы пойдемъ съ тобою,—и пойду я непремѣнно. Такъ вѣдь вотъ видишь, я понимаю его, хорошо понимаю. Что̀ же ему въ самомъ дѣлѣ, не брать же меня, коли ничего онъ ко мнѣ не чувствуетъ. Избѣгать онъ меня началъ. Вотъ ужь это не хорошо. Просто избѣгаетъ. Какъ будто случайно уходитъ, если вдвоемъ останемся, боится, чтобы я опять того прежняго разговора не возобновила. Это я-то,—слышишь! Да еслибъ, кажется, умиралъ онъ у моихъ ногъ, такъ и тогда я бы ему слова любви не сказала. Разъ оттолкнули меня,—ужь въ другой разъ не пойду, не поклонюсь, и къ себѣ не подпущу. И самъ онъ началъ замѣчать потомъ это. Сломила я себя, пересилила. А только-каково это досталось!.. При той постоянной

Digitized by Google

мысли, что и горбунья ты, и отрепья какія-то человѣчества, карикатура,—да еще такъ насмѣяться. Да и не онъ насмѣялся, а судьба, и жестоко, скверно насмѣялась. Вотъ съ того времени и припадки у меня появились: истерика, всякая всячина. Онъ уѣхалъ на югъ,—нарочно, кажется, отъ меня сбѣжалъ, совѣсть замучила. А мнѣ, какъ онъ уѣхалъ—хуже стало. И все мнѣ кто-то грезится бѣлый. Вотъ и теперь: говорю я, а ты думаешь я позабыла его? Я знаю: вотъ онъ тутъ, у самыхъ подушекъ сидитъ, на кровати. Я вѣдь чувствую его. Ты не пугайся: онъ добрый, онъ не тронетъ,—только руки холодныя у него. И ты не подумай, что я сумасшедшая, и что мнѣ всякая дрянь мерещится! Я серьезно тебѣ говорю, что здѣсь трое. Если ты не видишь его, это не значитъ, что его нѣтъ. Ты на свои чувства не очень надѣйся: вѣрь мнѣ, что это такъ. Видишь, я не боюсь. Мнѣ страшно предъ его появленіемъ,—я вѣдь чувствую, когда придетъ онъ. Я знала, что будетъ онъ здѣсь, оттого и дергало меня такъ, какъ пріѣхали сюда...

VI

Когда они вышли на улицу, мятель разыгралась во всю. По холоднымъ камнямъ мелъ сухой рѣзкій снѣгъ и стлался зубчатыми струйками по мостовой. Вѣтеръ вылъ и стучалъ въ окна и подъѣзды. Газъ судорожно метался въ фонаряхъ, слабо освѣщая тёмные дома. Сквозь частую сѣтку косаго снѣга, здѣсь, на улицѣ, еще торжественнѣе гудѣлъ колоколъ собора. Вокругъ безлюдно было, словно вымерло все, и ихъ только двое — двѣ женщины въ чужомъ, незнакомомъ

Digitized by Google

городѣ. Нѣтъ ни извозчиковъ, ни дворниковъ, ни сторожей...

— А вѣдь онъ сзади, какъ разъ сюда, за нами по пятамъ,—шепнула Зоя. Нина только шаги ускорила.

Но городъ не былъ такъ мертвъ, какимъ казался съ перваго взгляда. Чѣмъ ближе подходили онѣ къ церкви, тѣмъ сильнѣе чувствовалось движеніе. Нужды нѣтъ, что реветъ осенняя буря, и на морѣ, тамъ, на окраинѣ города, бѣснуются сѣдые валы. Нужды нѣтъ, что непроглядная мгла вокругъ, что теперь самая пора отдыха и сна. Какая-то невѣдомая сила подняла этихъ людей съ ихъ постелей, и повела сюда, къ освѣщенному входу, гдѣ толпа нищихъ ждетъ ихъ подачки. Тамъ, за этими дверями, совершается таинство великое. Тамъ есть нѣчто, что̀ сумѣло привлечь къ себѣ всю эту толпу, заставивъ ее мыслить и думать одно и то-же.

Церковь низкая, мрачная, длинная, словно древне-христіанская катакомба. Воздухъ спертый, задхлый, насыщенный всякими испареніями этой сѣрой толпы. Все спины, спины. А тамъ дальше, въ туманѣ дыма, среди слабаго мерцанія свѣчей, въ полутёмномъ алтарѣ мелькаетъ смутно какая-то фигура, все наклоняется, выпрямляется опять. Неужели это онъ?

Сестры протискиваются дальше и дальше въ самый передъ. Ихъ пропускаютъ, но смотрятъ точно съ какимъ недоумѣніемъ: зачѣмъ онѣ тутъ, въ этихъ модныхъ шляпкахъ и перчаткахъ? Вотъ впереди онѣ, и видятъ теперь, ясно видятъ, что это онъ, чудесный цѣлитель.

Лицо его блѣдно и устало. Это не случайная временная усталость — это изнеможеніе многихъ мѣсяцевъ и лѣтъ. Онъ всю жизнь молится безъ перерыва: онъ— воплощеніе молитвы. Порою глаза его закрываются. Смыкаетъ-ли ихъ усталость, или наплывъ мыслей за-

Digitized by Google

ставляетъ его опускать вѣки? Движенія его порывисты, все сухое тѣло нервно двигается; мокрыя пряди волосъ прилипаютъ къ щекамъ, свѣшиваются на лобъ. Онъ избѣгаетъ взглядовъ и самъ ни на что не смотритъ. Когда онъ быстро идетъ въ толпу, къ тому аналою, что стоитъ среди церкви, толпа также быстро отступаетъ, и въ той струѣ воздуха, что раздвинетъ онъ и что пахнётъ на ближайшихъ чувствуется какая-то особенная, какая-то странная сила. А самъ онъ точно не идетъ, а плыветъ по воздуху, словно не чувствуетъ шаговъ подъ собою.

Порою онъ улыбается, и съ улыбкою смотритъ вверхъ. Порою хмурится, и тогда его лицо строго. Правая рука поднимается съ укоризною кверху, голосъ крѣпнетъ, звучитъ ветхозавѣтнымъ гнѣвомъ, и какой-то трепетъ пробѣгаетъ тогда по этой толпѣ.

Возлѣ Зои стоитъ мѣщанинъ, подслѣповатый, сѣденькій, съ сапогами, отъ которыхъ несетъ варомъ, и такъ все заглядываетъ на нее.

— Не здѣшняя? спрашиваетъ онъ.

Она точно повинуется чьей-то волѣ. Ахъ, здѣсь нѣтъ въ этой церкви своей воли, здѣсь всѣ какъ-то дѣйствуютъ механически, всѣ подавлены чѣмъ-то. Она не можетъ не отвѣтить, она знаетъ, что это такъ и нужно, чтобы у нея спросили.

— Не здѣшняя,—отвѣчаетъ она.

— Къ отцу Алексѣю пріѣхали. Въ первый разъ его видите?

— Да.

— Вотъ онъ теперь съ пяти часовъ утра и до десяти безъ перерыва служеніе совершаетъ. А потомъ до часу молебны служитъ.

Digitized by Google

И Зоѣ это не кажется страннымъ. Онъ именно и можетъ это сдѣлать. Ничего тутъ такого нѣтъ.

— Восторгъ на него нападаетъ,—продолжаетъ ея собесѣдникъ,—въ ангельскомъ онъ восторгѣ отъ службы. И вотъ, тутъ-то, въ это время, коли кто исцѣленія проситъ, тутъ къ нему и притти...

Зоя смотритъ на отца Алексѣя, смотритъ такъ пристально, точно всего хочетъ пронизать своими большими глазами. И чувствуетъ она, какъ кружится голова ея, отъ спертаго-ли воздуха, отъ ладона-ли...

А въ смутномъ тёмномъ алтарѣ совершается великое таинство. Онъ лежитъ въ ногахъ передъ престоломъ и что-то тихо про себя читаетъ. Это не дѣлаютъ другіе священники: она знаетъ службу. Какъ-то особенно странно блеститъ крестъ и евангеліе, и какая-то свѣтлая полоса идетъ сверху внизъ, какой-то снопъ лучей... И не кажется это ей, а она отлично видитъ. Она видитъ, что отецъ Алексѣй охваченъ этимъ свѣтомъ, что онъ струится вокругъ него, колышется. Онъ стоитъ, какъ видѣніе передъ нею.

— Зоя, тебѣ дурно? слышится голосъ сестры.— Пойдемъ отсюда, пойдемъ, здѣсь душно.

— Непривычны,—сурово говоритъ мѣщанинъ, подхватывая ее съ другой стороны рукою. И толпа имъ почтительно даетъ дорогу.

— А того, бѣлаго, нѣтъ съ нами въ церкви; онъ ждетъ насъ на улицѣ,—думаетъ Зоя.

VII.

Зоя недвижно лежала на кушеткѣ, запрокинувъ голову, когда слуга торопливо заглянулъ въ дверь и полуиспуганнымъ шепотомъ сказалъ:

Digitized by Google

— Отецъ Алексѣй.

Нина такъ и рванулась ему навстрѣчу. Но для Зои уже поздно: она не можетъ пошевелиться.

— Батюшка! несвязно лепечетъ Нина, — вотъ мы пріѣхали, пріѣхали съ сестрою... Посмотрите, что̀ съ нею... Помолитесь надъ нею.

Но отецъ Алексѣй не торопится. Онъ положилъ свою руку на голову Нины и ласково смотритъ на нее.

Странное какое это прикосновеніе, точно искра по всему тѣлу пробѣжала! Эта маленькая, худая рука, что слегка надавила темя, что̀ въ ней такого дивнаго и могучаго? А она чувствуетъ себя во власти, въ полной власти этого худенькаго священника въ синей шелковой рясѣ, съ большимъ нагруднымъ крестомъ.

— Помолиться о здравіи можно, такъ же ласково шепнулъ онъ, мелькомъ взглянувъ на Зою.

Онъ подошелъ къ ней, она открыла глаза и такимъ широкимъ взглядомъ посмотрѣла на него. Онъ также ласково и ей улыбнулся.

— Нездоровы?

— Да.

— Ну вотъ помолимся...

Онъ совсѣмъ изнеможенный опустился на стулъ.

— Усталъ я, проговорилъ онъ, опуская голову и кладя руки на колѣни.

Пока приносили воду въ мискѣ и полотенце, его не тревожили, онъ сидѣлъ недвижно. И только словно изъ приличія спросилъ у Нины:

— А вы изъ далека?

— Изъ Кіева.

— Замужемъ тамъ, сюда навѣстить своихъ пріѣхали? Такъ должно быть?

Digitized by Google

«Почемъ онъ знаетъ? подумала Нина.—Впрочемъ, это такъ возможно, такой вопросъ обыкновенный»

— Да, батюшка.. А вотъ сестра...

— Она дѣвица,—утвердительно сказалъ онъ.—Вижу, что больна. Ну, приступимъ.

Онъ взялъ Зою за руку.

— Встаньте!

Она опять открыла глаза:

— Я не могу.

Онъ положилъ ей руку на голову, она вздрогнула, румянецъ вдругъ заигралъ на ея щекахъ.

— Встаньте!

Сколько силы, сколько мощи, сколько увѣренности въ этомъ «встаньте»! Тутъ нѣтъ сомнѣній, тутъ нѣтъ возможности не подчиниться.

И подъ строгимъ взглядомъ священника, она приподнимается съ дивана. Она судорожно оперлась рукою, сдѣлала сильное, порывистое движеніе и—встала.

Она стояла, точно подняла ее не своя сила, а та, что̀ влилась въ нее отъ рукоположенія. Она стояла, какъ во снѣ. Но она понимала, что надо молиться, и она молилась.

Тотъ же голосъ, что̀ разносился по церкви, раздался теперь тутъ, въ этой маленькой, тѣсной комнаткѣ. И опять почувствовалась сила, какая-то совсѣмъ неземная, нечеловѣческая сила въ этомъ служеніи. Онъ знаетъ, что̀ значитъ вѣра, онъ знаетъ, что̀ значитъ «стучите и отворится». Онъ проситъ со всѣмъ пламенемъ вдохновеннаго порыва, онъ проситъ «объ исцѣленіи недужной», онъ вѣритъ, что исцѣленіе дастся, вѣровать только надо, вѣровать только твердо. «Чтобы общность въ молитвѣ была», какъ сказалъ онъ. Надо,

Digitized by Google

чтобы всѣ всѣ, кто тутъ въ комнатѣ желали одного, и того же. И исцѣленіе будетъ.

И чѣмъ дальше служба, тѣмъ больше восторга въ отцѣ Алексѣѣ: онъ въ экстазѣ, въ полномъ экстазѣ. Онъ не здѣсь; онъ гдѣ-то далеко отсюда. Онъ порывисто, сильно погружаетъ крестъ въ воду, и онъ знаетъ, онъ хорошо знаетъ, что отъ этого вода получитъ цѣлебную силу. И мокрымъ крестомъ онъ благословляетъ молящихся, и даетъ лобызать его, и снова возлагаетъ руки на нихъ.

Зоя со стономъ падаетъ къ его ногамъ, но онъ говоритъ: «встаньте», и опять она встаетъ.

Онъ смотритъ на нее, и глаза его заволакиваются какою-то дымкою.

— Тяжело вамъ было,—говоритъ онъ,—тяжело терять, что̀ мы имѣемъ, но это все преходяще...

И еще грустнѣе дѣлаются его глаза.

— Батюшка,—говоритъ Нина, провожая его,—батюшка, чѣмъ же это все кончится?

— Никто, какъ Богъ;—отвѣчаетъ онъ, дотрогиваясь до ея головы, и опять этотъ токъ, этотъ страшный токъ пробѣгаетъ...

Онъ ушелъ, и вся комната наполнилась тою же таинственную силою. Кажется, самыя вещи, до которыхъ онъ дотрогивался, и полотенце, и этотъ стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, все это точно жжется, точно искры выдѣляетъ... Что̀ это? Откуда это?..

* * *

Опять море, опять волны, еще грознѣе, еще угрюмѣе, чѣмъ вчера. Голова горитъ, лихорадочная дрожь. Зоя хорошо доѣхала до парохода, твердо вошла въ каюту. Но чѣмъ дальше подвигаются онѣ, тѣмъ бо-

Digitized by Google

лѣе слабѣютъ силы. Глаза закрылись, уста недвижны, мертвенная блѣдность разлилась по лицу. Пассажиры хлопочутъ: говорятъ, что надо будетъ тотчасъ по пріѣздѣ достать карету. Что̀ же это: конецъ, или кризисъ, поворотъ къ лучшему?..

Трудно сказать, но во всякомъ случаѣ исцѣленье...

1885 г., ноябрь.

Digitized by Google

Digitized by Google

СОЛОВЬИ.

Изъ весенних сказокъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Такая дружная весна пришла ранняя, теплая. Живо стаяли снѣга, сбѣжали внизъ по гранитнымъ уступамъ прибережныхъ скалъ. Старый мохъ заблестѣлъ на солнцѣ. А солнце горячее, радостное, ласкающее. Старыя сосны и ели тихо бормочутъ что-то про себя,—и не разберешь, рады онѣ или не рады веснѣ. Зато рябины, березы, тополи, клёны, липы—тѣ живутъ всѣмъ существомъ своимъ: расправили въ тепломъ воздухѣ вѣтви и покрылись, какъ пухомъ, золотисто-зелеными прозрачными листьями.

Подъ крутыми обрывами утесовъ еще лежатъ твердыя льдины: солнечный лучъ не можетъ добраться до нихъ, согрѣть, призвать къ жизни этотъ уголокъ; здѣсь пахнетъ сыростью, склепомъ, могилою. А наверху цвѣты, яркіе, пестрые, на верху поютъ птицы, наверху жизнь кипучая, молодая.

Часто на камнѣ, у самой воды, сидятъ молодые монашки и задумчиво смотрятъ на безконечную гладь озера. Вода не шелохнетъ—ни струйки, ни всплеска.

Digitized by Google

Далеко къ горизонту убѣгаетъ широкое раздолье; изъ-за горизонта вьется какой-то, едва замѣтный, дымокъ. Жемчужныя тёплыя тучки таютъ въ воздухѣ. Вѣтерокъ съ запада набѣжитъ передъ закатомъ, свѣжій такой, влажный. Кровь движется скорѣе, глаза ярче; даже у стараго игумена, на его морщинистыхъ щекахъ, заигралъ не то загаръ, не то румянецъ. Томленіе какое-то охватываетъ всѣхъ, безотчетное безпокойство.

Монастырь купается въ весеннемъ, солнечномъ разливѣ. Кресты, какъ свѣчи, теплятся надъ куполами. Живопись словно ярче стала, веселѣе, и даже тѣ черти, что намалеваны по бокамъ главныхъ воротъ, даже они словно перемѣнились къ лучшему, и какъ-то добродушнѣе поджариваютъ нераскаянныхъ грѣшниковъ. И въ главный соборъ пробрались золотые лучи и озарили его мрачную внутренность. Мощи угодниковъ, покоющіеся въ чудесныхъ ракахъ, тоже пригрѣлись, хотя и лежатъ также сурово, торжественно, какъ и зимою. Порою черезъ открытое окно хлынетъ молодая струя полнаго сиренью воздуха, шевельнетъ золотыми покровами, и замретъ, будто испугавшись своей игривости, своего веселья въ этомъ таинственномъ углу собора, гдѣ спятъ священные останки чего-то давно отжившаго, прошлаго.

Вокругъ, по островамъ, какое веселье! Олени, колыхая своими рогами, бродятъ по тѣнистымъ полянкамъ. Лисица, какъ золотисто-бурый мячикъ, быстро прокатывается въ высокой травѣ на своихъ низенькихъ лапкахъ, изрѣдка замирая и хищно-ласковымъ взоромъ поглядывая на простодушныхъ птицъ, слишкомъ низко отъ земли усѣвшихся на кустѣ калины. Иногда изъ-подъ куста выпрыгнетъ заяцъ и помчится, высоко вскидывая заднія ноги, куда-то въ лѣсъ. Въ травѣ жур-

Digitized by Google

чанье и стрекотъ, въ листвѣ—безпрерывное пѣнье... И всѣ живутъ полною, живою жизнью, держутся другъ возлѣ друга, опьяненные истомою весны, справляютъ ея чудный праздникъ, не стѣсняясь тѣмъ, что эти острова святые, что уставъ здѣсь строгій, неуклонный...

* * *

Къ веснѣ игуменъ дѣлается всегда строже, взыскательнѣе. Онъ дольше остается на молитвѣ. Изъ-за высокихъ кустовъ сирени, что насажены у него въ садикѣ передъ кельею, долго-долго по вечерамъ можно видѣть черезъ окно, передъ лампадою, его приподнятый профиль, закрытые глаза, слегка вздрагивающую сѣдую бороду. Иногда голова пропадаетъ на нѣсколько мгновеній,—онъ творитъ земные поклоны. Потомъ снова онъ появляется въ окнѣ, и опять, въ прежнемъ положеніи, беззвучно шевеля губами, стоитъ на томъ-же мѣстѣ.

Душно. Цвѣты какъ-то сильнѣе пахнутъ, чѣмъ всегда. Ночь сѣверная, свѣтлая, дымчатая, голубовато-прозрачная. Золотисто-пурпурный отблескъ зари и въ полночь сіяетъ надъ озеромъ. Только въ сѣромъ ароматномъ лѣсу темно, и не спитъ онъ: слышно, что каждый кустъ, каждое дерево, каждая травка кишатъ миріадами живыхъ существъ,—они и плодятся, и любятъ, и умираютъ; битва жизни отчаянная, упорная. Зато какъ въ обители тихо!

Кончилъ молиться архимандритъ, склонилъ свою усталую голову на подушку, вытянулъ свое старческое тѣло на жесткомъ ложѣ. На его тихій окликъ проворно скользнулъ въ горницу бѣлобрысый послушникъ прибрать одежды и взять обувь. Мальчикъ не заспанный, не сонный, какъ зимою, когда его еле-еле можно было докликаться. Онъ за дверью давно уже ждетъ этого

Digitized by Google

зова: ему такъ хочется на воздухъ, подышать на свободѣ, уйти изъ кельи, едва задремлетъ владыко.

Онъ повѣсилъ рясу на гвоздикъ въ сѣняхъ; бросилъ въ уголъ сапоги, и надвинувъ черную шапочку на брови, выбѣжалъ въ садикъ. Хорошо, привольно...

А давно-ли зимняя вьюга гуляла по этому садику, мела сухимъ снѣгомъ по открытой равнинѣ ѡзера; давно-ли волки стаями перебѣгали по льду съ далекаго берега и выли по ночамъ на сосѣднихъ островахъ? Нѣсколько недѣль всего прошло, а какая разница!

За рѣшеткою, на выступахъ каменныхъ погребовъ, условное мѣсто свиданій послушниковъ. Они вполголоса бесѣдуютъ другъ съ другомъ, постукивая хитровырѣзанными палочками о камни. Вспоминается дѣтство, и домъ, и семья, вспоминаются тѣ преданія и легенды, что когда-то разсказывались при нихъ; какимъ-то особеннымъ чувствомъ бьются ихъ сердцà, что-то чарующее, прекрасное...

— Николай, слышишь? вдругъ сказалъ одинъ, и сжалъ руку бѣляваго.

— Что? отозвался тотъ и прислушался.

— Поетъ... Ишь ты.

Всѣ замерли. Точно:—поетъ. Робко, осторожно, но трель выводитъ...

— Откуда онъ? не было у насъ ихъ раньше...

Разговоры затихли.

* * *

Душно архимандриту, сна нѣтъ. Такъ, какіе-то неясные обрывки мыслей, однообразные, смутные. Тò приходитъ въ голову мысль о библіотекѣ, что надо каталогъ составить, тò думается о казначеѣ, что дряхлъ онъ сталъ, перемѣнить-бы надо, да обидится старикъ.

Digitized by Google

То мечты честолюбія внезапно приходятъ на умъ,— его любимое, завѣтное мечтанье: вдругъ пріѣдетъ въ монастырь Государь и Наслѣдникъ, и останутся на нѣсколько дней... И дадутъ ему орденовъ и возвеличутъ...

Окна открыты. Сирень цвѣтетъ. Въ комнатѣ пахнетъ лампадкою, но сирень все заглушаетъ. Вдобавокъ служка поставилъ на столъ у самой кровати букетикъ ландышей. На монастырскихъ островахъ ими покрыты цѣлыя десятины. Ихъ серебренные колокольчики ночью совсѣмъ одуряютъ...

Сквозь полусонъ почудилось что-то старцу. Онъ открылъ глаза, прислушался, оперся на локоть. Потомъ весь приподнялся, спустилъ ноги съ кровати и подошелъ къ окну.

Нѣтъ, ничего не слышно. Онъ жадно прислушался. Конечно, все тихо... Онъ крикнулъ служку. Никто не отозвался. Старикъ вздрогнулъ, поднялъ глаза на ликъ Богоматери, и опять сталъ на молитву.

* * *

Утромъ почтенный, хотя и очень полный, отецъ намѣстникъ зашелъ съ обычнымъ утреннимъ поклономъ къ архимандриту.

— А ночью-то у насъ пѣвецъ объявился,—оповѣстилъ онъ.

Опять вздрогнулъ игуменъ: не почудилось, значитъ, ему

— Не слыхалъ я что-то,—возразилъ онъ: вздумалось почему-то ему покривить душой.

— А я твои шаги, отче, надъ головою слышалъ; казалось мнѣ, ты къ окну подходилъ.

— Не слыхалъ. Какой-же такой пѣвецъ?

— Соловей. Какъ есть настоящій.

Digitized by Google

— Нѣтъ у насъ соловьевъ, и не было никогда, и не слыхано, чтобы они озеро перелетали.

— Анъ перелетѣлъ должно быть. Почирикалъ-то онъ не долго, такъ минутъ съ десять. Послушники говорятъ, что въ рощѣ и раньше что-то подобное слыхивали, дней уже съ пятокъ, а только къ монастырю не подлеталъ онъ.

— Можетъ такъ что-нибудь...

— А вотъ эту ночь узнаемъ. Какъ облюбовалъ наши кусты, такъ ужъ тутъ и жди его постоянно.

Посмотрѣлъ на говорившаго игуменъ, ничего не сказалъ, только бороду погладилъ.

* * *

По кельямъ вѣсть ходила: соловей прилетѣлъ. Много птицъ у нихъ жило по островамъ, но соловья лѣтъ за сто не запомнятъ. Да и какъ ему черезъ озеро, такое пространство?.. Прилетѣлъ, да мало того,—подъ окномъ архимандрита запѣлъ! Намѣстника обезпокоилъ, всю ночь тотъ не спалъ. Среди братіи волненіе произошло. Всѣ вечера стали ждать, да вѣдь какъ! Точно что̀ особенное, необычайное готово свершиться. Работа спорится живѣе, служба идетъ стройнѣе, лица веселѣе, оживленнѣе. Все горитъ въ праздничномъ блескѣ. Какъ на грѣхъ случилась суббота—служба большая, предпраздничная. Гудитъ и воетъ огромный колоколъ, что повѣшенъ на срубѣ передъ соборомъ (на колокольню и не поднять его); весь воздухъ налитъ могучими дрожащими его волнами, на берегу звонъ серебристѣе, бархатнѣе, а съ озера, издали, онъ кажется мелодичнымъ, мягкимъ.

Солнце закуталось въ лиловую дымку, отразилось

Digitized by Google

золотымъ столбомъ въ озерѣ, и кануло за горизонтъ, сверкнувъ на прощанье малиновою звѣздочкой. Небо стало сѣрѣть, розовыя нити облаковъ потускли на западѣ. Опять ночь, такая-же влажная и душистая.

Давно время инокамъ ложиться. Но точно передъ Пасхою въ заутреню, — сна нѣтъ ни у кого. Даже древніе старцы — и тѣ выползли на воздухъ. Никого нѣтъ въ кельяхъ. Всѣ двери и окна настежъ. У всѣхъ нервы напряжены, всѣ ждутъ.

И онъ запѣлъ. Онъ опять запѣлъ какъ разъ подъ окномъ игумена, въ густой акаціи. И какъ запѣлъ! затрещалъ, залился — будто съ жизнью разставался. Иноки остановились, замерли, замолкли. Весь монастырь замеръ. Всѣ насторожили уши, всѣ слушали.

И вдругъ, точно эхо, изъ сосѣдней рощи донеслась такое-же точно пѣніе. Ихъ двое? Не одинъ прилетѣлъ? Сказочное царство—то̀ царство, гдѣ царевна, уколовъ руку веретеномъ, погрузила въ сонъ весь свой теремъ, теперь во-очію изображалось братіею. Кто гдѣ былъ, такъ тамъ и остановился, и точно статуею сталъ.

Рядъ картинъ, рядъ грёзъ, сновидѣній возстали передъ ними. Сколько лѣтъ они и не думали о существованіи этой птички, и забыли про нее. Она сама себя напомнила; прилетѣла, да и зачирикала тутъ, въ святой обители, у самаго собора, у мощей угодниковъ, запѣла про любовь, про наслажденіе, про мірскую скорбь и мірскія радости. Запѣла—и вмѣстѣ съ этимъ пѣніемъ возстало все прошлое: и молодость, и любовь, и счастье, то̀ возможное счастье, которое все-же дано людямъ...

А къ двумъ пѣвцамъ присоединились еще и еще голоса̀,—цѣлый хоръ, цѣлый концертъ соловьевъ загре-

Digitized by Google

мѣлъ вокругъ,—съ каждою минутою все громче, одушевленнѣе, томительнѣе...

По сухимъ желтымъ щекамъ игумена катились слезы, но этого никто не видѣлъ: онъ стоялъ подъ густою черемухою.

Апрѣль, 1886 г.

Digitized by Google

РИМСКІЙ ПРОКУРАТОРЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Синій, зыбучій туманъ началъ рѣдѣть. Онъ сталъ колыхаться, растягиваться, все больше и больше дѣлаться прозрачнымъ, наливаться и пурпуромъ, и золотомъ, и тепломъ. Край неба на востокѣ вспыхнулъ яркимъ божественнымъ пламенемъ, и могучій солнечный шаръ тихо началъ всплывать и возноситься надъ великимъ городомъ востока.

То наступалъ чудеснѣйшій и величайшій день міра: никогда,—ни прежде, ни потомъ не было такого дня,—да онъ и не могъ повториться!

Іерусалимъ зашевелился на встрѣчу молодому ясному блеску. Въ воздухѣ пахло весною,—южною, страстною, благоухающею весной. Сады, полные ночной росою, стояли какъ дымкой закутанные въ ласковое сіяніе утра Каменныя башни были не бѣлыми какъ всегда, а ярко-алыми, точно ожили онѣ, и теплая кровь билась подъ ихъ нѣжною мраморною оболочкой. Золотыя крыши храмовъ сверкали какъ малыя солнца. Холодные фонтаны журчали въ водоёмахъ; ослы давно ре-

Digitized by Google

вѣли на базарныхъ площадяхъ; стада барановъ, вздымая пыль, тянулись куда-то по узкимъ улицамъ. И все больше и больше прибавлялось оживленія, и пестрыя толпы густѣли все больше.

И день начался какъ всегда. Какъ всегда, наканунѣ великаго праздника, было шумно и оживленно въ городѣ. Какъ всегда, всѣ торопились покончить съ своими дѣлами заранѣе чтобы къ закату солнца освободиться и спокойно, съ чистой совѣстью ѣсть свою пасху Между евреевъ виднѣлись греки, римляне, египтяне, индусы. Порою спѣшно проходилъ куда-то хмурый фарисей или иродіанинъ въ блестящей одеждѣ,— и толпа съ почтеніемъ давала имъ дорогу. На мулахъ проѣзжали съ полузакрытыми лицами женщины; раза два мелькнулъ кое-гдѣ римскій паланкинъ; арабъ на высокомъ верблюдѣ покачивался надъ толпой и гремѣлъ бубенцами.

Негръ, сидѣвшій на ступеняхъ мраморной лѣстницы дворца, чорный негръ, съ жемчужнымъ оскаломъ зубовъ и въ короткой оранжевой туникѣ,—не особенно былъ взволнованъ приближеніемъ цѣлаго сонмища евреевъ, которые вели Кого-то по высокому Тиропеонскому мосту. Было, правда, рано, — но мало-ли какая нужда могла встрѣтиться у евреевъ къ прокуратору Рима. И негръ болталъ на ломаномъ латинскомъ языкѣ съ бритымъ воиномъ, что опершись на мечъ, въ шлемѣ, панцырѣ, съ узорнымъ щитомъ стоялъ тутъ-же на стражѣ, прислонившись спиной къ колоннѣ. Онъ смѣялся и скалилъ зубы; смѣялся и воинъ; но смѣялся сдержанно, какъ римлянинъ. Это не былъ жалкій наемщикъ, преторіанецъ, который пошелъ за ничтожную плату на службу къ ненавистнымъ деспотамъ. Это былъ кровный сынъ Рима,—онъ прибылъ сюда съ про-

Digitized by Google

кураторомъ въ числѣ немногихъ для поддержанія славы и чести перваго въ мірѣ народа. И если негръ спокойно глядѣлъ на приближавшуюся толпу, то онъ смотрѣлъ на нее презрительно, какъ и подобаетъ смотрѣть властелину.

— Что нужно? грубо спросилъ онъ, видя, что толпа валитъ прямо на портикъ и готова въ изступленіи осквернить своими пятами мозаичный полъ дивнаго зданія. Улыбка сбѣжала съ его губъ, углы рта опустились, брови сдвинулись.—Что нужно?

Изъ остановившейся толпы выступилъ священникъ въ широкой одеждѣ, съ окутанной по закону головой, обвѣшанный кистями и амулетами.

— Къ прокуратору,—заявилъ онъ на чистомъ римскомъ діалектѣ.—Привели преступника. Очень спѣшное и важное дѣло.

Негръ проворно вскочилъ, мягко переступая босыми ногами по плитамъ, пробѣжалъ портикъ и только-что собрался отворить кедровую тяжеловѣсную дверь, какъ на встрѣчу ему показался коротко остриженный писецъ прокуратора.

И онъ, этотъ писецъ, также строго взглянулъ на толпу, и головой даже не кивнулъ, хотя и видѣлъ, что предъ портикомъ стоятъ почтенные сѣдобородые члены синедріона.

Священникъ гордо поднялъ голову.

— Къ прокуратору, по важному дѣлу,—повторилъ онъ, смѣло глядя въ глаза писцу.—Преступникъ обвиненъ «въ оскорбленіи величества» и осужденъ на смерть. Просимъ прокуратора выйти къ намъ. Мы сегодня по закону войти въ преторію не можемъ.

Писецъ вдругъ какъ-то сгорбился. Самое ужасное преступленіе, вызывавшее цѣлыя моря крови въ Римѣ,

Digitized by Google

привело сюда эту толпу. Онъ слегка поклонился и торопливо прошелъ обратно за темную кедровую дверь, которая за нимъ неслышно затворилась.

* * *

Прокураторъ былъ не въ духѣ. Онъ всегда бывалъ не въ духѣ, когда пріѣзжалъ въ Іерусалимъ. Ему казалось, что этотъ великолѣпный дворецъ построенъ на кратерѣ, что здѣсь никогда нельзя ручаться ни за что. Онъ жилъ въ своей Кесаріи, сюда-же пріѣзжалъ только на большіе праздники, когда скоплялось много народа, и скорѣе всего можно было ожидать возстанія. Онъ зналъ этотъ народъ: пронырливый, фанатическій, непримиримый. Онъ ненавидѣлъ евреевъ, а евреи ненавидѣли его.

Когда писецъ вошелъ къ нему, онъ лежалъ на тигровой шкурѣ безъ обуви, со свисткомъ Горація въ рукахъ, прислушиваясь къ неясному гулу толпы, раздававшемуся за стѣнами.

— Не могутъ войти въ преторію! раздраженно крикнулъ онъ, спуская на коверъ ноги:—законъ не позволяетъ! Завтра пасха! Осквернятся если войдутъ! Какая еврейская чистоплотность!.. А смертные приговоры постановлять можно и человѣчно!..

Онъ отшвырнулъ привычнымъ движеніемъ Горація прямо въ большую серебряную вазу, что стояла возлѣ ложа. Его возмущала религіозная самостоятельность евреевъ; они, прикрываясь ею, очень ловко уклонялись отъ римскаго закона. Римъ всегда былъ нейтральнымъ въ вопросахъ религіи; а у евреевъ законъ былъ связанъ неразрывно съ религіознымъ кодексомъ пятикнижія Моисея. Римлянинъ могъ осуждать на смерть, но подвластное ему жалкое племя,—какъ оно могло распоряжаться человѣческой жизнью? Для идеала государственнаго строя пусть гибнутъ милліоны жертвъ,—но это

Digitized by Google

должны быть осмысленныя жертвы, а здѣсь, у этихъ евреевъ...

— Я къ нимъ выйду! морщась прибавилъ онъ, опускаясь въ кресло и протягивая рабу ноги для обуви.

Пока рабъ, смочивъ въ душистой влагѣ полотенце, осторожно вытиралъ ихъ, въ головѣ прокуратора носились смутныя тяжелыя воспоминанія прошлаго. Онъ уже шесть лѣтъ правитъ Іудеей — и шесть лѣтъ постоянныя столкновенія съ этой ненавистной націей! Онъ вывѣсилъ щиты цезаря Тиверія на портикѣ своего дворца,—вывѣсилъ ихъ изъ почтенія къ властителю міра,—изъ-за этого чуть не возгорѣлся народный бунтъ. Послали доносъ цезарю. Цезарь сдѣлалъ ему выговоръ и велѣлъ щадить религіозную нетерпимость. О, если-бы это была религіозная нетерпимость! Онъ для ихъ-же блага, для чистоты, для освѣженія города вздумалъ устроить водопроводъ, провести въ центръ города по акведуку воду, устроить фонтаны и бани. При храмѣ была казна, было огромное количество денегъ, на что-же ихъ и употребить, какъ не на эту существенную потребность! Но самъ-же народъ, самъ же народъ заволновался, сталъ протестовать, что священныя деньги идутъ на житейскія нужды. Это былъ открытый мятежъ, открытый бунтъ. И прокураторъ поступилъ варварски, гнусно-варварски. Онъ переодѣлъ своихъ наемниковъ въ еврейскія одежды. и они, сокрывши подъ широкими складками кинжалы, разсыпались въ толпѣ. Тайный убійца съ политической цѣлью,—да развѣ это было чуждо Риму? Онъ предложилъ толпѣ разойтись, оставить свои крики,—но крики продолжались. Тогда онъ махнулъ платкомъ, убійцы обнажили мечи, а толпа въ ужасѣ ринулась по домамъ, оставивъ сотни труповъ

Digitized by Google

на площади... Зачинщиковъ или невинныхъ?—этого Пилатъ не зналъ, да и не хотѣлъ знать.

И вотъ опять этотъ праздникъ, отъ котораго онъ не можетъ отдѣлаться, какъ представитель римской власти, той власти, которая не имѣетъ права даже внести своихъ серебрянныхъ орловъ, значки своихъ легіоновъ, въ покоренный городъ. Опять эта бушующая толпа. Надо быть съ ней сдержаннымъ, не то опять доносъ къ цезарю. Но надо поддержать величіе власти, не слѣдуетъ уступать и пяди своихъ правъ. Кого они еще тамъ судятъ?

Онъ смѣлыми, гибкими шагами пошелъ къ выходу, небрежно набросивъ на плечо красивыми складками драпировавшуюся тогу. Онъ еще не выходилъ сегодня изъ дворца. Яркое солнце охватило его цѣлымъ моремъ лучей. Межъ смоковницъ, тополей и кипарисовъ сада кружились голуби, водометы лили жидкое серебро въ бассейны, – и такая живительная весна вокругъ!

Толпа замолкла при его выходѣ. Смутный гулъ утихъ Опытный взглядъ прокуратора сразу увидѣлъ нѣчто необычайное: вся знать еврейскаго духовенства была на лицо, и помѣстилась впереди полукругомъ. Она сверкала дорогимъ шитьемъ и дорогими тканями,—и какой это былъ контрастъ съ бушующей, опаленной, грязной толпой, что волновалась тамъ, сзади, что-то покрикивая, подымая руки, поеживаясь какъ звѣрь, ожидающій добычи. А между священниковъ стоялъ Кто-то, Тотъ, Кого они привели.

Пилатъ вздрогнулъ. Простая, полуразорванная одежда, блѣдность, слѣды поруганій на лицѣ и рукахъ... Но ни робости нѣтъ, ни страха, взоръ спокоенъ и лучистъ. Прокураторъ быстро оторвалъ отъ Него свой взглядъ и перевелъ его на синедріонъ.

Digitized by Google

— Въ чемъ вы обвиняете этого человѣка? спросилъ онъ.

* * *

Въ первый мигъ синедріонъ смутился. Къ правителю привели Осужденнаго на смерть только для утвержденія приговора: самовольно казнить они не могли. А прокураторъ, повидимому, собирался снова Его судить, начать новыя разслѣдованія по дѣлу.

— Когда-бы Онъ не былъ злодѣй,—раздался строгій голосъ изъ сонма священниковъ:—мы-бы не привели Его къ тебѣ.

То было первое оскорбленіе, нанесенное Риму. Такъ дерзко съ властителями не говорятъ. Прокураторъ повернулся, чтобъ итти.

— Такъ и судите Его сами, по вашему закону,— отвѣтилъ онъ, дѣлая шагъ къ двери.

— Мы не можемъ никого приговаривать на смерть,— загремѣло ему вслѣдъ.—Онъ преступникъ: Онъ развращалъ народъ, запрещалъ платить подать цезарю, Онъ царемъ называлъ себя!

Пилатъ опять встрѣтился взглядомъ съ Приведеннымъ. Онъ тихъ и молчаливъ, точно не ради Его все это бурливое собраніе. Невыразимое отвращеніе къ толпѣ, желаніе не дать ей въ руки ея жертву закипѣло въ римлянинѣ. То не былъ порывъ человѣколюбія, то было желаніе властителя показать свою силу, не утвердить приговора. Изо всѣхъ обвиненій, которыя онъ разслышалъ въ этомъ гамѣ голосовъ, существеннѣе всего былъ крикъ. «царемъ называлъ себя!»—это уже колебанія римской власти...

— Иди за мной! сказалъ прокураторъ.

Толпа смолкла. По мраморнымъ ступенямъ поднимается Обвиненный. Нога Его ступаетъ по агату и

Digitized by Google

лаписъ-лазури. Воинъ пропускаетъ Его въ дверь. Онъ первый разъ во дворцѣ: какъ великаго учителя—Его сюда не допускали, какъ преступника—Его пригласили сюда.

И Онъ идетъ мимо золотыхъ курильницъ, мимо ярко-расписанныхъ стѣнъ, мимо вазъ и чашъ, мимо сказочнаго великолѣпія Рима. Восточные ковры подымаются для Него и пропускаютъ вслѣдъ за Пилатомъ.

Здѣсь, среди этой роскоши, еще ярче выдѣляется Его бѣдная сельская одежда, выжженная южнымъ солнцемъ, вынесшая тѣ бури и невзгоды, когда головы Ему некуда было преклонить. И еще виднѣе здѣсь слѣды оскорбленій, что нанесли Ему за ночь дерзкіе рабы въ ожиданіи судилища.

* * *

Толпа осталась на солнцѣ.—Зачѣмъ-же прокураторъ увёлъ Его? О чемъ онъ тамъ будетъ говорить съ Нимъ? Новое разслѣдованіе по дѣлу?—Вѣдь надо непремѣнно покончить съ Нимъ, Который открыто въ храмѣ обличалъ ихъ въ развратѣ.

Они цѣлую ночь судили Его, а если не побили каменьями, такъ только потому, что ненавистные римляне не позволяли имъ осуждать на смерть. Эти язычники, эти идолопоклонники, творящіе возліяніе Бахусу и Венерѣ,—они сковали игомъ рабства избранный народъ Божій, они не позволяли ему распоряжаться даже со своими лжеучителями! Ихъ смертный вердиктъ не утверждаетъ какой-то римскій губернаторъ, имѣющій надъ ними власть, потому только, что онъ окруженъ римскими наемниками, нанятыми на ихъ-же іудейскія деньги. Ему стоитъ топнуть ногой—и ото всей толпы останется кровяная лужа...

Время идетъ. Негръ вышелъ, и опять присѣлъ на

Digitized by Google

ступени, и опять сверкаетъ своими зубами, и опять римскій воинъ черезъ плечо смотритъ на синедріонъ. Солнце всё горячѣе. — Сѣдыя бороды фарисеевъ дергаются всё недовольнѣе. И вотъ опять заколыхалась занавѣска. Взгляды всѣхъ устремились на прокуратора. Лицо его спокойно, недвижно. Онъ обвелъ глазами толпу, и пропуская мимо себя Обвиненнаго ясно и громко сказалъ:

— Я никакой вины не нахожу въ Немъ.

Крикъ изумленія и ярости вырвался у скопища:— толпѣ нужна жертва—зачѣмъ-же съ самаго ранняго утра она бѣснуется въ ожиданіи крови?

— Онъ смутилъ всю Галилею, всю свою родину, Онъ богохульствуетъ, этотъ галилеянинъ...

«Галилея, галилеянинъ!.. какъ все это можно просто и скоро покончить... Надъ Галилеею есть свой владыка: Иродъ Антипа, пусть онъ и судитъ своего преступника»...

И Пилатъ предлагаетъ священникамъ вести обвиненнаго къ ихъ собственному царю, который могъ утверждать ихъ приговоры. Онъ видѣлъ, что оправданіемъ Подсудимаго недовольны, обвинить Его онъ не могъ и не хотѣлъ. Гораздо лучше остаться въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что наступаетъ время, когда онъ привыкъ въ обществѣ двухъ-трехъ друзей садиться за изысканный столъ.... Вдобавокъ съ Иродомъ у нихъ были кой-какія недомолвки, — теперь этимъ знакомъ вниманія Иродъ будетъ польщенъ, и онъ опять сойдется съ нимъ, Его дружба ну хотя-бы обезопаситъ отъ лишняго доноса, — а развѣ этого мало?

Толпѣ все равно—тутъ-ли произнесутъ приговоръ, или въ старомъ Асмонейскомъ дворцѣ,—и снова крикъ и угрозы, и снова сонмище валитъ куда-то... Проку-

Digitized by Google

раторъ смотритъ съ отвращеніемъ ей вслѣдъ; точно ядовитый коллосальный червь съ кровожаднымъ брюхомъ, волнами, конвульсивными движеніями, то напирая на переднихъ, то отставая, ползетъ отвратительная процессія.

— Чумныя собаки! — произнесъ имъ въ догонку прокураторъ, и пошелъ въ триклиніумъ, гдѣ его уже дожидались за столомъ.

Ему полилъ на руки воду тотъ-же негръ. Онъ наскоро вытеръ ихъ о расшитое восточнымъ рисункомъ полотенце, и привычнымъ, свободнымъ движеніемъ легъ на среднее ложе. Складка на его лбу не разглаживалась, глаза сверкали недовольно, гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ зрачковъ, теплился какой-то недобрый огонь, готовый спалить дерзкаго, рѣшившагося приблизиться слишкомъ смѣло къ прокуратору. Даже обычные друзья его, лежавшіе на сосѣднихъ ложахъ, — и тѣ не рѣшались заговаривать съ нимъ.

* * *

«Prandium» — полдневный столъ — блисталъ чудесными яствами и винами. Уже три перемѣны блюдъ уносились рабами, а прокураторъ все не проронилъ ни слова. Онъ не примѣчалъ рыбъ, плававшихъ въ необыкновенныхъ соусахъ, фазановъ, которые какъ живые стояли, съ блестящими глазами, во всемъ блескѣ золотисто-багряныхъ перьевъ на длинномъ хвостѣ, качавшемся далеко гдѣ-то за блюдомъ; онъ лѣниво осушилъ одну чашу вина, разбавивъ ее водою, и бросивъ на дно нѣсколько кусковъ пряностей. Передъ нимъ неотступно стоялъ Тотъ, приведенный къ нему на судъ. Этотъ чистый взглядъ, оттѣненный темными бровями, свѣтлые вьющіеся волосы, спокойствіе и благородство въ чертахъ, это такъ мало походитъ на обычный смуг-

Digitized by Google

лый еврейскій типъ, къ которому всѣ привыкли, который тысячу лѣтъ назадъ такимъ-же изображался на египетскихъ картинахъ, въ ту отдаленную эпоху, когда страна фараоновъ заставляла излюбленный народъ Божій строить языческіе памятники. Нѣтъ,—сегодняшній преступникъ имѣетъ нѣчто до того отличное отъ еврейства, столько силы, мощи и выраженья въ чертахъ, что Его нельзя равнять съ этой грубою толпою... И какъ могъ онъ не вырвать Его изъ когтей этихъ гнусныхъ фарисеевъ, зачѣмъ онъ отослалъ Его къ Антипѣ, который, быть можетъ, произнесетъ обвинительный приговоръ?..

Пилатъ отшвырнулъ чашу. Она покатилась по полу, расплескивая остатки вина. Онъ приподнялся на локтѣ.

— Эти псы думаютъ, заговорилъ онъ, что такой порядокъ можетъ долго держаться. Цезарю благоугодно быть терпимымъ. Я преклоняюсь передъ цезаремъ и его волей. Но приметъ власть Рима другой, — и кончится тѣмъ, что въ этомъ Іерусалимѣ не останется камня на камнѣ. Щадить ихъ нельзя. Такой народъ не щадятъ. Меня обвиняютъ за тайныя убійства. Но не лучше-ли подавить кровью мятежъ въ самомъ зародышѣ. А то опять призывать войска, лить нашу благородную римскую кровь... Весь Іерусалимъ не стоитъ чаши крови римскаго полководца!

— Зачѣмъ раздражаться,—хладнокровно замѣтилъ его сосѣдъ, лысый старикъ, наѣвшійся и упившійся, внимательно разсматривавшій передъ тѣмъ чеканку маленькаго кубка, который ему не удавалось обвить бѣлой лиліей, изъ числа тѣхъ благоухающихъ цвѣтовъ, что были разбросаны по столу и ложамъ.—Ты исполняешь свой долгъ по отношенію Рима и цезаря. Философы говорятъ—долгъ это все. А свои убѣжденія ты

Digitized by Google

можешь схоронить куда-нибудь подальше,—ну хоть утопить на днѣ той чаши, которой мѣсто скорѣе на столѣ, а не на полу,—а на полу она будетъ лежать до тѣхъ поръ, пока ты не позволишь рабу поднять ее, самъ-же онъ не посмѣетъ этого сдѣлать. — Тебѣ скорѣе надо радоваться.

— Чему? удивился прокураторъ.

— Тому, что у тебя идетъ дѣло къ миру. Я говорю объ Иродѣ.

Пилатъ поморщился.

— А! я знаю, — продолжалъ собесѣдникъ, что ты его не долюбливаешь. Я знаю, что это не человѣкъ, а подонки человѣка,—такъ, какой-то осадокъ и грязь. Онъ женился на женѣ своего брата...

— Вдобавокъ она ему племянница, добавилъ прокураторъ.

— Да! конечно это кровосмѣшеніе, и кровосмѣшеніе самое гнусное... Такихъ людей надо-бы швырять съ Терпейскаго утеса, потому что это гораздо хуже чѣмъ обольщенье красавицы-весталки... Но, прокураторъ! Надо вооружиться философіей! О, философія великая вещь! Ты его можешь презирать, ненавидѣть до глубины души, — но ты долженъ ему миролюбиво протягивать руку. Ты можешь не любить своего товарища по легіону, но когда войско идетъ въ битву, ты будешь служить одному съ нимъ дѣлу и помогать ему въ случаѣ опасности. Ты никогда не хочешь отличать личныхъ чувствъ отъ того, что требуетъ государственная скужба. Такъ, Люцій?

Третій собесѣдникъ, лежавшій съ закрытыми глазами, внезапно открылъ ихъ, посмотрѣлъ на спрашивавшаго съ тревожнымъ испугомъ разбуженнаго человѣка, и кивнувъ утвердительно головою сказалъ:

Digitized by Google

— Ты правду говоришь.

Прокураторъ чувствуетъ, что онъ совсѣмъ боленъ. Во рту нѣтъ вкуса, въ головѣ боль и жаръ. Онъ какъ-то смутно спалъ всю эту ночь. Въ мысляхъ все вертятся стихи Горація тѣ, что онъ читалъ по утру - и почему-то все этотъ стихъ:

Post mediam noctem visus quum somnia vera...

И потомъ опять это лицо блѣдное, спокойное...

* * *

Послѣ стола, онъ снова одинъ, тяжело облокотился на подушку, и опять машинально развернулъ свитки... А нездоровье все больше охватываетъ его.—и такъ невыносимо душно въ этихъ залахъ. Хорошо-бы теперь куда-нибудь въ горы, въ тѣнистыя долины, гдѣ ключи бьютъ холодные, кристальные, гдѣ такъ свѣжо и хорошо... Говорятъ, на сѣверѣ, у скиѳовъ, раздольныя степи, тамъ, за царствомъ амазонокъ, выше Тавриды,—въ это время только что покрылись цвѣтами, — и эти цвѣты волнуются какъ море: и какъ тамъ свѣжо, прохладно, ароматно...

А тутъ сиди въ этомъ іудейскомъ гнѣздѣ; нельзя: долгъ службы. Великое служеніе Риму...

Глаза смыкаются, смыкаются больнымъ сномъ, — и опять смутный, полудремотный слухъ рисуетъ и шумъ и вопли яростной толпы: но это толпа теперь тамъ, передъ Антипой... Чѣмъ-же кончится судъ?.. И какъ хорошо, что онъ больше не увидитъ ни этой толпы, ни голубыхъ глазъ...

Но дремота вновь потревожена. Его будятъ: онъ широко-гнѣвно открываетъ глаза.

— Прокураторъ,—опять фарисеи съ этимъ человѣкомъ...

Digitized by Google

Пилатъ ужаснулся:

— Опять!

Но что за перемѣна? Обвиненный не въ прежней изодранной бѣдной одеждѣ, на Немъ праздничная бѣлая мантія. . Что-же это лукавый царекъ—насмѣялся надъ Нимъ?

Обвиненный не издалъ передъ нимъ ни звука, ни на одинъ вопросъ не отвѣтилъ ни слова. И вотъ, Его опять привели сюда. Страшный судъ долженъ-же былъ окончиться. Этотъ кроткій образъ мучилъ Пилата,—и онъ взошелъ на золотой престолъ, на великолѣпную бэму, и сталъ судить. О, съ какимъ-бы наслажденіемъ онъ разогналъ эту толпу... но онъ долженъ судить.

Солнце поднялось еще выше: воздухъ налился духотою, отъ раскаленныхъ стѣнъ, не смотря на весну, пышетъ жаромъ, птицы замолкли, одни фонтаны журчатъ въ саду. Голова кружится, и по прежнему молотомъ бьетъ въ ней: «Post mediam noctem...»

Фарисеи что-то ему говорятъ. Ихъ слова должно быть очень убѣдительны. Но онъ съ трудомъ все это понимаетъ. Изъ хаоса мыслей поднимается и растетъ что-то новое, еще неясное: онъ чувствуетъ, что за это можно ухватиться, и этимъ чѣмъ-то можно спасти Его—Того, кто стоитъ въ бѣломъ. Но оно все ускользаетъ отъ него, онъ не можетъ схватить и понять его какъ слѣдуетъ. Онъ напрягаетъ усилія. Да это ясно: — на Пасху нуженъ для іудеевъ пасхальный даръ—освобожденный узникъ. Такой обычай есть — это несомнѣнно. Правда, онъ можетъ своею властью освободить преступника, но зачѣмъ-же употреблять власть, когда можно все подвести подъ обычай? И онъ рѣшилъ, что онъ именно вотъ это сейчасъ скажетъ.

И вдругъ онъ слышитъ осторожные шаги раба: это

Digitized by Google

Сципіонъ—да. Сципіонъ идетъ къ нему, подходитъ смѣлѣе чѣмъ всегда, подымается на бэму, и наклоняется къ его уху. Какъ онъ смѣетъ такъ подходить? Что нибудь важное онъ скажетъ?

— Господинъ! говоритъ Сципіонъ. — Твоя супруга Клавдія Прокула велѣла итти къ тебѣ сейчасъ-же и предупредить тебя: ты судишь праведника. Она знаетъ, что Онъ праведникъ. Она видѣла сонъ...

— Сонъ? въ безотчётномъ волненіи произноситъ прокураторъ.

— Да, сонъ смутный и тревожный. Она предупреждаетъ тебя. Сонъ былъ предутренній — предутренніе сны правдивы...

Предутренній...

Прокуратору вдругъ вспомнились сны Кальфурніи, жены Цезаря, въ день его убіенія,—это тоже были пророческіе сны... «Post mediam noctem visus quum somnia vera»... Такъ вотъ почему этотъ стихъ такъ запалъ въ него сегодня! Освободить надо плѣнника, освободить тотчасъ-же...

* * *

И онъ предложилъ народу пасхальный даръ...

— Отпусти намъ Вар-Авву! раздались голоса.— Вар-Авву намъ, а этого распни, распни!

Воздухъ полонъ этимъ ревомъ,—всѣ руки подняты, всѣ лица искривлены ненавистью и гнѣвомъ...

Отчего-же обвиненный такъ спокоенъ? Какимъ Онъ полонъ царскимъ величіемъ! Прокураторъ глядитъ на Него, и невольно вырывается изъ его устъ восклицаніе:—Это царь вашъ!

Кипѣніе въ толпѣ все сильнѣе. Что-же, ужь не смѣется-ли надъ ними прокураторъ? Глаза фарисеевъ мечутъ молніи. Угрозы неяснымъ гуломъ долетаютъ до его слуха.

Digitized by Google

Кровь тяжело поднимается и опускается, стуча въ виски какъ молотомъ.—Распни! Распни Его!..

Прокураторъ съ вызывающимъ видомъ презрительно оглядываетъ толпу:

— Царя-ли вашего распну! возглашаетъ онъ

— Онъ не царь нашъ,—нѣтъ у насъ царя, кромѣ цезаря!.. Если ты отпустишь Его—ты врагъ цезарю! Всякій считающій себя царемъ—врагъ его!

Прокураторъ вздрогнулъ. Такъ ясно нарисовалась предъ нимъ стриженая голова Тиверія. Онъ сидитъ тамъ, на Капріи, озлобленный, мрачный, негодующій на весь міръ, а главное—на своего ближайшаго помощника Сеяна,—того Сеяна, черезъ котораго Пилатъ получилъ мѣсто въ Іудеѣ. А если ему пошлютъ доносы, вотъ эти рыжебородые фарисеи—что тогда? Правда, въ двѣнадцати таблицахъ говорится: «не слѣдуетъ слушать безумные крики толпы, когда она требуетъ смерти невиннаго»... Но вѣдь хорошо было децемвирамъ писать законы, а какъ исполнять ихъ?.. Тиверій неумолимъ, Тиверій подозрителенъ, Тиверій безпощаденъ...

А пестрая толпа все реветъ,—а воздухъ все душнѣе и душнѣе...

* * *

...Спасенья нѣтъ, всѣ средства истощены. Всѣ средства, кромѣ однаго: смѣло и прямо сказать: я освобождаю этого человѣка!

Но нельзя-же терять санъ прокуратора. Нельзя терять эти виллы, сады, водомёты... Правда, эта смерть ляжетъ тяжелымъ пятномъ на него, — но вѣдь толпа кричитъ: «кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!..» Онъ сдѣлалъ все что могъ...

Негръ держитъ кувшинъ, — въ серебряный тазъ льется тонкой кристальной струею холодная вода,—

Digitized by Google

прокураторъ подставилъ подъ нее руки, и думаетъ, что она смываетъ съ него кровь. О, не много понадобилось для этого воды — всего какіе-нибудь полковша. Толпа затихла—тишина. Слышно, какъ звенитъ о серебро влага. И всѣ думаютъ тоже: прокураторъ вымылъ руки—значитъ очистилъ себя отъ вины...

И прокураторъ дѣйствительно, казалось, успокоился. Онъ вытеръ руки, всталъ и офиціальнымъ тономъ проговорилъ:

— Иди на крестъ!

1886—1888 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЕСНОЮ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Александръ Васильевичъ Каденцовъ сидѣлъ въ театрѣ и смотрѣлъ какую-то комедію. Онъ долженъ былъ ее смотрѣть, потому что писалъ рецензіи въ одной большой газетѣ. Съ привычнымъ, небрежнымъ полувниманіемъ улавливалъ онъ тѣ погрѣшности и прорѣхи, которыя помѣститъ въ завтрашній отчетъ, пересыпанный обычною солью его остроумія, нѣсколько фельетоннаго свойства. Онъ ужѐ лѣтъ пятнадцать подъ-рядъ писалъ отчеты о пьесахъ и русскихъ, и заграничныхъ. Его отлично знали всѣ за кулисами, а въ редакціяхъ считали за плохаго беллетриста и очень опытнаго театральнаго хроникера. Онъ пользовался уваженіемъ, и ему очень крѣпко жали въ партерѣ руку, можетъ-быть и потому еще, что онъ былъ человѣкъ состоятельный, нанималъ квартиру въ хорошей части города, шилъ платье у лучшаго портного и иногда давалъ очень интересные вечера.

Онъ слѣдилъ за всѣми деталями той комедіи, что̀ пестрымъ калейдоскопомъ проходила предъ его глазами.

Digitized by Google

Но одновременно съ интригой, постепенно развивавшейся на сценѣ, внутри его, совершенно помимо его воли, развивалась и росла цѣлая драма или, вѣрнѣе, предчувствіе какой-то драмы, которая должна совершиться.

У него дома осталась больная жена. Въ тотъ день утромъ ей стало гораздо лучше: она дней пять или шесть тому назадъ захворала тифомъ. Но домашній ихъ докторъ, Переваровъ, очень скоро остановилъ его. Сегодня, осматривая ее, — это было часа въ четыре, — онъ сказалъ, что одно легкое воспалено и велѣлъ ставить холодные компрессы, увѣряя, что отъ этого боли прекратятся. Онъ очень вразумительно разсказалъ старушкѣ-нянѣ, какъ надо положить клеенку, какой величины взять кусокъ ея, и когда перемѣнить мокрыя салфетки. Александръ Васильевичъ посмотрѣлъ на слабо говорившую и тихо-стонавшую жену, и вдругъ почувствовалъ озлобленіе, только не противъ нея, а противъ этой старушки-няни. Онъ ей для чего-то снова повторилъ все сказанное докторомъ и прибавилъ: «да не спутайте по обыкновенію». Въ другое время Анна Ивановна разсердилась-бы, но тутъ она нисколько не обидѣлась, а напротивъ того, очень ласково на него посмотрѣла и только сказала: «да ужь будьте покойны».

Можетъ быть Александръ Васильевичъ и не пошелъ-бы въ театръ, но онъ самъ себя поймалъ на этой мысли и испугался: «Если я нейду—значитъ есть опасность, а опасности вѣдь никакой нѣтъ. Ей сегодня лучше. А что она стонетъ, это очень понятно: она женщина нервная, всегда боль переносила нетерпѣливо». Онъ обрадовался такому выводу и началъ всѣми силами напускать на себя спокойствіе. Онъ, какъ всегда

Digitized by Google

зажегъ пару лишнихъ свѣчъ передъ зеркаломъ въ кабинетѣ и сталъ одѣваться. Вставилъ пуговки въ тугую, отполированную какъ стальная пластинка грудь рубашки, ввернулъ большія запонки въ рукава, вынулъ изъ стола порт-сигаръ и бумажникъ, все это совершенно какъ всегда, нисколько не измѣняя привычекъ. потому что не-для-чего было измѣнять ихъ. Обдернувъ сюртукъ, онъ прошелъ въ комнату жены и спросилъ у Анны Ивановны:

— Спитъ?

Та качнула отрицательно головой. Онъ подошелъ къ кровати, нагнулся и поцѣловалъ горячія полу-открытыя губки.

— Я иду въ театръ,—сказалъ онъ, стараясь придать голосу развязность. Ему казалось, что этою развязностью онъ поддержитъ бодрость духа жены.—Не нужно-ли тебѣ чего-нибудь, я могу на обратномъ пути завернуть въ Милютины лавки?

Она слегка повернула голову въ сторону отъ него и сдѣлала слабое движеніе худенькою бѣлою рукой.

— Какое!.. Ты видишь...

— Ну, какъ хочешь,—быстро проговорилъ онъ, опять наклоняясь и осторожно цѣлуя ее. На этотъ разъ она отвѣтила на поцѣлуй, но поздно, когда онъ уже поднялъ голову.

— А компрессы еще не мѣняли? для чего-то спросилъ онъ.

— Все, батюшка, все сдѣлано, — возразила Анна Ивановна.—Вамъ чай къ половинѣ двѣнадцатаго?

«Вѣдь вотъ и она спрашиваетъ о пустякахъ, о чаѣ, сообразилъ онъ. Вѣдь если-бы была опасность, развѣ ее занялъ-бы такой вздоръ?» И онъ въ самомъ дѣлѣ повеселѣвшимъ голосомъ сказалъ:

Digitized by Google

— Да, да, какъ всегда, приготовьте пожалуйста.

* * *

Пока онъ шелъ по улицѣ, у него на сердцѣ было довольно спокойно, хотя и домà, и извозчики, и фонари, все было не совсѣмъ такъ какъ всегда, что-то такое стояло между нимъ и всѣмъ окружающимъ. Но когда онъ пришелъ въ театръ, сдалъ знакомому, кланявшемуся капельдинеру пальто и усѣлся на свое обычное кресло, онъ вдругъ почувствовалъ, что ему не по себѣ. Этотъ огромный ярко-освѣщенный занавѣсъ имѣлъ ужь совсѣмъ необычайный видъ. Печать какой-то унылости лежала на всемъ. Онъ не могъ отдать себѣ отчета— казалось-ли ему это, или въ самомъ дѣлѣ подборъ публики былъ таковъ, только не было обычнаго оживленнаго говора, того смутнаго шума, чтò гудитъ безпрерывно въ антрактахъ. Знакомые кланялись ему, жали руку. Никто не зналъ о болѣзни жены. Инымъ онъ говорилъ объ этомъ. Они сожалѣли и успокоительно спрашивали: «Но вѣдь теперь ей лучше?» Наконецъ ему надоѣло говорить всѣмъ объ одномъ и томъ-же, и онъ началъ возмущаться театральными порядками, благо подошелъ къ нему одинъ старый литераторъ. Это была самая модная тема разговора, и скоро къ нимъ присоединился еще одинъ знакомый, нѣмецъ съ жидовскимъ лицомъ, въ пенс-не и съ зеленымъ перстнемъ, тоже какой-то литераторъ. Каденцовъ старался воодушевиться и на минуту дѣйствительно весь отдался интересу разговора. Въ это время подняли занавѣсъ, и пришлось сѣсть на мѣстà.

Но когда ему пришлось только слушать чтò говорятъ со сцены, а самому молчать—тутъ вдругъ со всею ясностью представилось тò, чтò можетъ случиться въ ближайшемъ будущемъ. Онъ началъ припо-

Digitized by Google

минать послѣднія словà дòктора, искалъ, не было-ли въ нихъ намека на явную опасность. Отчего-же этотъ докторъ, его хорошій знакомый, рѣшительно ничѣмъ не подготовлялъ къ возможности катастрофы? Онъ все время говорилъ, что пустяки, и что это можно остановить и предотвратить. Но когда онъ сегодня приложилъ къ ея груди трубку, какая-то тѣнь проскользнула по его лицу. въ глазахъ затеплилось какое-то внутреннее безпокойство, и концы бровей какъ-то странно задвигались. Онъ уѣхалъ довольно поспѣшно, пожалъ руку какъ всегда, ни крѣпче, ни слабѣе, и сказалъ, что будетъ завтра. Вѣдь если ей дѣйствительно плохо, онъ-бы непремѣнно заѣхалъ сегодня?

Сомнѣніе и боязнь чего-то чередовались съ напускнымъ спокойствіемъ мѣрно, какъ приливъ и отливъ. Онъ всѣми силами желалъ, чтобы все обошлось хорошо и благополучно, и начиналъ вѣрить, что такъ и будетъ, именно вслѣдствіе его сильнаго желанія. Порòю, неожиданно застилая сцену, рисовалась передъ нимъ полутемная спальня съ тремя смятыми большими подушками и малиновымъ огонькомъ лампадки въ старинномъ кіотѣ. И такъ отчетливо вырисовывалось предъ нимъ ея пожелтѣвшее, обострившееся лицо съ прямыми, подрѣзанными на лбу волосиками, которые она не завивала за пять дней своей болѣзни. Онъ видѣлъ ея закрытыя вѣки, и нижнюю, запекшуюся губу, неплотно прикасавшуюся къ верхней, и кружевную кофточку. И такъ это живо и образно стояло передъ нимъ, что онъ въ эти минуты не видѣлъ актеровъ, не слышалъ того, чтò говорятъ, а смутно смотрѣлъ только на широкую спину какого-то старика, сидѣвшаго передъ нимъ и все поводившаго правымъ плечомъ, словно ему рѣзало подъ мышкой.

Digitized by Google

Внезапно, совершенно нежданно, онъ пришелъ къ выводу, что когда наступитъ антрактъ, онъ тотчасъ-же поѣдетъ къ доктору и попроситъ его сказать все откровенно. Это его нѣсколько успокоило, онъ началъ анализировать свое ощущеніе: «что-бы это могло быть? Предчувствіе? Существуетъ-ли вообще предчувствіе, или это предразсудокъ?» Онъ вдругъ вспомнилъ, что собаки воютъ передъ покойникомъ,—это безспорно, это онъ самъ наблюдалъ.

Онъ остановился на словѣ «покойникъ». Странное слово, странно звучитъ, а между тѣмъ такое полное понятіе оно даетъ. «Въ домѣ покойникъ, въ домѣ покойница». Сколько торжественности и таинственности въ этихъ словахъ! Онъ вздохнулъ, опять поймавъ себя на роковомъ вопросѣ.

Въ это время опустили занавѣсъ.

* * *

Однако онъ не ушелъ въ антрактѣ. Ему хотѣлось говорить, говорить много, о чемъ угодно, только не о болѣзняхъ.

И онъ началъ говорить о той неловкости, которую позволилъ себѣ, на одномъ литературномъ обѣдѣ, извѣстный адвокатъ Устиновичъ: онъ съ жаромъ доказывалъ, что Устиновичъ не правъ, хотя утромъ въ тотъ-же день защищалъ того-же Устиновича. Онъ говорилъ съ такимъ паѳосомъ, словно дѣло касалось его очень близко и отъ исхода спора зависѣло многое. На него даже стали обращать вниманіе, и толстая дама, сидѣвшая съ краю, въ очень тугомъ корсетѣ, даже въ упоръ смотрѣла на него въ бинокль, словно въ первый разъ видѣла спорившаго человѣка. Каденцовъ, впрочемъ, отлично понималъ, что и тотъ, съ кѣмъ онъ спорилъ, и эта дама съ подпертою грудью—самые обыкновенные

Digitized by Google

смертные и только. Въ то-же время онъ зналъ, что онъ выше не только ихъ, но и всей толпы, что̀ шуршала въ партерѣ, выше потому, что теперь, въ данное время, онъ не причастенъ тому будничному интересу, который привлекъ въ залу столько народа. Они всѣ захвачены сутолокой жизни, а онъ смотритъ поверхъ этого, и если еще не видитъ, то̀ чувствуетъ приближеніе того, что̀ носитъ грозное, страшное названіе: смерть.

А повидимому здѣсь, въ театрѣ, все такъ далеко отъ мысли объ этомъ ужасномъ концѣ. Одинъ господинъ надѣлъ даже почему-то фракъ и, щурясь въ монокль, стоитъ у барьера перваго ряда. Онъ думаетъ объ ужинѣ, о тѣхъ дамахъ, что̀ сидятъ съ вѣерами въ бель-этажѣ, о своихъ кредиторахъ, и чортъ знаетъ еще о чемъ, но ужь никакъ не объ умирающихъ. Въ оркестрѣ пискливо ноетъ настраиваемая скрипка. Сверху, порхая зигзагами, медленно падаетъ афиша. И почему-же непремѣнно каждый день кто-нибудь да сброситъ нечаянно афишу съ верхняго яруса? И каждый день тѣ, кто не досмотрѣли за этимъ клочкомъ бумаги, съ пугливымъ безпокойствомъ глядятъ внизъ, а тѣ, къ кому онъ попалъ на колѣни, почему-то улыбаются и радостно смотрятъ вверхъ, довольные такою безобидною случайностью. И вѣдь каждый день, каждый день все это одно и то-же...

Знакомый Каденцову гвардейскій офицеръ, очень близорукій, но очень милый, пожалъ ему съ чувствомъ руку.

— А вы слышали, бѣдный Алябьевъ съ ума сошелъ, — сказалъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу.— Поѣхалъ къ старику-отцу въ имѣніе и въ вагонѣ сошелъ съ ума.

Digitized by Google

— Какая-же причина?

— Полагаютъ, недочетъ полковыхъ суммъ. Жаль, жаль, бѣднаго!

По лицу офицера видно было, что онъ жалѣетъ потому только, что это такъ принято. Но ему лично, несмотря на близорукость, очень хорошо: и начальство его любитъ, и сапоги не жмутъ, и въ винтъ онъ выигрываетъ: право, ему не до сожалѣній.

— Гдѣ-же теперь Алябьевъ?

— Въ сумасшедшемъ домѣ. Представьте, на людей кидается. Старикъ въ отчаяніи: ужь лучше-бы умеръ.

— Нѣтъ, отчего-же лучше? Тутъ онъ можетъ выздоровѣть, а вѣдь смерть, это ужь совсѣмъ...

— А, не говорите: смерть лучше. Всѣ помремъ... Нѣсть ни печали, ни воздыханія...

Въ груди Каденцова опять такъ непривычно сжалось. Онъ стиснулъ руку поручика и, сразу рѣшивъ, что теперь пора, пошелъ къ выходу.

* * *

Капельдинеръ удивился, когда онъ подалъ ему желтенькій мягкій билетикъ на грязной веревочкѣ. Онъ ловко растопырилъ предъ нимъ пальто и спросилъ только:

— На балъ изволите торопиться?

Каденцовъ сунулъ ему двугривенный, ничего не сказалъ и вышелъ на подъѣздъ. Фонари попрежнему горѣли. Жандармы, не имѣя надобности отгонять извозчиковъ, тихонько похаживали у подъѣзда. Лохматый щенокъ, очевидно заинтересованный чѣмъ-то, смирно сидѣлъ противъ входной двери, боязливо подергивая ушами. Каденцовъ пошелъ прямо къ Переварову.

— Я его попрошу, и онъ мнѣ все скажетъ,—успо-

Digitized by Google

коивалъ онъ самъ себя.—Потому-что вѣдь нельзя-же такъ продолжать.

Ему сегодня цѣлый день очень ясно представлялись какія-то старушки, умирающія по деревнямъ въ позднее вечернее время. Ему слышался какой-то далекій колокольный звонъ, и такъ жутко дѣлалось

— Нѣтъ, надо нервы лѣчить. Ай, до чего я мнителенъ! думалъ онъ, покачивая головой, и все ускорялъ и ускорялъ шаги. Но доктора дома не оказалось.

— Они, кажется, къ вамъ поѣхали! задумчиво сообразилъ лакей, отворявшій двери.

Каденцовъ почувствовалъ словно уколъ въ грудь.

— Какъ? развѣ присылали отъ меня?

— Никакъ нѣтъ-съ. Только будто-бы они сказали, что къ вамъ заѣдутъ.

Каденцовъ сбѣжалъ съ лѣстницы, вскочилъ на перваго попавшагося извозчика и поскакалъ домой.

— Былъ докторъ? спросилъ онъ у швейцара.

— Были, сейчасъ уѣхали.

Онъ, прыгая чрезъ три ступени, взбѣжалъ къ себѣ наверхъ въ смутномъ предчувствіи

II.

Оказалось, что доктора никто не звалъ. Онъ самъ пріѣхалъ, посмотрѣлъ, спросилъ объ Александрѣ Васильевичѣ, посмотрѣлъ, не подходя даже къ кровати, на спящую больную, и уѣхалъ. Этотъ визитъ ужасно взволновалъ Каденцова. Ему теперь совершенно ясно, осязательно почувствовалась опасность.

— А по вашему какъ? спросилъ онъ Анну Ивановну.

Digitized by Google

— Да все въ томъ-же положеніи.

Эту фразу онъ слышалъ третій день подъ-рядъ, и ему она стала противна. Анна Ивановна нисколько не удивилась тому, что онъ пришелъ изъ театра въ десятомъ часу, какъ будто это такъ и должно было быть. Она его успокоила относительно самовара, сказавши, что сейчасъ все будетъ, и пошла въ столовую, что̀ была рядомъ со спальной. Онъ закурилъ сигару и сталъ тихонько похаживать по спальной. Сперва онъ подумалъ было, что дымъ безпокоитъ жену, но потомъ вспомнилъ, что именно сигарный дымъ очищаетъ воздухъ. Предавшись этой мысли, онъ даже усиленно началъ пускать клубы синяго дыма.

Въ дверяхъ показалась кухарка, толстая и сонная. Она оперлась одною рукой о косякъ и наклонилась жирною грудью впередъ.

— Баринъ, а баринъ, вы-бы меня съ расходомъ отпустили.

Онъ замахалъ ей рукой и вышелъ въ столовую. Онъ сѣлъ на свободный край стола. Скатерть ярко бѣлѣла подъ свѣтлою лампой. На другомъ концѣ стояли подносъ, чайникъ и одинъ стаканъ въ подстаканникѣ. Обыкновенно для барыни ставилась синенькая низкая чашка, но теперь ее здѣсь не поставили...

— Курица-то хороша была за обѣдомъ? спросила Прасковья.

Каденцовъ старался напречь свои мысли и сообразить о курицѣ.

— Да, должно быть хороша,—отвѣтилъ онъ, и началъ провѣрять поданную книжку.

— Ужь не знаю что̀ и готовить,—недовольнымъ голосомъ продолжала Прасковья, складывая на огромномъ животѣ лоснившіяся, пропитанныя жиромъ руки,—хоть-

Digitized by Google

бы барыня скорѣе выздоравливала, а то такой разбродъ, что бѣда.

— Да когда она выздоровѣетъ? боязливо спросилъ онъ, вполнѣ довольный ея увѣренностью въ томъ, что все-же можно выздоровѣть.

Но въ отвѣтъ Прасковья не только не поддержала этой надежды, но даже совсѣмъ разрушила ее, глубоко вздохнувъ и вытеревъ грязнымъ передникомъ внезапно навернувшіяся слезы.

— Это что̀-же «рыся—тридцать копеекъ?» спросилъ онъ, тыкая пальцемъ въ книжку.

— Рысъ,—объяснила она.

— Ага, рисъ,—догадался онъ, и отдалъ ей книжку.

— Какъ-же на завтра къ столу?

— А вотъ вы къ Аннѣ Ивановнѣ обратитесь, она вамъ все закажетъ. Я не умѣю... Или вотъ что̀: сдѣлайте на второе осетрины отварной съ хрѣномъ.

— А супъ какой?

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, я сказалъ, что къ Аннѣ Ивановнѣ, ну, и ступайте.

— Мыло прачка проситъ выдать.

Онъ всталъ со стула.

— Да отстаньте вы!

* * *

Онъ пошелъ черезъ темную залу. Во всей квартирѣ была такая давящая атмосфера. Лампы горѣли тускло, неровно. Въ его кабинетѣ, на зеленомъ триповомъ диванѣ, была уже постлана постель: горничная очевидно не думала, что онъ возвратится такъ рано. Со времени болѣзни жены, онъ, по настоянію доктора, перешелъ сюда. Въ кабинетѣ было холодно. Онъ сѣлъ къ столу и началъ перебирать бумаги. Ему казалось, что онъ спитъ, что его душитъ тяжелый, тяжелый кошмаръ.

Digitized by Google

Вѣдь не можетъ-же быть, чтобъ это была дѣйствительность?

Онъ былъ женатъ лѣтъ пять. Жилъ онъ съ женой хорошо, но рѣшительно не замѣчалъ этого. Ему такъ естественнымъ казалось, чтобы все было хорошо, онъ другаго ничего и не представлялъ, да и не думалъ ни о чемъ другомъ. Когда онъ выѣзжалъ куда съ женой, всѣ находили, что она очень миленькая. Она хорошо одѣвалась, и онъ любилъ въ ней именно этотъ вкусъ; онъ съ полнымъ сознаніемъ собственника ощущалъ чувство довольства, когда на вечерахъ подмѣчалъ какъ молодые люди смотрятъ на нее. Онъ отлично зналъ, что именно такія женщины и могутъ нравиться мужчинамъ, съ ея полненькими маленькими ручками, мягкими бархатными глазками подъ густыми рѣсницами, съ нѣжною бѣленькою кожей и тихимъ, слабо звенѣвшимъ голоскомъ. Его иногда бѣсила ея добродушная, ясная улыбка, ея довольство, спокойствіе. Никогда у нея не было никакихъ порывовъ, проказъ, раскатистаго смѣха. Но и капризовъ не было. Когда онъ говорилъ ей что-нибудь непріятное, она точно и обижалась, уходила къ себѣ въ комнату и принималась за работу. Но едва онъ подходилъ къ ней, опять то-же спокойное сіяніе разливалось отъ нея, и также ровно и спокойно говорила она.

Ему очень хорошо было: кабинетъ такой уютный, и бюсты и книги, и качалки, и восточные диваны. Жена заниматься никогда не мѣшала. Ея и не слышно никогда. Послѣ того какъ она родила мертвую дѣвочку, она стала еще молчаливѣе. Но онъ не жаловался, не тяготился этимъ, хотя не любилъ серьёзничанья. Мысль объ ея смерти никогда ему и въ голову не приходила.

По паркету залы застучали когти, и большой сет-

Digitized by Google

теръ вбѣжалъ махая хвостомъ и внося съ собою свѣжій воздухъ съ улицы. Онъ эти дни тоже не былъ боекъ какъ всегда, и теперь оживился только почувствовавъ, что хозяинъ дома.

Анна Ивановна догадалась подать чай въ кабинетъ.

— Александръ Васильевичъ,—сказала она.—я думаю хорошо-бы написать ихней маменькѣ про болѣзнь. Личико осунулось у нея къ вечеру. Я вамъ не докладывала: она сегодня вставала,..

— Какъ вставала?

— Утромъ. Я вхожу, а она у туалета стоитъ. Я такъ и обмерла. Въ рубашкѣ, кофточкѣ, босоногая. Потомъ зашаталась, зашаталась: еле я поддержать успѣла. Довела, опять уложила.

— Да... ну что-жь, я напишу.

— Да хорошо-бы было за Венигомъ послать.

Анна Ивановна подсказала ему ту мысль, что̀ вотъ ужѐ нѣсколько часовъ не давала ему покоя. Венигъ былъ старый профессоръ, лѣчившій еще его отца, практикъ замѣчательный, несмотря на свои годы, цѣлый день катавшійся въ коляскѣ на разномастныхъ лошадяхъ по городу. Къ Каденцову онъ ѣздилъ охотно, потому-что ему пріятно было сорокъ лѣтъ подъ-рядъ встрѣчать въ спискѣ паціентовъ одну и ту-же фамилію. Но̀ Каденцовъ тревожилъ его только въ крайнихъ случаяхъ, полагая, что старику трудно подниматься въ четвертый этажъ.

— Хорошо, сказалъ онъ.—Я напишу, а вы велите снести сейчасъ-же.

* * *

Въ столовой часы били въ эту ночь какъ-то особенно непріятно и заунывно. Ихъ бой разносился по

Digitized by Google

всей квартирѣ и долго не замиралъ: словно звуки скоплялись въ углахъ комнатъ и дрожали тамъ какимъ-то неопредѣленнымъ не то шорохомъ, не то гуломъ. Порой весь домъ будто вздрагивалъ, окна звенѣли, паркетъ трещалъ. Ему грезилось, что онъ черезъ залу и столовую ясно слышитъ дыханіе жены. Но вѣроятно, это его грудь дышала. Всѣ двери были отворены настежъ. Онъ раза два тихонько входилъ въ спальню. Тѣни отъ лампадки ходили по потолку и одѣялу. Няня лежала на кушеткѣ и быстро спускала ноги при его входѣ. Онъ просыпался чрезъ каждыя четверть часа.

Въ восемь часовъ ему подали записку.

— Отъ Венига? спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, это отъ Переварова. Венигъ сказалъ, что будутъ послѣ двухъ.

Онъ разорвалъ сбоку конвертъ, и началъ читать.

«Ты знаешь, Александръ Васильевичъ,—писалъ Переваровъ,—какъ я всегда былъ привязанъ къ тебѣ и твоему семейству. То чувство симпатіи и дружбы, что я чувствую къ тебѣ—заставляетъ меня просить, чтобы ты не стѣсняясь позвалъ другаго врача, конечно, лучше всего Венига. Я не вѣрю своимъ познаніямъ, и могу ошибаться. Вѣра Алексѣевна слишкомъ изнурена, и бороться противъ воспаленія трудно. Я боюсь нареканій съ твоей стороны, и потому повторяю просьбу: пригласи Венига. Крѣпко жму твою руку».

Каденцовъ сразу не понялъ письма.

— Что такое? Почему-же онъ не сказалъ этого вчера? Ужь не ошибся ли онъ въ діагнозѣ? Зачѣмъ же было тянуть всю ночь? Наконецъ, отчего самому не пріѣхать, зачѣмъ это письмо?

Онъ быстро сталъ одѣваться. Анна Ивановна высунулась изъ-за двери.

Digitized by Google

— Васъ проситъ барыня.

«Умираетъ!» мелькнуло у него въ головѣ; и, хлопая туфлями и отстраняя собаку, онъ пошелъ черезъ залу и столовую, которую подметала прачка, въ душную, еще не провѣтренную спальню.

Она стала еще бѣлѣе, носъ еще больше заострился: да еще бы—шесть дней она ничего не ѣла. Когда онъ вошелъ, она подняла рѣсницы.

— Ты послалъ за Венигомъ? прерывающимся шепотомъ проговорила она.—Такъ не надо. Ну что старика тревожить. Мнѣ... мнѣ не такъ больно сегодня.

— Да я ужь послалъ, онъ пріѣдетъ. Я хочу успокоиться насчетъ твоей болѣзни. Вѣдь нельзя-же такъ...

— Мнѣ лучше,—повторила она.

И глаза ея опять закрылись.

Неурядица въ этотъ день чувствовалась еще сильнѣе. Обыкновенно господа вставали къ десяти, даже къ одиннадцати часамъ, а теперь поднялись въ девятомъ. Самоваръ два раза приносили, и никто не пилъ чая. На диванѣ въ гостиной лежало полотенце для стиранія пыли. Тѣмъ не менѣе, Каденцовъ сѣлъ за обычную работу.

Къ крайнему удивленію, онъ видѣлъ, что писать можетъ, что мысли и связываются и выливаются на бумагу свободно. Но въ то же время онъ чувствовалъ что нервы его натягиваются все больше и больше, что наконецъ напряженіе будетъ уже такое, что онъ его не вынесетъ. Весенній воздухъ, вливавшійся чрезъ открытую форточку, раздражалъ его наркотическою, острою, опьяняющею струей. Перо быстро двигалось по бумагѣ, и написанныя обычнымъ, связнымъ почеркомъ слова крутились также ровно и прямо, точно въ домѣ и не было больной.

* * *

Digitized by Google

Венигъ пріѣхалъ только въ три часа. Это былъ гладенькій небольшаго роста старичекъ, съ военною осанкой, какимъ-то грустнымъ взглядомъ и въ форменной, по старой памяти, фуражкѣ. Вошелъ онъ съ тою спокойною неторопливостію, съ какою онъ сорокъ лѣтъ подъ-рядъ входилъ въ квартиры умирающихъ. Онъ оглянулъ гостиную, словно хотѣлъ узнать все-ли на мѣстѣ, не измѣнилось-ли что̀ со времени его послѣдняго посѣщенія, и подалъ еще не согрѣвшуюся руку Каденцову.

— Что̀-же такое? Вы писали, что воспаленіе?

— Да, я побезпокоилъ васъ, потому что Переваровъ еще молодой врачъ...

— Онъ толковый,—словно про себя вставилъ Венигъ.

— Все-таки вы посмотрите.

Онъ въ короткихъ словахъ началъ передавать исторію, какъ она заболѣла.

— Я въ первый-же день понялъ, что это серьёзно. Она утромъ проснулась, говоритъ, что не встанетъ, и забылась. Потомъ, въ четыре часа, спрашиваетъ—сколько времени? Я сказалъ. Она даже испугалась: «какъ? такъ поздно! А обѣдъ-то какъ-же, а завтракъ?» Встала сейчасъ-же, накинула капотъ, перемоглась, вышла въ столовую. И всего вѣдь это было въ прошлую субботу. А теперь она и не говоритъ почти.

Венигъ сказалъ: «гмъ», и, потирая руки, пошелъ въ спальню. Каденцовъ вошелъ вслѣдъ за нимъ: ему хотѣлось знать что̀ скажетъ жена, и узнаетъ-ли сразу до̀ктора. Она узнала, но когда онъ началъ снимать компрессы, она такъ застонала, что Каденцовъ не выдержалъ и ушелъ.

Въ спальнѣ слышались смутный шумъ и говоръ, и слабые стоны. Сердце его колотило усиленную дробь.

Digitized by Google

Онъ быстро шагалъ по залѣ. Тѣло требовало движенія. Всѣ мышцы сокращались. Теперь вѣдь тамъ рѣшалось все, рѣшалась вся его дальнѣйшая жизнь. И онъ любилъ въ этотъ мигъ свою жену такъ, какъ никогда не любилъ прежде. И какъ долги, какъ долги казались эти минуты пока тамъ былъ докторъ!

Наконецъ, онъ показался въ столовой. На свѣтломъ фонѣ окна мелькнулъ его круглый силуэтъ и двинулся къ нему тою-же неторопливою походкой. Каденцовъ кинулся къ нему навстрѣчу. Онъ хотѣлъ угадать по его глазамъ результатъ осмотра. Но сѣрые глазки были такъ-же неопредѣленны, такъ-же смотрѣли куда-то въ пространство, а лицо было такъ-же спокойно и серьёзно. Подойдя, онъ грустно встряхнулъ головой и сказалъ:

— Да,—ну!

Онъ развелъ руками и слегка приподнялъ плечи. Каденцовъ почувствовалъ наконецъ то что-то, которое давно собиралось охватить его. Это «что-то» теперь овладѣло имъ.

— То-есть, какъ-же? неловко ворочая языкомъ, полушопотомъ спросилъ онъ.

— Надежды нѣтъ.

Каденцовъ видѣлъ перламутровую пуговку его рубашки, видѣлъ брелоки на его толстой цѣпочкѣ, видѣлъ пробритый подбородокъ, но очень смутно сознавалъ слова.

Венигъ положилъ ему на плечо руку.

— Истощенъ организмъ,—сказалъ онъ,—воспаленія она не перенесетъ.

— Можетъ-быть... можетъ быть Переваровъ сдѣлалъ ошибку?

— Никакой ошибки. Все прекрасно. Онъ, какъ молодой врачъ, еще хотѣлъ бороться... Это лишнее...

Digitized by Google

— Что̀-же дѣлать? дѣлать-то надо что̀ теперь?

— Пошлите за священникомъ. Пусть она причастится. Это успокоитъ ее. А потомъ, послѣ причастія, вы, пожалуй, дадите ей капельки что̀ я пропишу.

Онъ пошелъ въ знакомый кабинетъ, сѣлъ свободно по-докторски у стола и началъ писать на оторванномъ лоскуткѣ,

— Да, молода она,—задумчиво, словно съ укоризной, сказалъ онъ.

— Двадцать-семь лѣтъ,—машинально отвѣтилъ Каденцовъ.

— Да,—простуда должно быть. Теперь очень много отъ воспаленія легкихъ умираютъ. Признакъ весны.

«Что̀ это, утѣшаетъ онъ меня этимъ, что-ли?» подумалъ Каденцовъ, и даже собрался улыбнуться надъ наивностью утѣшенія. Только ужь улыбка у него совсѣмъ не вышла.

У Венига была привычка, когда онъ пропишетъ рецептъ, разсказать какой-нибудь анекдотъ. Каденцовъ съ ужасомъ ждалъ, что наступила эта минута. Но профессоръ, напротивъ того, совершенно молча сидѣлъ въ креслахъ, словно не рѣшался ни уходить, ни разговаривать. Каденцовъ самъ первый поднялся.

— А вы заѣдете еще? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, надобности не будетъ. Вы сами заверните ко мнѣ, вамъ вѣдь близко. Завтра такъ...

Онъ задумался.

— Такъ около десяти...

— А когда-же надо ждать... конца? не смѣло спросилъ Каденцовъ. Онъ хотѣлъ спросить «смерти», но не смѣлъ произнести это слово.

Профессоръ взглянулъ на него, какъ учитель на школьника, задающаго глупый вопросъ.

Digitized by Google

— Скоро,—сурово отвѣтилъ онъ, и тоже всталъ съ кресла.—Завтра до двѣнадцати я дома. Заѣзжайте, я вамъ выдамъ бланкъ.

— Какой?

— Бланкъ. Полиція у васъ потребуетъ свидѣтельство...

Ноющее больное чувство опять охватило его. Вѣдь она еще жива, она еще дышетъ тамъ, на широкой кровати, а онъ говоритъ о какихъ-то полицейскихъ бланкахъ!

Венигъ крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ:

— Если нервы очень расходятся, выпейте стаканъ мадеры. Тутъ два убѣжища: религія и философія. Вооружитесь ими, если есть силы.

И получивъ за визитъ, онъ съ трескомъ отъѣхалъ отъ подъѣзда на своей разномастной парѣ.

III.

Съ этой минуты, съ момента отъѣзда профессора, наступилъ для него новый періодъ возбужденія. Когда дверь за Венигомъ затворилась и онъ ушелъ, унося съ собою и молодую жизнь, и всякую надежду на выздоровленіе, Каденцовъ опустился на диванъ въ гостиной и почувствовалъ, какъ глаза его наливаются слезами, какъ спазмъ сдавилъ ему горло. Онъ чувствовалъ, что оторвана половина его души, что совершается то, что совсѣмъ не должно было совершиться, и что все закончится тѣмъ полицейскимъ листкомъ, который, выдастъ ему завтра докторъ.

И какъ только онъ созналъ, что смерть неизбѣжна, съ этой минуты у него явилось страстное желаніе,

Digitized by Google

чтобъ она пришла какъ можно скорѣе, чтобы больная не мучилась. Онъ не зналъ, что̀ такое говорила ей заплаканная няня о священникахъ, но только эта няня пришла къ нему и сказала, что барыня очень хотятъ причаститься. Онъ пошелъ напротивъ въ домовую церковь, и священникъ, высокій молодой брюнетъ съ выпуклымъ лбомъ, пришелъ тотчасъ-же. Она причастилась. Когда священникъ ушелъ, она повернула къ нему голову и шепнула:

— Благодарю!

Тутъ уже онъ не выдержалъ Слезы крупными каплями покатились по щекамъ. За что̀ она благодаритъ? За то что пришелъ священникъ, или за то (неужели за то!) прожитое вмѣстѣ время, за тѣ пять лѣтъ что̀ она провела съ нимъ подъ одною крышей? Но что̀-же онъ далъ ей въ эти пять лѣтъ? Не ему-ли ее благодарить? Они сидѣли вмѣстѣ у одного огня, ѣли изъ одного блюда, смѣялись однимъ смѣхомъ, горевали однимъ горемъ. Развѣ это такъ дорого было? Можетъ-быть оно дорого только тѣмъ, что прошло, а тогда оно вовсе не цѣнилось. Онъ привелъ ее въ домъ молоденькою, чистою дѣвушкой, она пошла за нимъ, внесла въ его обстановку ту милую женскую прелесть, которою все было такъ согрѣто вокругъ. А теперь она, такая-же маленькая, лежитъ умирая на ихъ кровати. Ея мать, сёстры, далеко за Москвой. Онъ отнялъ ее отъ тѣхъ близкихъ къ ней, съ которыми она жила, и она здѣсь одна съ нимъ, на сѣверѣ, умираетъ въ душной комнатѣ. И она-же лепечетъ: «благодарю», и хочетъ протянуть ему руку, и не можетъ.

Онъ вырвался на воздухъ, и пошатываясь отправился на телеграфъ. Теперь уже все вертѣлось въ его глазахъ. Извощики ѣхали по мостовой беззвучно.

Digitized by Google

Пѣшеходы какъ тѣни скользили мимо, и самъ онъ не шелъ, а словно несся по воздуху. Онъ вдругъ понялъ, что внутри его есть нѣчто такое, чего онъ не могъ предполагать прежде. Душа его встрепенулась, словно очистилась отъ обычной будничной оболочки, и онъ пересталъ чувствовать свое тѣло. Точно не онъ шелъ по улицѣ, а плылъ въ извѣстномъ направленіи его духъ, тѣло-же, отъ котораго онъ не могъ освободиться, механически передвигало ноги и поспѣвало за нимъ. Ему казалось, что онъ видитъ это тѣло со стороны, что онъ видитъ себя откуда-то сбоку, видитъ какъ онъ, заложа руки въ карманы, быстро идетъ, минуя прохожихъ, куда-то, судя по походкѣ, по очень спѣшному дѣлу. Прикосновеніе не производило прежняго ощущенія: онъ щипалъ свою руку и не чувствовалъ боли. Одна только и была мысль въ его головѣ: ахъ, скорѣе, скорѣе-бы это все кончалось!

* * *

Съ тѣхъ поръ какъ она сказала слово «благодарю», губы ея не открывались. Ей дали капель, и стоны прекратились. Лицо приняло строгое выраженіе. Она тяжело, однообразно дышала. Воздухъ шумно выходилъ изъ ея груди. Грудь вздымалась и падала. Она лежала недвижно, навзничь, скрестивъ на груди руки, безсознательно принявъ ту позу, въ которой она должна лечь навсегда и разрушиться. На вопросы она не отвѣчала, она не слышала, что̀ дѣлается вокругъ, ея мозгъ занятъ былъ своею собственною работой, видѣлъ свои картины, никому невидимыя. Были-ли то послѣдніе обрывки земныхъ воспоминаній и впечатлѣній, наслоившихся тамъ за много лѣтъ, или это, быть-можетъ, было ужѐ преддверіе чего-то новаго, рядъ ощущеній которыхъ мы и представить себѣ не можемъ, но лицо ея мѣняло свое

Digitized by Google

выраженіе, и ни разу боль и страданіе не отразились на немъ. Она погружалась тихо, незамѣтно, въ покой вѣчнаго небытія или вѣчной жизни, и это новое охватывало ее тихо, ласково, со всѣхъ сторонъ, точно манило, звало къ себѣ. Земнаго въ ней осталось только это дыханіе; все остальное было уже рядъ ощущеній высшаго порядка.

А земное, покорное вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ, продолжало свое дѣло разрушенія. Какіе-то таинственные процессы совершались въ ея груди, и эти-то процессы и уничтожали молодую жизнь. Каденцовъ сидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ кровати, въ креслахъ, и старался уловить—да гдѣ-же наконецъ гнѣздо этого разрушенія. и почему-же оно словно остановилось? Вотъ уже болѣе шести часовъ прошло съ того времени какъ она сказала «благодарю» и закрыла глаза, а дышетъ она все также, и ухудшенія не замѣтно. Весь домъ притихъ, ни звука. Сознается великое, неизбѣжное. Всѣ притихли, чувствуя что нѣтъ выше этого мига. Но тишина эта не нужна для нея: можно было-бы и пѣть, и веселиться вокругъ, она не услышитъ, ее это не потревожитъ: то̀ чѣмъ она сознавала, этого уже нѣтъ тутъ.

Каденцовъ сидѣлъ возлѣ нея, и безформенные образы и мысли неслись передъ нимъ. Его ужасала та простота, съ которою она умирала. Ему припомнился отвратительный образъ смерти что̀ сложился у всѣхъ народовъ. А тутъ какъ тихо, мирно, спокойно. Тихонько въ уголкѣ всхлипываетъ нянька, и только. И вдругъ представилась ему та смерть что̀ изображается на сценѣ. Онъ съ ужасомъ вскочилъ съ мѣста. Ему представилось, какъ танцовщица умираетъ подъ звуки оркестра. Онъ вспомнилъ тѣ дикія па, которыя должны напоминать агонію, онъ вспомнилъ тѣ ломанья рукъ и схватыванья за грудь, которыя

Digitized by Google

должны были изображать предсмертныя муки. И онъ опять ужаснулся, и быстро заходилъ по комнатѣ.

«Вѣдь это святотатство!» размышлялъ онъ. «Вѣдь смерть—таинство, священнодѣйствіе: какъ-же можно профанировать его? Какъ-же можно заставить какую-нибудь распутную женщину плясать въ трико, съ обнаженными ногами, и думать, что она изображаетъ это таинство, да еще апплодировать ей, подносить цвѣты и подарки? Что̀ за извращеніе, что̀ за гнусность!»

Онъ остановился у самаго изголовья. Ему показалось, что опущенныя рѣсницы слегка дрогнули, но не раскрылись. По одѣялу, какъ и прежде, ходили неровныя тѣни отъ кіота. Ужели это лежитъ она, его Вѣра?

* * *

Въ три часа ночи онъ получилъ отвѣтную телеграмму отъ матери жены: «Выѣзжаю. Телеграфируйте—Москва до востребованія.» И онъ почувствовалъ скорбь старухи, этой чудесной старухи, которая, прощаясь послѣдній разъ съ Вѣрой, со слезами говорила, что онѣ больше не увидятся, что ей, старой, уже недолго жить осталось.

Онъ попробовалъ молиться, но онъ и не умѣлъ, и разучился этому. Въ дѣтствѣ, когда онъ ходилъ со своею матерью въ церковь, онъ молился съ такою чистою, съ такою искреннею вѣрой. Но теперь такъ далеко это время! Онъ въ слезахъ смотрѣлъ на лики стараго письма̀, что̀ безмятежно глядѣли на него изъ кіота, но молиться не могъ.

. . . . . .

Въ седьмомъ часу утра̀ онъ забылся на диванѣ неопредѣленнымъ, безпокойнымъ сномъ. Его разбудилъ какой-то толчекъ. Внутри его какъ-будто кто-то вскрикнулъ, онъ слышалъ этотъ крикъ и понялъ его такъ: вставай, бѣги къ ней, она умерла.

Digitized by Google

Но она дышала, только она была желтѣе чѣмъ вчера. Дыханье было такое-же, но лицо еще спокойнѣе.

И вдругъ, совершенно неожиданно, Каденцовъ почувствовалъ, что тотъ-же покой разливается и въ немъ. Сжиманье сердца, что̀ цѣлыя сутки мучило его, прекратилось. Онъ пошелъ твердою поступью къ себѣ въ кабинетъ, легъ не раздѣваясь на приготовленную постель, и заснулъ мгновенно и глубоко.

Онъ не запомнитъ такого глубокаго сна. Сновидѣній тутъ не было. Это было тоже какое-то небытіе. Онъ спалъ сладко, онъ наслаждался сномъ, покоемъ, сномъ какимъ-то неземнымъ, поразительно страннымъ.

Въ половинѣ десятаго онъ почувствовалъ что его трясутъ за плечо. Онъ открылъ глаза. Надъ нимъ стояла заплаканная няня.

— Скончалась,—сказала она.

Онъ не повѣрилъ. «Какъ! когда онъ спалъ? Да почему-же именно въ это время?»

Она лежала тихая, теплая, попрежнему скрестивъ руки. Дыханья не было.

— Отчего-же, отчего-же вы меня не разбудили? Вѣдь вы-же видѣли...

— Дышала, десять минутъ назадъ дышала, и вдругъ сразу!

Онъ тупо посмотрѣлъ на кровать. «Значитъ, все кончилось. И какъ просто, какъ ужасно просто...»

Онъ наклонился и прижался къ холодѣющему лбу губами. Голова легко лежала на подушкѣ, словно живая, она еще не тонула съ грузною тяжестью мертваго тѣла. Худенькія руки съ отросшими за эти дни ногтями казались совсѣмъ дѣтскими. Анна Ивановна, роняя на одѣяло слезы, стала снимать обручальное кольцо

Digitized by Google

и вынимать изъ ушей крохотныя серьги, въ которыхъ она такъ и скончалась.

— Спрячьте, сказала она, подавая ихъ ему.

Онъ пошелъ къ себѣ, и заперъ вещи въ столъ. «Что̀-же теперь дѣлать?» соображалъ онъ. «Она умерла. Надо хоронить. Какъ-же это такъ? Я никогда вѣдь не хоронилъ никого. Какъ это дѣлается, съ чего надо начать?»

Чувство острой боли и тоски, что̀ давило его, прошло. Онъ какъ-то механически сознавалъ, что нужны священникъ, гробъ, могила, объявленіе въ газетахъ. Но какъ это онъ все сразу сдѣлаетъ, онъ не понималъ. Нужна еще телеграмма въ Москву тещѣ, потомъ надо встрѣтить ее на вокзалѣ. Она будетъ плакать. Пріѣдетъ съ которою-нибудь изъ дочерей, та тоже будетъ убиваться. Всѣ знакомые будутъ такъ сожалѣть. Будетъ суетня ужасная. А теперь такъ тихо. Хотя-бы помогъ кто!

Онъ съ изумленіемъ наблюдалъ это неестественное спокойствіе, явившееся вмѣсто ожидаемаго отчаянія. Онъ самъ его пугался, самъ спрашивалъ себя, отчего-же это такъ? А нервы были спокойны, и говорили ему: да, вотъ ты ожидалъ, что мы Богъ вѣсть что̀ съ тобой сдѣлаемъ, а мы спимъ, вовсе и не желаемъ тебя мучить. Онъ хотѣлъ заплакать, что̀ ему вчера удавалось, и не могъ. Тогда онъ рѣшилъ ѣхать. Послалъ за каретой и началъ одѣваться.

— Тамъ гробовщики васъ спрашиваютъ,—сказала прачка.

Онъ поморщился.

— Нѣтъ, нѣтъ, это все Анна Ивановна договорится. Да привяжите собаку на цѣпь, хоть у меня здѣсь, въ кабинетѣ.

Digitized by Google

Анна Ивановна перевалкой, съ засученными рукавами, пришла на зовъ.

— На столъ не смѣйте класть,—сказалъ онъ.

— А какъ-же? удивилась она.

— Пусть лежитъ на кровати, а потомъ принесутъ катафалкъ. Въ домѣ всѣмъ распоряжайтесь, а я поѣду.

* * *

Онъ поѣхалъ и очень толково распорядился. Но какъ, почему и зачѣмъ онъ все дѣлалъ, въ этомъ онъ не могъ отдать себѣ отчета. Спалъ-ли онъ послѣдующія двѣ ночи до выноса, или нѣтъ, онъ не знаетъ. Ему было только спокойно. Онъ хорошо помнитъ, какъ его встрѣтилъ Венигъ, пережевывая что-то и очевидно вставъ изъ-за завтрака. Когда онъ сказалъ ему, что все кончено, онъ утвердительно кивнулъ головой, опять-таки какъ учитель киваетъ ученику вѣрно разрѣшившему задачу.

— Я вамъ сказалъ, что около десяти,—подтвердилъ онъ, окончательно проглотивъ то, что̀ было во рту, и пошелъ въ кабинетъ писать заявленіе. Каденцовъ увидѣлъ Магдалину съ черепомъ, лѣтъ уже двадцать висѣвшую въ пріемной Венига. Онъ много разъ разсматривалъ ее, и вмѣстѣ съ женой, когда онъ приходилъ съ нею въ пріемные дни. Вѣра, которая сама недурно рисовала акварелью, находила что пальцы рукъ написаны не хорошо. Ему такъ ясно представился тотъ вечеръ когда они сидѣли вдвоемъ у пасмурной лампы и просматривали англійскія иллюстраціи. Это было всего полгода назадъ, осенью: она приходила совѣтоваться съ Венигомъ о мигреняхъ. Наконецъ профессоръ вынесъ листочекъ и научилъ сперва показать его въ типографіи для объявленія, а затѣмъ сдать куда

Digitized by Google

надо. Проводивъ до дверей, онъ замѣтилъ про покойницу:

— Да, она была такая слабенькая.

Потомъ онъ помнитъ, какъ на кладбищѣ конторщикъ долго съ нимъ не говорилъ, а все плевалъ на пальцы и считалъ груду засаленныхъ ассигнацій, принесенныхъ какимъ-то мѣщаниномъ. Окончивъ счетъ, онъ поднялъ очки и очень весело поглядѣлъ на него.

— Это можно-съ,—отвѣтилъ онъ, когда Каденцовъ изложилъ причину посѣщенія.—Не угодно ли вамъ съ нашимъ смотрителемъ мѣстечко присмотрѣть, которое вамъ по вкусу. Какое желаете, тò и запишемъ, на выборъ-съ.

«Отчего онъ такъ веселъ», думалось ему, когда онъ шагалъ слѣдомъ за смотрителемъ по мосткамъ кругомъ церкви. «Впрочемъ, поневолѣ будешь веселъ, всю жизнь только и занимаясь покойниками. Вѣдь говорятъ же, что гробовщики да могильщики самые веселые люди.

Отецъ протопопъ, съ которымъ онъ договаривался объ отпѣваніи, очень соболѣзновалъ о его потерѣ, интересовался, сколько лѣтъ покойной и чѣмъ она была больна. Прощаясь, онъ долго жалъ руку и сказалъ: очень пріятно.

Затѣмъ, ему памятны разныя мелочи. Онъ помнитъ на блюдѣ холодную осетрину, чтò онъ за два дня до этого заказывалъ кухаркѣ; осетрину два дня подавали на столъ,—онъ до нея не дотрогивался. Онъ помнитъ ароматическій запахъ ладана на панихидахъ, и запахъ потушенныхъ восковыхъ свѣчъ, и молодое лицо того самаго священника, чтò приходилъ причащать ее. Его пріятно поразило отсутствіе черныхъ ризъ и веселое пѣніе «Христосъ Воскресе», которымъ начиналась

Digitized by Google

каждая служба. Онъ рѣшилъ, что ему было бы грустнѣе, еслибъ она умерла осенью.

На ночь онъ отсылалъ читальщика, находя, что его протяжное чтеніе только раздражаетъ. Онъ подолгу смотрѣлъ на жену. Лицо ея приняло выраженіе спокойной радости: Анна Ивановна подвила чолку на лбу, и она, закрутившись, придала всему лицу обычную живость,—такъ по крайней мѣрѣ ему казалось. Сквозь кисею, прикрывавшую лицо сквозили черныя пушистыя рѣсницы и брови словно приклеенныя къ восковому лбу,—это онъ тоже помнитъ.

* * *

Но больше всего памятенъ ему пріѣздъ тещи. Какъ онъ и думалъ, она пріѣхала съ дочерью. Онъ поѣхалъ на вокзалъ встрѣтить ихъ. Утро было весеннее, ликующее, ясное. Когда онѣ вышли изъ вагона, онъ по распухшимъ лицамъ и краснымъ глазамъ понялъ, что онѣ всю ночь не спали, и что совершенно лишнее спрашивать ихъ о чемъ бы то ни было. И все-таки онъ спросилъ: «Ну, какъ вы себя чувствуете?» Въ отвѣтъ на это, старуха упала къ нему на грудь и стала плакать, вынимая изъ лакированнаго мѣшка носовой платокъ. У дочери глаза были сухи, она какъ-то пугливо посматривала вокругъ и судорожно перебирала ручку ремней, въ которыхъ былъ завернутъ пледъ. Онъ далъ посыльному адресъ, велѣлъ получить вещи и доставить на мѣсто, а самъ повелъ ихъ въ карету. Когда они сѣли и покатились по гладкимъ торцамъ, старуха схватила его за руки и проговорила:

— Ну, какъ же, какъ же все это случилось?

Онъ началъ разсказывать что-то безсвязное, длинное, барышня тоже заплакала и стала очень похожа

Digitized by Google

на покойную сестру, только черты лица у нея были угловатѣе.

На паннихидѣ онѣ стояли все время на колѣняхъ и молились. Барышня, не обращая вниманія на съѣхавшихся, стояла простоволосою и растрепанною,—видно что ей было не до туалета. Онѣ обѣ ни разу не оглянулись. И все-таки послѣ паннихиды онѣ сообразили, что надо купить себѣ крепу на шляпы и заказать черныя платья. Онѣ даже узнали у Анны Ивановны адресъ портнихи, что̀ шила на Вѣру.

Все остальное въ представленіи Каденцова сливается въ какой-то тусклый туманъ. Онъ не можетъ припомнить что̀ онъ дѣлалъ, о чемъ онъ думалъ. Онъ шагалъ мимо завѣшанныхъ простынями зеркалъ и все старался забирать ртомъ какъ можно больше воздуха.

Въ моментъ выноса, сердце его ускоренно колотилось, предъ глазами шли зеленые круги. Гробъ тихо сползалъ по заворотамъ лѣстницы при пѣніи и плачѣ. Изъ дверей высовывались сосѣди и крестились; швейцаръ суетился у подъѣзда. Потомъ гробъ поставили на дроги, а онъ пошелъ назадъ за пальто и шляпой, потому что вышелъ на улицу въ одномъ сюртукѣ. Въ залѣ съ катафалка снимали черное сукно; высокіе подсвѣчники взваливалъ себѣ на плечи какой-то рябой причетникъ. Въ квартирѣ, кромѣ кухарки, никого не было.

И тутъ онъ понялъ, что онъ одинъ. Онъ поднялъ глаза на маленькій образъ, висѣвшій высоко въ углу, и сухія, отрывистыя рыданія вырвались у него. Онъ самъ испугался ихъ дикости.

Однако, надо было идти. Онъ посмотрѣлъ въ окно,—процессія шла по зеленому ельнику черезъ площадь; гробъ ярко сверкалъ на весеннемъ солнцѣ, а сзади,

Digitized by Google

за густою толпою знакомыхъ, медленно ползли карета за каретой.

Онъ вытеръ наскоро глаза, надѣлъ шляпу и пальто, спустился съ лѣстницы и торопливо началъ догонять процессію: ему по всѣмъ правиламъ приличія слѣдовало итти первому за гробомъ. Онъ такъ и сдѣлалъ.

1887 г.

Digitized by Google

ИЗЪ ЛѢТНЯГО АЛЬБОМА.

I.

СТРАННАЯ ЖЕНЩИНА.

Digitized by Google

Digitized by Google

По блѣдно-голубому сѣверному небу плыли крутыя бѣлыя облака. Синее море вздымалось грядами и шумно расплескивалось по отлогому берегу. На скамейкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ черты прибоя, возлѣ купальной будки, сидѣла молодая дама въ свѣтленькомъ кретоновомъ платьѣ, съ зонтикомъ, подбитымъ яркою матеріею, и съ прелестною дѣвочкою лѣтъ двухъ, что возилась тутъ же на тепломъ пескѣ.

Дама эта ничего не дѣлала: она не читала, не работала,—даже за дѣвочкой какъ-то мало смотрѣла,—мысли ея были заняты чѣмъ-то совсѣмъ другимъ. Она глядѣла, слегка прищурясь, на тотъ далекій горизонтъ, гдѣ ползли подъ парусами суда, сверкая на солнцѣ яркими точками; ея глаза имѣли какое-то неопредѣленное выраженіе: въ нихъ не было сосредоточія,—это бываетъ такъ всегда, когда человѣкъ смотритъ вдаль. Порою она поворачивала голову въ сторону, и вглядывалась въ однообразную линію купальныхъ будочекъ и телеграфныхъ столбовъ, прижатыхъ къ водѣ сплошною гущею побережныхъ парковъ. Плечи ея тогда подергивались, она нетерпѣливо упиралась ногами въ

Digitized by Google

песокъ, словно хотѣла встать и уйти. Но она все-таки не встала, не ушла, она осталась — и дождалась кого хотѣла.

Она его издали замѣтила. Это былъ высокій плотный господинъ, съ бритымъ лицомъ, до красна опаленнымъ іюльскимъ солнцемъ. На немъ было широкое сѣрое лѣтнее платье и соломенная шляпа. Онъ торопливою походкою подошелъ ней и какъ-то неувѣренно протянулъ руку. Она не глядя подала свою и досадливо смотрѣла въ сторону, когда онъ поднесъ ее къ губамъ.

— Смѣнили гнѣвъ на милость,—нерѣшительно произнесъ онъ, опускаясь возлѣ нея на скамью, и посылая дѣвочкѣ поцѣлуй рукою. — Что это вамъ вздумалось писать?

— Захотѣла—и написала, возразила она.—Если вы пришли противъ желанія—можете уйти.

— Нисколько. Я обрадовался, получивъ вашу записку. Я васъ вижу только издали, мелькомъ. Не знаю, чему приписать ваше желаніе меня видѣть.

— Повѣрьте, что желанія (она сдѣлала удареніе на слово «желаніе») у меня нѣтъ. Мнѣ надо съ вами поговорить.

Онъ пожалъ плечами, и склонивъ голову, приготовился слушать.

Она не рѣшалась начать. Раскрытыя губы ея слегка дрожали, брови сдвинулись, грудь дышала тяжело и прерывисто.

— Намъ надо окончательно объясниться,—заговорила она. — Тянуть такія отношенія невозможно. Сегодня мужъ уѣхалъ въ городъ, я какъ-то стала спокойнѣе, и рѣшила, что все равно, лучше кончить теперь—потомъ хуже будетъ.

Digitized by Google

— Я не понимаю, о чемъ вы хотите говорить... Что за натянутый тонъ?..

— Другого тона быть не можетъ; я притворяться не умѣю, не стану,—не хочу наконецъ. Какъ я думаю, какъ чувствую, такъ и говорю. Не требуйте отъ меня никакихъ опредѣленныхъ рамокъ, я дѣйствую быть можетъ нетактично, но искренно... Прошло время, стараго не воротишь, о старомъ вспоминать нечего...

Онъ снялъ шляпу и отеръ себѣ лобъ:

— Ну, да, ты меня разлюбила,—сказалъ онъ.—Я это чувствую и знаю. Ты теперь ко мнѣ относишься безразлично. Тебѣ теперь все равно, что я, что эта скамейка.

— Ну, не совсѣмъ такъ,—рѣзко оборвала она,—я васъ видѣть не могу. Вы мнѣ противны, понимаете: противны, противны!

Она съ такимъ омерзеніемъ посмотрѣла на него, что онъ вспыхнулъ до ушей.

— Да что же я такого сдѣлалъ? Чѣмъ я виноватъ?

— Вы тѣмъ виноваты, что вы—вы! Что вы не человѣкъ, не мужчина, вы—тряпка, безхарактерность...

— Успокойся ты, ради Бога... Тебѣ это вредно въ твоемъ положеніи.

— А что мое положеніе! Какое вамъ до него дѣло!.. Вамъ ни до чего никогда дѣла нѣтъ...

Быть можетъ, другой на его мѣстѣ всталъ бы и ушелъ. Но онъ не могъ этого сдѣлать. Онъ зналъ, что она нездорова, что это, быть можетъ, все вспышки, болѣзнь, нервы. Онъ не имѣлъ права отойти отъ нея; онъ стиснулъ кулаки, и заложилъ ногу на ногу.

— Ты меня позвала только для того, чтобы говорить такія вещи?

— А! вамъ это не нравится? Слушайте, вамъ это

Digitized by Google

полезно: вамъ такого зеркала еще никто не показывалъ. Любуйтесь на себя.

— Надолго мужъ уѣхалъ? спросилъ онъ, чтобы перевести разговоръ на другую тему.

Она не отвѣчала. Грудь ея дышала еще короче, на лицѣ проступили пятна. Онъ ей былъ невыразимо противенъ. Мясистое ухо и загорѣлая красная шея, нажатая бѣлымъ воротникомъ, возбуждали въ ней отвращеніе. Онъ чертилъ палочкою по песку, и былъ рѣшительно въ недоумѣніи: чего она хочетъ, чего ей отъ него нужно?

— Я васъ не обвиняю,—заговорила она.—Виновата я, одна я виновата кругомъ. Я забыла долгъ, забыла мужа, дѣтей...

— Да вѣдь у васъ одна только дѣвочка,—поправилъ онъ.

— Это все равно: одинъ-ли, десять,—это все равно...

— А мужа вѣдь вы не любите.

— Во всякомъ случаѣ, больше чѣмъ васъ. Вы не понимаете,—о, вы не понимаете,—говорила она, ломая руки,—вы отказываетесь понять, какъ женщина, полгода назадъ, могла забыть все, и долгъ, и стыдъ, и самоуваженіе, броситься на шею мужчины, а черезъ шесть мѣсяцевъ возненавидѣть его! Вы это не понимаете, да!

— Тише! остановилъ онъ,—дѣвочка слушаетъ, смотритъ.

— Пусть смотритъ!

Дѣвочка уставилась большими черными, какъ у матери, глазами и переводила взглядъ то на одного, то на другого.

— Пусть смотритъ,—повторила мать, но начала говорить понизивъ голосъ.—Какъ же вы, мужчины, счи-

Digitized by Google

таете себя во сто тысячъ умнѣе насъ, женщинъ, вы хвастаетесь наблюдательностью, пишете романы...

— Развѣ я пишу? попробовалъ было перебить онъ.

— А, я не про васъ говорю, вы развѣ способны на что-нибудь! Ну, а какъ же вы, при вашемъ умѣ и талантѣ, не можете догадаться, что во мнѣ происходитъ? Гдѣ же ваша опытность, о которой вы трубите на перекресткахъ? Эхъ, вы—мужчины!.. Никогда-то вы, никогда вы не въ состояніи самой простой вещи понять. Что вамъ каждый подростокъ-дѣвчонка объяснитъ, до того вы во-вѣки-вѣковъ не додумаетесь.

Она говорила это съ тою увѣренносью, которая никогда не покидаетъ женщину, когда дѣло коснется вопроса чувствъ. Она была убѣждена, что это такъ, что это иначе и быть не можетъ. Ее было не переувѣрить въ этомъ.

А онъ буквально ничего не понималъ. Онъ машинально смотрѣлъ на бѣлыя облака̀ и сравнивалъ ту женщину, которую онъ любилъ такъ за полгода передъ тѣмъ, и которая его любила,—съ тою, которая сидѣла тутъ, бокъ-о-бокъ съ нимъ на скамейкѣ. Ахъ, какое то время было! Да нѣтъ,—то̀ другая женщина была. То было свѣжее, молодое существо, съ душистою косою, разметавшеюся по подушкѣ, и съ такимъ огнемъ въ глубокихъ, бездонныхъ глазкахъ! Онъ горѣлъ тамъ, этотъ огонекъ, вспыхивалъ, искрился, погасалъ, опять загорался; эти бѣленькія руки сжимали его крѣпко-крѣпко, эти губки говорили ему: «Держать я буду тебя покуда силъ хватитъ,—а если уйдешь ты отъ меня, такъ не потому, что разлюблю, а потому, что объятья мои будутъ для тебя не достаточно сильны!».. И сколько часовъ, сколько дивныхъ часовъ пронеслось надъ ними... А теперь? Какъ подурнѣла

Digitized by Google

она! Углы рта опустились; глаза попрежнему горятъ, но какимъ-то недобрымъ огнемъ. Платья всѣ разставлены, фигура пропала, располнѣла, а щеки спали... И сколько злости, сколько ненависти въ этомъ лицѣ! Ну, хотя бы каплю, хотя бы только каплю прежняго чувства! Нѣтъ,—словно все забыто, стерто изъ воспоминаній!

— Да, да,—заговорила она,—вотъ чего нѣтъ, и никогда не будетъ въ мужчинѣ,—это чуткости. Вы по намеку не уловите никогда того, что надо сдѣлать... а вы еще лучше, гораздо лучше многихъ.

— Спасибо за похвалу,—пробормоталъ онъ.

— Скажите,—начала она, обдавая его рѣзкимъ, черствымъ взглядомъ, и вся повернувшись къ нему,—скажите: зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Вѣдь я васъ просила, я умоляла не ѣздить. Зачѣмъ вы пріѣхали?

— Я счелъ безчестнымъ поступить иначе,—я не могъ оставить васъ одну.

— Я бы вамъ писала.

— Мнѣ мало этого.

— Я не одна здѣсь: мужъ со мною.

Его передернуло, но онъ ничего не сказалъ.

— А вы, какую вы пользу можете мнѣ принести? Вашъ видъ, голосъ, фигура, походка—все мнѣ дѣйствуетъ на нервы. Вы каждый день стараетесь мнѣ попасться на глаза... Да по какому праву?

— Я люблю васъ! чуть не крикнулъ онъ.

— Хороша любовь! если вы любите для васъ мое слово должно было быть закономъ. Я сказала, что не хочу, чтобы на лѣто вы ѣхали вслѣдъ за нами сюда.

— Но это свыше моихъ силъ!

— А мою болѣзнь, весь ужасъ моего положенія, причиною котораго вы, одни вы,—это вы ни во что

Digitized by Google

не считаете? Да вы должны у ногъ моихъ ползать, счастливымъ быть, что я хотя изрѣдка позволю вамъ дышать однимъ воздухомъ со мною... Ахъ, это ужасно, ужасно!

Она выхватила изъ кармана платокъ, прижала къ глазамъ, ее всю забило. Зонтикъ выкувырнулся изъ ея рукъ на песокъ. Дѣвочка опять на нее въ испугѣ уставилась.

— Милая, да полно! попробовалъ онъ ее утѣшить.

Но гдѣ же ей было слушать его утѣшенія! Она вся отдалась своему горю: онъ склонилась головою на на спинку скамейки и рыдала, рыдала...

— Ахъ, какая ты... да полно, безпокойно говорилъ онъ, оглядываясь вокругъ.

Къ счастью, на всемъ побережьѣ никого не было; только вдали, совсѣмъ вдали, виднѣлась длинная фигура мистера Уэлькенса, на этотъ разъ по невообразимой случайности оставившаго свою подзорную трубку дома. Онъ недвижно смотрѣлъ на волны, и не намѣревался двинуться съ своего поста.

Наконецъ она успокоилась и вытерла насухо глаза; верхняя губка ея покраснѣла и вспухла. Она подняла зонтикъ и снова его распустила, онъ успѣлъ какъ-то самъ сложиться.

— Вы должны уѣхать,—сказала она неуспокоившимся голосомъ.—Вы уѣдете завтра-же. Слышите?

Онъ хотѣлъ взять ее за руку, она его отстранила.

— Хорошо, я уѣду,—отвѣтилъ онъ,—но я долженъ знать причину, почему вы настаиваете на этомъ.

— Ахъ, вы все-таки не поняли. Ну, слушайте: я виновата, — я виновата передъ мужемъ, передъ этою дѣвочкою, наконецъ, передъ собою. Я сдѣлала гадость, я измѣнила мужу. Надо, чтобы было за это искупленіе...

Digitized by Google

— Да погоди: ну вотъ все кончится у тебя, тогда мы разойдемся, ты меня забудешь, заживешь счастливо...

— Счастливо? съ вашимъ ребенкомъ? Да онъ мнѣ будетъ каждую минуту напоминать о моемъ позорѣ...

— Да, ну объ этомъ надо было раньше думать,— подавляя въ себѣ кипѣвшее бѣшенство, сказалъ онъ.

— О, я одна и буду нести всю тяжесть наказанія! мелодраматически возразила она. — Ребенокъ будетъ жить на счётъ мужа, онъ его будетъ кормить, воспитывать, ласкать, какъ своего,—а я буду передъ нимъ всю жизнь лгать и лгать.

— Но я могу давать вамъ деньги на воспитаніе...

— Я вамъ швырну эти деньги въ лицо! крикнула она.—Какъ вы смѣете это говорить!.. Вы знаете, что я для васъ обманула мужа, который во всякомъ случаѣ честнѣе васъ.

Онъ хотѣлъ ей сказать, что какъ же годъ тому назадъ она выдерживала бурныя сцены съ мужемъ, потому что онъ завелъ на сторонѣ какую-то барыню; онъ хотѣлъ ей напомнить, что быть можетъ она и бросилась-то къ нему потому, что была обманута мужемъ, когда желаніе мести заговорило въ ней сильнѣе другихъ чувствъ. Хотѣлъ онъ все это ей сказать, да удержался.

— Я завтра уѣду,—повторилъ онъ.

Она помолчала. Онъ всталъ, хотѣлъ было вздохнуть, но счелъ это лишнимъ.

— Куда вы? спросила она.

— Домой,—отвѣтилъ онъ.

— Подождите,—сказала она.

Онъ сѣлъ на прежнее мѣсто.

Digitized by Google

— Послушайте,—промолвила она дотрогиваясь до его руки.—Вы на меня не сердитесь?

Онъ удивился этой перемѣнѣ: голосъ ея былъ гораздо мягче, да и лицо добрѣе.

— Вы не понимаете,—продолжала она,—что меня злитъ въ васъ. Меня злитъ ваше безсиліе.

— Какое безсиліе?

— Вы не можете захватить меня... Я не подчинена вамъ... Меня злитъ, что вы покойны. Ночью мужъ не спитъ, возится со мною, когда мнѣ нездоровится, а вы спите у себя на дачѣ—вамъ хоть-бы что... Вы ничѣмъ не показываете надо мною своей силы. Я хотѣла-бы любить такого человѣка, который-бы владѣлъ мною безгранично.

Онъ не выдержалъ, и улыбнулся.

— А я безсиленъ, я не могу вырвать тебя отъ мужа? Я тебѣ сколько разъ говорилъ: брось его, разойдись съ нимъ.

— Онъ мнѣ дѣвочки не отдастъ. А я не могу безъ нея.

— Да, ну такъ что же дѣлать?

— Ахъ не знаю я,—отвѣтила она, и прижалась къ нему крѣпко-крѣпко.

Онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ глянулъ вдоль берега. Англичанинъ пропалъ, должно быть пошелъ за трубкою. Онъ цѣловалъ ее въ проборъ, который пришелся какъ разъ возлѣ его губъ, цѣловалъ маленькія, теплыя ручки, чувствовалъ ея голову на плечѣ...

— Что же, ѣхать мнѣ завтра? спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

Она подняла голову.

— Какъ хочешь. Подожди еще два дня. Впрочемъ, нѣтъ: лучше уѣзжай. Не знаю...

Digitized by Google

Онъ взялъ ее за обѣ руки.

— Да скажи ты мнѣ одно: любишь ты меня еще, или нѣтъ?

Она прямо и серьезно посмотрѣла ему въ глаза.

— Не знаю. Десять минутъ назадъ я тебя ненавидѣла.

— За что?

— Тоже не знаю.

— Такъ что же мнѣ дѣлать? вышелъ онъ изъ себя.

— И этого не знаю.

Она встала, подозвала дѣвочку, и взяла ее за руку.

— Во всякомъ случаѣ,—сказала она,—приходи вечеромъ пить чай. Мужъ къ тому времени вернется. Тогда и поговоримъ.

— О чемъ.

— О твоемъ отъѣздѣ... Голубчикъ, ты не сердись, я не знаю, что со мною. Только я все это говорю искренно...

Она протянула руку, которую онъ поцѣловалъ, и пошла къ небольшой калиткѣ, что бѣлѣла подъ густою чащею березъ. Платье ея мелькнуло между кустами и скрылось.

Онъ постоялъ, сжалъ значительно губы и пошелъ вдоль берега, стараясь итти по влажному песку, который былъ тверже.

— Странная женщина,—проговорилъ онъ, безучастно смотря на англичанина, старательно выпятившаго свою трубу въ неопредѣленное пространство,—и повернулъ къ себѣ на дачу. Голова его горѣла, онъ былъ очень взволнованъ.

А она, пожалуй, сказала правду, что мужчина не въ состояніи понять самой простой вещи: мужчина все или анализируетъ, или бѣсится...

Digitized by Google

II.

Въ лѣсу.

Digitized by Google

Digitized by Google

Лѣсною тропинкою, на мохнатой лошадкѣ, ѣхала амазонка. Было ей лѣтъ подъ-тридцать; сидѣла она на сѣдлѣ весьма увѣренно и смѣло. Слѣдомъ за нею ѣхалъ господинъ однихъ лѣтъ съ нею, черноусый, черноглазый, съ раздувающимися ноздрями, съ разгоряченнымъ ѣздою лицомъ. Они ѣхали самою чащею, пронизанною тонкими иглами золотыхъ лучей вечерняго румянаго солнца. Онъ смотрѣлъ, какъ свѣтлая тѣнь отъ листвы водопадомъ скользила по ея синей амазонкѣ и караковой лошади. Онъ смотрѣлъ, какъ упруго охватила матерія ея плечи и какъ плавно колышется она на развалистомъ ходѣ лошадки.

— Лизавета Борисовна! крикнулъ онъ.

— А? отозвалась она.

— Зачѣмъ мы тутъ ѣдемъ?

— Здѣсь хорошо. Смотрите, какая прелесть...

— Скучно: я васъ не вижу.

Она засмѣялась, и повела хлыстомъ вокругъ.

— Неужели вамъ это не нравится?

— Очень нравится, но только я васъ не вижу. Вы въ тысячу разъ интереснѣе всякихъ пейзажей... Что вамъ за охота...

Digitized by Google

Ея лошадь перепрыгнула какую-то яму.

— Еще новость! пробормоталъ онъ,—перескакивая вслѣдъ за нею.

— Скоро будетъ прямая дорога,—обнадежила она.

— Я ѣзжу съ вами только для того,—говорилъ онъ,—чтобы быть съ вами глазъ-на-глазъ. У васъ дома цѣлая кунсткамера всякихъ ушей. Только и поговорить, что на такихъ прогулкахъ, а вы цѣлые полчаса ѣздите по какимъ-то трущобамъ... Вчера шелъ дождь, не ѣздили, сегодня поѣхали—а что толку?

Она слушала какъ-то однимъ ухомъ, слегка поворотивъ голову.

— Сейчасъ мы выѣдемъ на прямую дорогу,—повторила она,—вотъ за этимъ поворотомъ.

За поворотомъ, правда, оказалась дорога.

Онъ продвинулъ лошадь впередъ и сравнялся съ нею. Она на него посмотрѣла съ любопытствомъ.

— Такъ какъ-же? спросилъ онъ.

— Что̀? спросила она.

— То̀, о чемъ мы говорили прошлый разъ?..

— Вы удивлялись, отчего я не выхожу замужъ?

— Да.

— Не хочется.

Онъ никакъ не ожидалъ такого отвѣта.

— Но вѣдь вы же за покойнаго вашего мужа вышли?

— Отъ того-то больше ни за кого и не пойду.

— И за меня?

Она помолчала.

— Нѣтъ.

Онъ совсѣмъ сталъ маленькимъ на сѣдлѣ, точно въ футляръ ушелъ.

Digitized by Google

— Можно узнать причину? глухимъ голосомъ сказалъ онъ.

— Да и причинъ тоже никакихъ нѣтъ,—возразила она, и прибавила: —Знаете, тамъ опять пойдутъ камни, тутъ можно поднять галопомъ.

Она ударила своего конька; тотъ съ мѣста поскакалъ. Его лошадь, точно въ дышло запряженная, пошла равномѣрно рядомъ: онъ даже до поводьевъ не дотронулся.

— Чего она вертится! думалъ онъ, смотря съ остервененіемъ по бокамъ.

— Какой онъ смѣшной! думала она, искоса взглядывая на него, но больше обращая вниманія на лошадь.

— Смотрите, телѣга! сказалъ онъ,—держите.

Они опять поѣхали шагомъ, огибая съ двухъ сторонъ кланявшагося мужика съ трубкою и бабу, пугливо обнявшую какой-то мѣшокъ.

— Ну-съ? не отставалъ онъ.

— Отчего я не выхожу замужъ за васъ? небрежно сказала она.—Отъ того, что я ни за кого не выхожу; отъ того, что такъ лучше.

— Это по евангельскому тексту?

— Можетъ быть. Да и зачѣмъ намъ жениться? Мы друзья съ вами, видимся каждый день... Пожалуй, если будемъ видѣться чаще, надоѣдимъ другъ другу. А главное—ну чего ради я лишусь свободы?

— Какъ лишитесь? Да развѣ я васъ за рѣшеткою буду держать?

— Конечно за рѣшеткою! весело отвѣтила она.— Нѣтъ мужа, который-бы далъ женѣ свободу; впрочемъ, и прекрасно, что нѣтъ: если намъ свободу дать полную... я не знаю что выйдетъ...

Digitized by Google

— Да ничего не выйдетъ.

— Повѣрьте мнѣ, женщина всегда должна надъ собою чувствовать дамокловъ мечъ. Ей и страшно, что она подъ нимъ живетъ, и какъ-то мучительно-сладко.

Онъ засмѣялся.

— Первый разъ встрѣчаю женщину, которая такъ откровенна...

— А вы, продолжала она,—вы хуже всѣхъ,—вы такихъ рѣшётокъ наставите...

— Господь съ вами, что̀ вы!..

— Да вы подумайте только:—что̀ я теперь для васъ?—ничего! а вы Богъ знаетъ что̀ себѣ позволяете. Вы меня ревнуете ко всякому студенту, къ каждому мужчинѣ, съ кѣмъ я говорю. Что̀ же будетъ, когда вы пріобрѣтете супружескія права?

— Ахъ, до чего вы меня не понимаете! воскликнулъ онъ.—Да, я теперь именно потому и ревную, что вы мнѣ не жена. Я знаю, что послѣ ужина мнѣ подадутъ лошадь, я сяду и поѣду къ себѣ, а вы останетесь съ двумя тетушками, будете съ ними цѣловаться, потомъ пойдете къ себѣ спать...

— Ну, и что̀ же? спросила она.

— Нѣтъ, вы слушайте, какъ я представляю себѣ это. На одной тетушкѣ желтый чепецъ, на другой—лиловый. Обѣ сидятъ важно и крехтятъ. Вы подходите къ одной; она васъ креститъ, говоритъ: «Спи, Лизуточка; спи моя радость». Другая такъ цѣлуетъ, что даже присасывается къ вамъ, и говоритъ: «Господь надъ тобою, Лизуночекъ». Вы приходите къ себѣ, начинаете раздѣваться. Постель у васъ холодная, чистая. Вы разстегиваете лифъ...

— Нельзя-ли безъ подробностей.

— Нельзя! Вы раздѣваетесь; если дѣло къ осе-

Digitized by Google

ни—надѣваете кофточку (лѣтомъ вѣрно вы спите безъ кофты), причесываетесь, дѣлаете букольки на ночь, ложитесь въ кровать. Простыни такія холодныя, и вамъ пріятно. Вы вытягиваетесь, закидываете руки за голову: руки у васъ такія бѣлыя, сочныя, вкусныя, мягкія... Зачѣмъ вы отворачиваетесь? Я правду говорю... Потомъ вы начинаете читать Додѐ, Мопассана или что-нибудь въ этомъ родѣ. Потомъ тушите свѣчку, закрываете глаза и засыпаете. Это возмутительно, это ужасно!

Въ доказательство того, что это ужасно, онъ вытянулъ хлыстомъ лошадь, и сейчасъ же ее сдержалъ.

— Что̀ же тутъ ужаснаго?

— А то̀ ужасно, что я въ это время, какъ сумасшедшій, рыщу по полямъ, извожу въ конецъ свою лошадь...

— Вольно же вамъ!

— Не могу! Силъ нѣтъ. Вы такая молодая, красивая, умная, чего пропадаете даромъ?..

— Какъ пропадаю? изумилась она.

— Ну, да,—чего вы киснете среди тетушекъ?

Она вдругъ вспыхнула и отвернулась.

— Это возмутительно, продолжалъ онъ. — Замуравить себя въ такой компаніи, монастырь завести такой. Ужь ложились бы, по обѣту, на одинъ бокъ, и не вставали бы тридцать лѣтъ,—я такого схимника видѣлъ. Или въ столпницы записались бы. Это вѣдь неестественно, это возмутительно!

У него даже пузыри вскакивали на губахъ, такъ онъ возмущался.

— А были бы вы моею женою, — да Господь съ вами: кокетничайте сколько угодно, съ кѣмъ угодно. Я знаю, что вы моя, что послѣ ужина, какъ бы то

Digitized by Google

ни было, вы придете въ свою комнату, а ваша комната и моя — это одно и то же. Теперь, когда вы сердитесь на меня, самое ужасное — что вы не говорите со мною, избѣгаете меня. А тогда, волей-неволей, вы придете ко мнѣ, и я все вамъ скажу...

— Ну, вотъ,—воскликнула она,—это и есть стѣсненіе; теперь, если я не хочу васъ видѣть—я и не увижу, а тогда—я *обязана* притти къ вамъ, вотъ этого я и не хочу. Теперь, если я не подхожу къ вамъ—вы ничего не смѣете сказать, а тогда—попробуй я тогда не пойти къ вамъ, а велѣть осѣдлать лошадь, да и ускакать куда-нибудь... Вы меня на дорогѣ поймаете, да еще какъ—за косу!

Оба засмѣялись.

— Видите,—сказалъ онъ,—я полагаю, что если бы вы были моею женою, то намъ положительно не изъ за чего было бы ссориться. Теперь я злюсь на то, что мнѣ не всякій день удается васъ видѣть, что неприлично мнѣ ходить слѣдомъ за вами изъ комнаты въ комнату, что неловко сидѣть у васъ цѣлый день въ будуарѣ. А тогда вѣдь всѣ эти обстоятельства будутъ удалены. У насъ причинъ-то къ ссорѣ не будетъ.

— Ахъ, Боже мой, повѣрьте, вы сумѣете найти тысячи причинъ да еще какихъ самыхъ глупѣйшихъ, чтобы придраться. Проживемъ лѣтомъ мѣсяца два здѣсь, въ глуши,—надоѣмъ я вамъ ужаснѣйшимъ образомъ, и будете вы ко мнѣ на каждомъ шагу привязываться. Васъ будетъ злить мой голосъ, моя походка, вы будете спрашивать, отчего я такъ глупо улыбаюсь...

— Я? съ ужасомъ воскликнулъ онъ.

— Да... Я васъ подойду поцѣловать, а вы подставите щеку изъ милости,—на молъ тебѣ подачку, убирайся только.

Digitized by Google

Онъ даже затрясся со злости на сѣдлѣ.

— Я, чтобы я?.. О, вы меня не знаете. Вотъ что я вамъ скажу .. Ну, можете-ли вы мнѣ надоѣсть?.. Люди—пренелѣпое созданье: вы знаете, тутъ что-нибудь изъ двухъ...

— Однако и послѣдовательность у васъ мыслей! засмѣялась она.

— Къ чорту послѣдовательность! крикнулъ онъ.— Тутъ что-нибудь изъ двухъ: пьетъ человѣкъ цѣлый годъ хересъ, потомъ бросаетъ. «Помилуйте, говоритъ— онъ мнѣ ужасно надоѣлъ, изо дня въ день цѣлый годъ». Другой пьетъ его пять лѣтъ, и говоритъ: «Помилуйте, я къ нему привыкъ».

— Это какъ называется—гиперболою? спросила она.

— Это называется, отвѣтилъ онъ,—аксіомою: если женщина не захочетъ чего понять, то упрется, какъ...

— Какъ оселъ,—подсказала она.

— Какъ ослица, полуулыбнувшись поправилъ онъ,— какъ ослица... Валаамова, потому что та говорила.

— Вѣдь это ужь дерзости пошли,—замѣтила она.

— Да я еще не того вамъ наговорю,—подтвердилъ онъ.

— Merci, я не желаю слушать.

Она хотѣла пустить лошадь впередъ, онъ удержалъ ее подъ узцы.

— Я велъ къ тому,—говорилъ онъ, плохо понимая, что̀ онъ говоритъ, еле связывая слова,—я хотѣлъ сказать вамъ, что я привыкаю къ той обстановкѣ, въ которой живу, и она мнѣ не надоѣдаетъ.

— Радуюсь за васъ,—сдерживаясь отвѣтила она; онъ начиналъ ее злить.

— Я не знаю, что̀ вы нашли во мнѣ дурного...

— О, вы идеалъ! Совершенство во всѣхъ отноше-

Digitized by Google

ніяхъ. Васъ надо подъ стекломъ держать ради рѣдкости. Только вотъ что̀ я вамъ скажу: если вы теперь такой,—вы посмотрите на себя: глаза горятъ, губы раскрыты, брови сдвинуты—вы меня чуть зарѣзать не готовы; ну, что-бы это было, если-бы вы были моимъ мужемъ?.. Въ томъ-то и бѣда, другъ мой, что у васъ у всѣхъ убѣжденіе сложилось, что вы властители міра, а мы—существа, созданныя для васъ... Какъ нашъ священникъ отецъ Иванъ говоритъ: «Хорошо быть женатымъ: придешь домой—жена, самоваръ»... Вы вѣдь для самовара женитесь, чтобы вамъ тепло было. Вы и любите-то всѣ изъ эгоизма, и подарки-то женѣ дарите за то, чтобы она васъ любила...

— Какой цинизмъ! пробормоталъ онъ.

— Цинизмъ! передразнила она. — Скажите пожалуйста, а если жена ваша завѣдомо живетъ съ вашимъ пріятелемъ и васъ терпѣть не можетъ,—вы будете ей черезъ день подарки возить, какъ-бы ее ни любили?

— Да это очень естественно,—протестовалъ онъ.

— Всѣ вы эгоисты, у всѣхъ у васъ самолюбіе выше головы, всѣ вы дрянь препорядочная. Пустите,—я хочу впередъ...

— Нѣтъ, я не пущу,—со злостью отвѣтилъ онъ, заслоняя дорогу.

Она вдругъ круто повернула назадъ, ударила коня по шеѣ, и во весь духъ понеслась по дорогѣ.

— Лизавета Борисовна! кричалъ онъ, во всю прыть догоняя ее.—Лизавета Борисовна!

Она не слушала и скакала впередъ. Онъ шпорилъ свою лошадь насколько могъ. Вотъ она все ближе, ближе, вровень съ нимъ.

— Лизавета Борисовна!

Она не слушала.

Digitized by Google

Онъ опередилъ и круто сталъ поперекъ дороги.

— Куда вы ѣдете?

— Домой. Пустите.

— Не пущу.

Она попробовала взять влѣво, но онъ загораживалъ проѣздъ всѣмъ тѣломъ лошади.

— Не пущу; кончимте разговоръ.

Краска бросилась ей въ лицо, губы сжались, глаза вспыхнули.

— Вы меня сейчасъ пропустите,—тихо и настойчиво сказала она.

Онъ вызывающе смотрѣлъ на нее, выпрямившись на сѣдлѣ и даже какъ будто улыбаясь.

Она вдругъ подняла хлыстъ, между бровей явилась складка, углы рта опустились. Такою онъ никогда ее не видалъ.

— Дайте дорогу!

Онъ покачалъ головою.

— Нѣтъ!

Она размахнулась, и во всю силу ударила хлыстомъ. Онъ только немножко съёжился, когда хлыстъ впился ему въ шею. За то лошадь разгорячилась отъ удара. Она поворотила въ сторону и поскакала въ лѣсъ, въ самую чащу.

Онъ невольно провелъ рукою по шеѣ: что-то было больно и вздулось. Онъ точно не понялъ, что̀ произошло, постоялъ съ минуту, и тихою рысью поѣхалъ вслѣдъ за нею. Онъ не видѣлъ ее, только пріостанавливаясь слышалъ, что сухія вѣтви трещатъ подъ копытами.

Вотъ, наконецъ, мелькнула она. Тихо ѣдетъ, и голову понурила. Лошадь идетъ съ какимъ-то недоумѣніемъ: она не привыкла ходить шагомъ по такой дорогѣ.

Digitized by Google

И вотъ они опять рядомъ, и оба молчатъ.

— У васъ подпруга разстегнулась,—сказалъ онъ.

— Да, я чувствую, что сижу на боку,—отвѣтила она.

— Надо подтянуть,—сказалъ онъ.

— Надо,—отвѣтила она.

Онъ привязалъ свою лошадь и подошелъ къ ней. Она высвободила ногу изъ стремени и сняла другую съ луки. Онъ протянулъ къ ней руки.

— Какъ вамъ не стыдно доводить меня до этого,— сказала она, все еще сидя на лошади. — До чего я дошла, мнѣ самой себя стыдно... Гадкій!..

Онъ взялъ ее крѣпко за талію, она всѣмъ корпусомъ подалась впередъ, и вдругъ — для удобства, должно быть—охватила его шею руками...

Такъ онъ и снялъ ее съ лошади.

1884 г.

Digitized by Google

СВЯТОЧНЫЕ ОГНИ.

Рождественская сказка.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Лампа, и печка такъ ярко горѣли. Онъ сидѣлъ въ своихъ креслахъ и читалъ. Онъ читалъ порывисто, нервно и жадно. Ему такъ нравилось чтеніе: порою онъ радостно улыбался.

Онъ былъ учитель. Просто учитель, самый обыкновенный человѣкъ, да и преподавалъ-то, вдобавокъ, русскій языкъ. Къ нему ходили товарищи и пили пиво, и онъ тоже ходилъ къ нимъ, только пилъ мало. Онъ больше говорилъ, а его любили слушать. Онъ пользовался вообще любовью товарищей, хотя ему завидовали; говорили: «ахъ, какъ ему хорошо и спокойно; онъ холостъ, семьи нѣтъ, онъ обезпеченъ и счастливъ; чего ему еще надо?»

Но никто не зналъ одного: не знали, что онъ самолюбивъ. А онъ былъ настолько самолюбивъ, что когда его оскорбляли, онъ молчалъ. Онъ считалъ униженіемъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, который способенъ оскорбить. Это принимали за незлобіе и кротость. «Посмотрите,—говорили про него,—сколько въ немъ смиренія».

Когда же дома онъ оставался одинъ, онъ начиналъ

Digitized by Google

ненавидѣть всѣми силами души тѣхъ, кто оскорблялъ его. Но слезы не душили его, и злость не трепетала въ его груди. Можетъ быть это и очень хорошо бываетъ въ романахъ, что̀ пишутъ умные и хорошіе писатели, но въ жизни, особенно здѣсь, и слёзы-то замерзнутъ, если заплачешь зимою.

Онъ не плакалъ. Какое-то необычайное торжество мести охватывало его. Онъ шагалъ по кабинету, съ злобнымъ сознаніемъ того, что нѣтъ преступленія, которое рано-ли, поздно-ли не было наказано. Равновѣсіе поддерживаетъ міръ. И вотъ, въ силу этого-то равновѣсія, онъ и способенъ все снести.

Но у него книга была. Книга въ сафьяномъ переплетѣ, съ застежками. Все только бѣлая бумага. Онъ вписывалъ сюда все, что̀ видѣлъ, все то̀ дурное, весь тотъ накипъ жизни, что̀ постоянно былъ передъ его глазами. За много лѣтъ онъ велъ эту лѣтопись. Съ каждымъ годомъ она росла, и съ каждымъ годомъ все мрачнѣе и мрачнѣе картины развертывались въ ней. Чѣмъ дальше онъ жилъ, тѣмъ у̀же, тѣмъ опредѣленнѣе смотрѣлъ онъ вокругъ себя, и тѣмъ больше̂ страданій и горя разливалось по этимъ четко исписаннымъ ровнымъ почеркомъ страницамъ.

И въ тѣ дни, когда передъ Рождествомъ кончались занятія, когда онъ встряхивался, наконецъ, отъ вѣчной сутолоки, онъ къ вечеру развертывалъ свою книгу и съ жадною радостью пробѣгалъ свою лѣтопись скорби. Онъ улыбался, потому что чувствовалъ побѣдителемъ себя, а не ихъ, этихъ угнетателей. Порою онъ вскакивалъ въ порывѣ веселья.

— А—а, вотъ вы, вотъ вы какъ!.. А когда, много лѣтъ спустя, будетъ судъ потомства, тогда какъ? Тутъ не подкупишь. Тутъ правда, правда одна...

Digitized by Google

Онъ хлопалъ по книгѣ ладонью и съ любовью гладилъ ее.

— Ты за меня, ты отомстишь! Отнесу, передамъ въ хранилище, завѣщаю вскрыть черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ смерти. Тогда увидятъ, все увидятъ, все поймутъ, тѣ, кому дано это понять...

Весело, празднично горятъ святочные огни во всемъ городѣ, но нигдѣ нѣтъ такого довольнаго, такого радостнаго лица, какъ у него. Ну что скорби, что страданье! Все это преходяще, когда знаешь, что наступитъ мигъ, когда все это исчезнетъ. Исчезнутъ и эти люди, что пренебрегаютъ имъ, что оскорбляютъ его. Погаснутъ тѣ огни, что горятъ теперь, загорятся новые, и такъ же будутъ собираться около нихъ ликующіе люди, которые и не родились еще теперь, и такъ же будутъ надѣяться на что-то, пока имъ на смѣну не нагрянетъ новое поколѣніе. А книга останется.

Вотъ въ привычку у него вошло, именно теперь, на Рождествѣ, и за весь годъ, перечитывать свой дневникъ. Какъ онъ бережно хранитъ его. Но куда бы, куда въ надежныя руки отдать его послѣ себя?...

II.

Весело пылаютъ по городу рождественскіе огни, но у него они что-то хмуро горятъ въ этотъ годъ. Да еще бы. Онъ самъ лежитъ на столѣ вытянутый, длинный, и читальщикъ протяжно читаетъ надъ нимъ при мерцаніи восковой свѣчки. Такъ тихо, тоскливо. Только изрѣдка забрякаютъ бубенцы, и тройка по скрипучему снѣгу промчится мимо окна. Слышно, какъ ямщикъ

Digitized by Google

гаркнетъ и какъ постепенно замретъ въ морозной дали шумъ безшабашнаго веселья.

Онъ пересталъ думать. Онъ теперь ужѐ не думаетъ. Даже о своей мести забылъ. Да и книга-то, когда положилъ онъ ее въ послѣдній разъ передъ болѣзнью на шкапъ, провалилась за него и застряла. Да и обтерлась она какъ-то за послѣдніе годы, словно ржавчиною какою покрылась. Такая темная, скоробленная стала. А онъ думалъ о ней передъ смертью, но все какъ-то смутно, все мысль не хотѣла на ней сосредоточиться, все перескакивала на другіе предметы, о которыхъ онъ совсѣмъ не желалъ думать. Но вѣдь съ этою болѣзнью развѣ сладишь, она все время споритъ и въ тискахъ держитъ.

Тамъ, въ этой книгѣ, много, очень много вѣрныхъ и хорошихъ мыслей, тамъ много горя, да настоящаго горя, не придуманнаго. Тамъ ключъ, тамъ разгадка этому человѣку, что легъ такъ неподвижно на столъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ и съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Души нѣтъ въ немъ, но душа перешла и осталась въ книгѣ. А книга лежитъ въ пыли за шкапомъ.

А вотъ въ той книгѣ, что̀ читаетъ теперь надъ нимъ псаломщикъ, тоже много есть скорби, очень много, но все же какъ-то выходъ тамъ есть, нѣтъ той безысходности. Жаль, что некому слышать псаломщика. Всѣ уходятъ тотчасъ послѣ панихиды, и никто не остается.

А онъ съ чувствомъ читаетъ. И среди бровей коллежскаго совѣтника какая-то странная складка замѣчается, точно онъ разобрать силится, вслушаться— и не можетъ.

* * *

Digitized by Google

III.

— Это, мама, что̀ же за книга?

Она взяла ее въ руки и посмотрѣла.

— Это жилъ у насъ жилецъ. Два года назадъ умеръ. Все тогда съ аукціона продали, а эта, надо полагать, за шкапомъ и осталась. Ишь переплетъ-то какой...

— Мама, отдай намъ.

— А что̀ тутъ въ серединѣ?

Она развернула.

«...въ чемъ же и есть подобіе Божіе,—читала она,—какъ не въ томъ, что человѣкъ способенъ творить и созидать. А что̀ же дѣлаетъ Прохоръ Ѳедоровичъ, его превосходительство: то̀, что̀ было созиждено, и то разрушаетъ. Картина регрессивнаго шествія...»

— Переплетъ я отдамъ,—сказала она,—а середину надо вырѣзать, и лучше всего сжечь. Это что-то духовное. Вотъ вечеромъ будутъ къ ужину жарить гуся, такъ и положите подъ плиту.

Такъ весело было въ этотъ вечеръ. Елка горѣла огнями,—пряники, леденцы, звѣзды. Почтенные старички сидѣли за столами и играли въ карты. Въ гостиной подъ елкою игралъ ящикъ съ музыкою.

— Дѣти, плита затоплена,—сказала хозяйка.

И шумною гурьбою побѣжали дѣти, съ большою охабкою исписанной, пожелтѣвшей бумаги. Ее нельзя было положить всю сразу, стали бросать понемногу.

Огонь началъ перечитывать страницу за страницею. Онѣ скручивались, чернѣли, краснѣли и уносились въ трубу. Наконецъ, послѣдній листъ дымомъ улетѣлъ наверхъ.

Digitized by Google

— Дѣти, кто хочетъ танцовать! раздался призывъ изъ гостиной.

Весь рой кинулся туда, перегоняя другъ друга, роняя по пути стулья и табуреты. Всѣ прыгали и повторяли:

— А какой гусь будетъ за ужиномъ, какой чудесный гусь будетъ!...

1885 г.

Digitized by Google

НА РЕЛЬСАХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Ночка была теплая, тихая. Лѣсъ стоялъ недвижный, безлистный, спокойный. Земля, еще упитанная едва стаявшимъ снѣгомъ, точно дышала. И что-то одуряющее, веселое, молодое слышалось въ этомъ дыханіи. Сквозь сонъ, правда чуть замѣтно, но все-же бился пульсъ оживающей природы. Зимніе голоса смолкли. На смѣну имъ пришли новые весенніе, еще невнятные, но живые звуки. Задорный лепетъ ручьевъ— первый лепетъ ребенка-весны, ужѐ переходилъ въ гулкій шумъ и неспокойное роптанье.

Накось, черезъ сырую ложбину, перекинулось высокое полотно. Рельсы смутно чернѣли тонкими полосками, убѣгая куда-то въ даль, въ темнѣющіе лѣса. Избушка сторожа бѣлѣла подъ откосомъ. Гдѣ-то тамъ, возлѣ рощи, далеко горитъ на пути огонь,—это слѣдующая сторожка. Тишина, — словно этотъ живой, вѣчно гремящій шумными поѣздами путь отдыхаетъ для сегодняшней ночи.

Въ полуверстѣ отъ полотна, въ дряхлѣющей сельской церкви зажглось такъ много огней. Скудны доходы этой церковки, и прихожане бѣдны, а сколько

Digitized by Google

блеску, сколько огня для сегодняшняго праздника. Пусть въ избахъ и скучно, и темно, и грязно, что̀ до того, когда здѣсь свѣтло, чисто, радостно. И лохмотья куда-то исчезли. Рубахи все чистыя, только-что вымытыя, сарафаны на иныхъ бабахъ съ иголочки, а съ лоснистыхъ кудрей сельскихъ парней такъ и сочится коровье масло. Волостной старшина, кабатчикъ, писарь, урядникъ,—всѣ на лицо. И приставъ обѣщалъ пріѣхать. Сельская учительница даже надѣла на лѣвую руку браслетъ. Звонарь уже давно сидитъ подъ колоколами, и досадно ему, что еще осенью пропилъ онъ свои карманные часы, что̀ подарилъ ему баринъ, съ которымъ онъ на куликовъ хаживалъ, и пропилъ-то всего за три рубля. За то старшина надѣлъ двое часовъ, и батюшка можетъ поэтому не посылать пономаренка къ себѣ домой, смотрѣть на часы съ кукушкою, а справляется о времени у этого почтеннаго сановника, продушившаго весь алтарь смазными сапогами.

У самаго полотна̀, присѣвши на запасныя шпалы, курилъ трубочку сторожъ, отставной рядово̀й Василій Мухинъ. Возлѣ него вертѣлась свѣтлоглазая дѣвочка, въ новенькомъ платьицѣ, съ ленточкою на головѣ. Она вмѣстѣ съ отцомъ все поглядывала въ синѣющую даль, и очень была недовольна.

— Ну что-же, тятька, онъ нейдетъ? спрашивала она.

— Срокъ еще не вышелъ, ну и нейдетъ.

— Поскорѣй-бы онъ прошелъ, тятька. Мы съ тобою сейчасъ тогда въ церковь.

— И чего ты, дура, съ мамкою не пошла?

— Не хочу я съ мамкою, съ тобою хочу. Мамка съ Ванькою пошла, а я съ тобою пойду.

— Да, жди—вотъ скоро-ли мнѣ свобода-то вый-

Digitized by Google

детъ. Гдѣ онъ, поѣздъ-то. Можетъ... кто его знаетъ, что̀ тамъ такое...

— Можетъ людей что̀ поубивало?

— Тьфу ты, типунъ тебѣ, соро̀ка! Нѣшто въ нынѣшнюю ночь можетъ что-нибудь такое произойти?

— А сегодня, тятька, вѣдь ночь совсѣмъ особенная?

— Говори еще! Извѣстно, Воскресенье...

— Да вѣдь воскресенье-то кажную недѣлю?

— Такъ то̀ какое воскресенье! Такъ—маленькое. А сегодня—Пасха. Ишь ты, въ церкви-то какъ свѣтло, ровно день. Начнутъ, поди, сейчасъ.

Онъ выбилъ трубку и сунулъ ее сердито за пазуху. Дочка рядкомъ присѣла.

— Тятька, а для чего Бога на крестъ прибили? начала она.

— Чтобы чувство въ людяхъ было.

— Это какъ-же?

— Чтобы чувствовали. Если Онъ, Господь Богъ нашъ, на этакой мукѣ, такъ что̀-же намъ-то? Мы что̀? Черви ползущіе, тля. Мы покоряться должны.

— И Онъ такъ позволилъ себя гвоздищами здоровенными и въ руки, и въ ноги?

— Такъ вотъ насквозь. И въ бокъ еще копьемъ вдарили, и колѣнки перебили...

— Чувства, значитъ, у тѣхъ, у человѣковъ-то, не было.

— Одервенѣли, братецъ мой. Это бываетъ. Вонъ въ ротѣ у насъ былъ солдатикъ Никифоровъ. И чѣмъ его больше порютъ, тѣмъ онъ дервенѣетъ больше. Первое ему дѣло рѣзать. Коли долго крови не видитъ, въ азартъ войдетъ. Кота прирѣжетъ, либо щенка какого. Такой былъ песъ, прости Господи! Ужь какъ его лупили: и по мордѣ, и межъ крылецъ, и розгами драли,

Digitized by Google

а онъ только чернѣетъ. Напослѣдокъ совсѣмъ почернѣлъ: ровно голенище сталъ...

— Вѣдь такой, тятька, на все пойдетъ: и винты съ рельсовъ вывинтитъ.

— Ему что̀! Онъ на рубль винтовъ продастъ, а тамъ ему хошь весь поѣздъ въ щепы разнеси—наплевать.

— Намедни Митька сталъ гайку отвертывать...

— А! ишь ты, паршивецъ!..

— Я увидала. Ахъ ты! говорю, вотъ я тятькѣ скажу, онъ-те накладетъ!

— Ужь наклалъ-бы... Не пожалѣлъ: вихры-то новые отращивать пришлось-бы...

— А ты, тятька, что-же сегодня тутотка сидишь, а не тамъ, у садика?

Сторожъ повернулъ къ ней голову.

— И до всего ты доходишь, вездѣ тебѣ носъ сунуть хочется. Сижу, значитъ надо...

Онъ помолчалъ, подумалъ, постучалъ сапогомъ о землю.

— Шпалы тутъ штукъ пять въ рядъ,—нехотя заговорилъ онъ,—лядъ ихъ знаетъ, измочалились совсѣмъ: пальцемъ ткнешь—ровно труха, и какъ разъ на самой скрѣпкѣ. Ужь я тутъ и сижу.

— А что-же?

— Должёнъ-же я въ сомнительномъ мѣстѣ быть, потому служба. Не ровенъ часъ что̀—я тутъ.

— А вѣдь коли поѣздъ, тятька, хватитъ въ сторону, не убѣгнешь: раздавитъ.

— Тутъ, братецъ мой, косточекъ не сосчитаешь... только мокренько будетъ.

— Страшно, тятя!

— Чего страшно. Ничего не страшно.

Digitized by Google

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и остановился у тѣхъ шпалъ, что наводили на него сомнѣніе.

— Ишь ихъ какъ развезло,—подтвердилъ онъ, отбивая сапогомъ дерево цѣлыми кусками.—Ужь и лѣсъ тоже ставятъ. Ткнуть-бы ихъ сюда рыломъ, чтобы брюхо-то не очень ростили... Давно-ли перемѣна-то была,—третьимъ лѣтомъ.

Онъ опять потянулъ изъ-за пазухи трубку.

— Не слѣдъ-бы въ такое время,—проворчалъ онъ.— Ну, да еще утреня не начиналась.

— Тятька, смотри, народъ-то такъ и подваливаетъ къ церкви.

— Еще-бы нейти. Таперь все, таперь вся Россія, можно сказать, идетъ. Старухи безногія на печахъ остались, да и тѣ на карачкахъ ползутъ, которая можетъ. Таперь всѣ должны быть, которые вѣрующіе...

— А вотъ вѣдь ты, тятька, не въ церкви.

— Я! Я на службѣ. Солдатъ, примѣрно, въ караулѣ, онъ на царской службѣ, онъ по уставу воинскому.

— И ты по уставу?

— Коли я сторожъ. Я хоть и «Обчеству» служу, а все одно—служба. Вотъ уйди я, и Боже мой, что̀ можетъ такое сотвориться! Или вотъ стрѣлочникъ опять. Самая отвѣтственная точка. Не довернешь рычагъ, аль на проѣздѣ опустишь, такая каша—вагонъ на вагонъ... А поѣздъ-то этотъ самый важный: курьерскій. Шестьдесятъ верстъ въ часъ дерётъ.

— А кто-же ѣздитъ на немъ?

— Генералы больше. Самые важные. И отъ инфантеріи, и отъ артиллеріи. Вотъ Скобелевъ былъ, и тотъ ѣздилъ всегда на курьерскомъ. Подушки мягкія, съ пружиною, малиновый бархатъ. И диваны, и газъ въ

Digitized by Google

вагонѣ горитъ, и тепло по трубамъ идетъ, и умывальники устроены. На рессорахъ, такъ это покачиваетъ.

— Хорошо имъ, тятя!

— На что лучше! Только и лупятъ съ нихъ. «Обчество»-то тоже охулки не кладетъ на руку. Вы, говоритъ, на малиновыхъ подушкахъ желаете? Пожалуйте тридцать рублей. А нѣтъ—еще отдѣленіе секретное отпираютъ. Пожалуйте еще двадцать рублей... Хорошо наживаютъ! А вотъ еще инженеръ ѣдетъ. Такъ тотъ страсть. И денегъ не платитъ, и все начальство мечется по угламъ, какъ зайцы.

— Чего-жь они?

— Боятся. Инженеръ—онъ хуже генерала для нихъ.

— Это которые строятъ?

— Ничего не строятъ. Ужь все построено. А онъ своей строильной наукѣ обучился, и сейчасъ ему мѣсто даютъ, чтобы за линіею смотрѣть. Вотъ онъ и ѣдетъ, спитъ въ вагонѣ. Пріѣдетъ на станцію—сейчасъ зельтерской воды,—и дальше. Трепетъ на всѣхъ наводитъ. Ихъ кукуевцами дразнятъ. Обижаются.

— А какъ-же, тятя, они подъ такой большой праздникъ ѣдутъ?

— Кто ихъ знаетъ, можетъ больше тѣ, которые изъ нѣмцевъ. Имъ это все одно, коли поста у нихъ нѣтъ. Я въ деньщикахъ у поручика Блюхера жилъ, такъ они цѣлый постъ скоромное потребляли. Для нихъ и на станціи все мясное держутъ.

Дѣвочка прислушалась, голову наклонила.

— Ровно-бы торохтитъ поѣздъ-то?

— Постой, нишкни! Нѐ! Это такъ.

— Ждать долго.

— По всей линіи ждутъ. У Завалиловки пассажирскій поѣздъ полтора часа въ полѣ стоитъ, ждетъ пока

Digitized by Google

этотъ прогонятъ. По чистой линіи прётъ, на станціяхъ, на мелкихъ, онъ не останавливается. И Господи, что̀ за возня! Путь очищаютъ, жандармъ ругается, начальство все въ сборѣ, а на дворѣ въ ину пору снѣгъ, да холодъ,—только волки подвываютъ. Ждутъ, ждутъ, а онъ какъ пуля прямо—шмыгъ, и нѣтъ...

— А хорошо таперь, тятя, въ тепломъ вагонѣ!

— Извѣстно хорошо.

— А для чего-же такъ скоро ѣздятъ они, тятя? Зачѣмъ имъ такъ скоро?

— Нужда, стало быть. Во всѣхъ земляхъ такъ ѣздятъ. Въ Турціи ужь на что—и то̀. Оно точно, что особенно и спѣшить-то нѐкуда. Вѣдь вонъ ѣздятъ-же на волахъ—и ничего, къ спѣху поспѣваютъ. А это ужь такъ, мода, чтобы сейчасъ здѣсь, сейчасъ тамъ. Нынче все на спѣхъ. Ѣдятъ на спѣхъ, пьютъ на спѣхъ. Въ вагонъ сядутъ, такъ у всѣхъ губы чаемъ ошпарены. За то скоро. Старики не повѣрили бы. Таперь вонъ изъ Петербурга въ Москву на одинъ день на именины ѣздятъ. Поручикъ Блюхеръ безъ отпуска уѣзжалъ: отпросится и уѣдетъ. Конечно, баловство одно...

Звонарь гулко хватилъ въ колоколъ. Звукъ замеръ, словно на мгновеніе, и потомъ широкою, свободною волною прокатился по ложбинѣ. Василій Мухинъ снялъ шапку и началъ креститься.

— Смотри, тятька, вона съ хоругвями тянутся,— звонко закричала дочка, и стала показывать вдаль пальцемъ. — Вона идутъ, и фонарь впереди. Фонарь хотѣлъ Мишка Безрукій нести.

— Бѣжи туда, Танька, поспѣешь. Ну чего тебѣ тутъ, нехорошо.

Digitized by Google

— Нѐ, я боюсь одна.

— Чего бояться? Въ таку ночь ничего бояться не надо.

— Нѣтъ, ты что̀ же одинъ. Я не хочу. Всѣ въ церкви, всѣ молятся, а ты тутъ одинъ на рельсахъ. Все же я буду, по крайности, съ тобою.

Отецъ посмотрѣлъ на нее сверху.

— Ишь ты какая! Отцу, молъ, скучно. Ну, братъ, это хорошо.

Онъ даже отвернулся и сталъ глядѣть въ сторону: это значитъ, что ужь очень былъ онъ доволенъ.

— Ну, Христосъ воскресъ! пробурлилъ онъ, наклоняясь къ ней.

Она обвила рученками его шею и стала цѣловать въ жесткіе, пропахнувшіе махоркою усы.

— Тятя, а я два яйца принесла,—внезапно радостнымъ шепотомъ заговорила она, — чтобы намъ разговѣться.

— Что̀ ты, глупая! Да нѣшто можно несвященныя яйки ѣсть? Вотъ, погоди, матка изъ церкви придетъ.

Танька опѣшила.

— А я думала... начала она, и не договорила. Очень ей обидно было на свою догадливость.

— Да ты сама-то ѣшь, ты ребенокъ, тебѣ можно.

— Нѐ... мамка заругаетъ!

— Я не скажу, ѣшь.

— Нѐ... Вмѣстѣ будемъ,—что-жь я безъ тебя.

Онъ опять на нее покосился.

— Ну, сиди голодная.

Помолчали маленько.

— Какъ въ лавку пойду,—началъ онъ,—сосулекъ куплю тебѣ. Хотѣлъ сегодня, да удосужиться не могъ.

Digitized by Google

Положимъ, онъ вралъ: никакихъ сосулекъ онъ сегодня покупать не собирался.

— Тятя, вонъ вокругъ всѣ пошли. Красиво-то какъ... А и народищу-то что̀. И вѣтру нѣтъ, не колыхнетъ.

— Таперь, какъ утромъ солнце играть будетъ, заговорилъ онъ,—на самомъ всходѣ.

— Это какъ же?

— А такъ: играетъ, играетъ, переливается, ровно бы смѣется. На Рождество вотъ тоже! Такъ бы и смотрѣлъ все, не налюбовался...

— Тятька, поѣздъ! вдругъ взвизгнула она.

Мухинъ быстро прянулъ съ мѣста. Три знакомыхъ чудовищныхъ огненныхъ ока сіяли вдали.

— Пошла долой съ пути! Закалякаешься тутъ съ тобою, какъ разъ не досмотришь.

Дальній гулъ и грохотъ покрылъ далекое церковное пѣніе. Огнистый паръ рвался изъ трубы и летѣлъ куда-то въ бокъ.

— Экъ ихъ дуетъ, запоздали, такъ нагоняютъ,— ворчалъ сторожъ, направляя фонарь на встрѣчу паровозу.

Рельсы глухо стонали. И звонъ колокольный словно сталъ слабѣе. Въ тишину ночи ворвался новый шумъ и покрылъ собою всѣ звуки ночи. Ближе онъ, ближе. Рельсы ревутъ и звенятъ. Три глаза мечутъ яркіе снопы лучей. Паръ рвется и бѣснуется надъ трубою: шипятъ поршни, визжатъ цѣпи; машинистъ вытянулся и смотритъ куда-то впередъ. Вотъ летятъ вагоны — ярко освѣщенные, теплые, мягкіе. И сквозь не спущенныя сторы видно, что они пусты, что нѣтъ никого тамъ, что никому не нужно въ эту ночь никуда ѣхать. Вотъ и задній вагонъ, и красный фонарь, и нѣтъ ничего,

Digitized by Google

все умчалось въ даль, наполнивъ воздухъ дымомъ и шумомъ. И шумъ утихаетъ, замираетъ, и опять колоколъ гудитъ, и оповѣщаетъ міру, что Христосъ воскресъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда ни этихъ колоколовъ. ни этихъ поѣздовъ не было...

— Ишь черти, пустой поѣздъ гоняютъ,—сердито проворчалъ Мухинъ, и потушилъ фонарь.

— А теперь въ церковь не пойдешь, тятька?

— Когда-жь мнѣ итти, коли черезъ пятьдесятъ минутъ товарный пойдетъ.—Пошла одна.

— Нѐ, посижу... Ты завтра сосулекъ купишь?

— Ахъ, ты,—сама-то сосуля. Право сосуля, да еще копеечная. Ну, давай балакать. Тоже Богъ дочку послалъ...

И присѣли они опять на шпалы, и стали опять поджидать другіе огненные глаза, съ другой стороны А ночь весенняя, теплая, летѣла надъ ними...

Апрѣль 1887 г.

Digitized by Google

КУЛИСЫ.

I.

ТѢНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА.

Digitized by Google

Digitized by Google

Ghost.—Oh, horrible! Oh, horrible!
most horrible!

Hamlet. Act I, Scene V. 80.

онкордій Архипелаговъ, воспитанникъ N—ской семинаріи, испытывалъ неизъяснимый трепетъ. Несмотря на свой колоссальный ростъ, соотвѣтственные мускулы, равно какъ и горловыя струны, вибраціей коихъ онъ потрясалъ своды городского собора, ради вящаго умиленія купечества и не малой гордости властей—не смотря на такія средства, при которыхъ, не обладая особой застѣнчивостью, можно избить ослиной челюстью полчища филистимлянъ — все-же онъ трепеталъ. Трепеща вступилъ онъ на подъѣздъ гостинницы, трепеща пряталъ въ карманы долгополаго хитона свои красные склизкіе пальцы, трепеща озирался, и тихо спросилъ у швейцара:

— Артистъ мѣстной драматической труппы, Иванъ Ивановичъ Крутогоровъ, здѣсь стоитъ?

Швейцаръ посмотрѣлъ на него не безъ недоумѣнія: онъ боялся принять его за «человѣка», но въ тоже время сомнѣвался, чтобы это былъ «баринъ».

Digitized by Google

— Семнадцатый номеръ, второй этажъ, по коридору,—лаконически отвѣтилъ онъ, показывая на лѣстницу бровями и глазами.

Конкордій Архипелаговъ весь встряхнулся, какъ мокрая собака, и началъ шагать своими необычайно-худыми и длинными ногами. Онъ безо всякаго усилія переставлялъ ихъ сразу ступеней черезъ пять, такъ что буфетный мальчишка, бѣжавшій навстрѣчу съ огромнымъ подносомъ, на которомъ стояло маленькое блюдце съ ломтикомъ лимона, — съ удивленіемъ прижался къ стѣнѣ и глядя на его ноги пробормоталъ:

— Ишь... ишь...

Въ коридорѣ втораго этажа Архапелаговъ остановился и окончательно упалъ духомъ. Онъ не рѣшался взяться за ручку ярко-вычищеннаго замка. Онъ, затаивъ дыханье, смотрѣлъ на фигурно-выписанную цифру номера, и чувствовалъ, какъ сердце его прыгаетъ и рвется въ груди... «Ровно-бы архіерей на экзаменѣ по философіи»,—невольно пришло ему въ голову.

Но нельзя-же стоять на посрамленіе проходящихъ. Надо войти. Ему припомнилась кротость царя Давида, Руѳь на нивѣ Вооза; онъ перекрестилъ себѣ пуговицу и скрипнулъ дверью.

Въ комнатѣ было накурено. На столѣ въ безпорядкѣ стояли вчерашнія бутылки, на донышкѣ которыхъ темнѣли остатки жидкостей, извѣстныхъ на Руси подъ именемъ иностранныхъ винъ. Грязный самоваръ, уставшій кипѣть, порою печально всхлипывалъ. Направо въ углу, у печки, стоялъ колоссальный сундукъ, а поверхъ него, на старыхъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» были разостланы пестрыя принадлежности какого-то костюма, обшитаго сквернымъ позументомъ и еще болѣе скверной бахрамой. У стола, въ куцомъ сѣромъ

Digitized by Google

пиджачкѣ, сидѣлъ невзрачный, взъершенный, коротенькій господинъ съ папиросой въ зубахъ, мастерившій какую-то необычайную шляпу. При входѣ гостя онъ оглянулся,—и гость тотчасъ сообразилъ, что это «онъ самъ».

— Имѣю честь рекомендоваться,—пролепеталъ онъ, прижимаясь спиной къ двери,—семинаристъ Конкордій Архипелаговъ...

Не смотря на слабо-трепещущій голосъ, и скромный видъ вошедшаго, Крутогоровъ сразу поднялся со стула—до того впечатлѣніе было грандіозно:—казалось, въ комнату вошелъ человѣкъ долго лежавшій подъ прессомъ, безконечно вытянувшійся кверху и книзу. При словѣ «Конкордій»—стаканъ звякнулъ въ унисонъ, и въ окнѣ что-то задребезжало даже...

— Чѣмъ могу служить? спросилъ Крутогоровъ, и тотчасъ-же прибавилъ:

— Прошу покорнѣйше садиться.

* * *

— Не изволилъ-ли вамъ говорить что либо обо мнѣ почтеннѣйшій Семенъ Александровичъ? спросилъ Архипелаговъ, конфузливо глядя сверху на актера. Его ужасно стѣснялъ ростъ: кажется, чего-бы онъ не далъ въ эту минуту, чтобы умалиться.

— Нѣтъ,—съ недоумѣніемъ отвѣтилъ Крутогоровъ, а что-съ?

— Почтеннѣйшій Семенъ Александровичъ говорили мнѣ, что передадутъ вамъ о моемъ страстномъ желаніи...

Онъ заикнулся, словно подавился.

— Нѣтъ, антрепренеръ мнѣ о васъ ничего не говорилъ.

— Запамятовали,—такъ-съ. Иначе и быть не мо-

Digitized by Google

жетъ. Они согласны-съ, а только вотъ позабыли... Они сказали, чтобы я непосредственно обратился къ вамъ, Иванъ Ивановичъ. Вы какъ артистъ, Иванъ Ивановичъ, какъ великій, можно сказать, артистъ, истолкователь, такъ сказать, Шекспира,—вы скорѣе можете судить, Иванъ Ивановичъ,—и сказать-съ: какъ и что-съ...

Иванъ Ивановичъ все-таки не понималъ:

— Вы, милѣйшій, мнѣ суть изложите.

— Дѣло идетъ о призрàкѣ, Иванъ Ивановичъ.

Иванъ Ивановичъ просилъ повторить это слово.

— О призрàкѣ,—невозмутимо повторилъ Архипелаговъ.—О призрàкѣ отца Гамлета... Семенъ Александровичъ говорили, что вы будете играть здѣсь Гамлета датскаго принца, и что необходимъ для этого призрàкъ, и что у меня есть всѣ, съ позволенія сказать, средства для такого изображенія.

Крутогоровъ еще разъ окинулъ его взглядомъ съ ногъ до головы и рѣшилъ, что дѣйствительно, средства у него подходящія.

— А вы играли когда-нибудь? спросилъ онъ.

— Не случалось,—съ сожалѣніемъ замѣтилъ семинаристъ.

— Да... Такъ это будетъ, пожалуй, затруднительно.

— Семенъ Александровичъ слышали, какъ я стихи читаю... Они очень умилились, и говорятъ: тебѣ-бы Шекспира...

— Ну, а вы не сконфузитесь?

— Помилуйте,—вѣдь на экзаменахъ-то хуже.—Опять-же Апостола читаемъ передъ губернаторомъ а тутъ до нѣкоторой степени въ гриммѣ призрàка. Вѣдь полагаю, мнѣ въ натуральномъ видѣ выйти нельзя?

— Полагаю. Вамъ надо въ рыцарскомъ облаченіи...

Digitized by Google

Архипелаговъ радостно усмѣхнулся, и даже плечомъ повелъ, точно чувствуя на себѣ боевые доспѣхи.

— Это занятно-съ... Облаченіе картонное-съ?

— Не знаю-съ,—какое дадутъ. Не прикажете-ли папироску?

И оба закурили.

— Я долженъ васъ предупредить,—началъ Крутогоровъ, что нѣкогда «Тѣнь» изображалъ самъ авторъ.

— Покойный Шекспиръ-съ?

— Да. Изъ этого вы можете заключить, какое значеніе онъ придавалъ роли.—Я тоже ей придаю значеніе.

При послѣднихъ словахъ артистъ такъ сморщился, состроилъ такое выраженіе лица, что не оставалось никакого сомнѣнія въ солидарности его съ Шекспиромъ.

— «Тѣнь» должна... какъ-бы вамъ это объяснить?.. Она должна поднять принца.

Архипелаговъ выразилъ нѣкоторое недоумѣніе.

— То есть, понимаете,—поспѣшилъ его собесѣдникъ,—поднять его духъ... Настроить его, дать камертонъ дальнѣйшей клятвѣ на мечѣ. Понятно?

— Это можно-съ. Голосъ глухой долженъ быть?

— Да, замогильный.

Архипелаговъ крякнулъ какъ-то и опять стекла дрогнули въ оконномъ переплетѣ.

— Это выйдетъ. Докладываю вамъ, что я, какъ чтецъ, стяжалъ въ нѣкоторомъ родѣ извѣстность по городу. Меня затрудняетъ проникновеніе слуховъ до начальства, касательно моего участія въ театральномъ представленіи. Все-же театръ-съ и носящій, такъ сказать, языческую маску... Я желаю предаться этому совершенно втайнѣ...

Digitized by Google

Голосъ его вдругъ дрогнулъ, точно онъ снова поперхнулся.

— И я, Иванъ Ивановичъ,—молящимъ тономъ заговорилъ онъ,—осмѣлился-бы попросить васъ не разглашать насчетъ этого событія. Это могло-бы повліять на дальнѣйшее мое прохожденіе курса. Но дѣйствительно сгораю отъ страсти къ сценѣ, Иванъ Ивановичъ. Мнѣ Семенъ Александровичъ предлагали въ прошломъ мѣсяцѣ играть, но я почелъ непристойнымъ участіе въ опереттѣ «Прекрасная Елена», хотя-бы и въ роли Ахиллеса: танцованіе и пѣніе не идетъ въ составъ моихъ предположеній...

Иванъ Ивановичъ согласился съ нимъ, сказавъ, что оперетта,—это временный нарывъ, который рано или поздно лопнетъ, и что послѣдствія такого нарыва могутъ быть ужасны: они могутъ заразить здоровое общественное тѣло.

* * *

О пріѣздѣ господина Крутогорова N—скія газеты давно уже трубили. Мѣстный «Листокъ» даже напечаталъ его біографію, гдѣ говорилось о томъ успѣхѣ, которымъ пользовался «истолкователь Шекспира и Шиллера» не только всюду по Россіи, но и въ столицахъ. Классическій репертуаръ у г. Крутогорова доминируетъ, говорилось въ «Листкѣ», и это слово *доминируетъ*— ужасно понравилось N—ской публикѣ: оно стало моднымъ, вошло въ разговоръ. Пріѣздъ Крутогорова состоялся въ заранѣе опредѣленный телеграммами часъ, и нѣсколько разочаровалъ собравшихся «почитателей таланта». Хотя сундукъ, прибывшій съ актеромъ, былъ великъ, за то онъ самъ ужасно плюгавъ и малъ ростомъ. Лицо его было съ отеками отъ выпивки и безсонныхъ ночей. Онъ выслушалъ на платформѣ вокза-

Digitized by Google

ла привѣтствіе, которымъ его встрѣтилъ представитель печати, редакторъ «Листка» Ѳедоренко, и снисходительно замѣтилъ, что надѣется оправдать довѣріе общества. Но когда ему предложили завтракъ на вокзалѣ, онъ отказался, заявивъ, что къ «манифестаціямъ» онъ не привыкъ. Держалъ онъ себя довольно изолированно и гордо: дамъ, которыя сунулись было къ нему съ выраженіемъ сочувствія, онъ не допускалъ. Съ визитами ни къ кому не поѣхалъ, но навѣстилъ свою старую пріятельницу, купчиху Снѣжкову, супругу богатѣйшаго въ городѣ коммерсанта, пылавшую непреоборимой страстью ко всѣмъ артистамъ вообще, а къ трагикамъ по преимуществу.— «Листокъ» въ восхищеніи оповѣстилъ читателей, что артистъ выступаетъ въ «Гамлетѣ», этомъ величайшемъ твореніи англійскаго поэта. Говорили о Крутогоровѣ очень много, потому что слышали о немъ еще больше. Вообще ждали его дебюта съ нетерпѣніемъ.

Весьма понятенъ, въ силу вышесказаннаго, тотъ хладный трепетъ, который охватывалъ семинариста во время бесѣды съ истолкователемъ Шекспира. Когда Конкордій простился съ нимъ, вышелъ на улицу, и его обдуло свѣжимъ вѣтеркомъ,—тутъ только онъ нѣсколько опомнился. На душѣ его было свѣтло и радостно. Онъ даже останавливался порою и полною грудью вдыхалъ воздухъ. При переходѣ черезъ низкій деревянный мостъ, висѣвшій надъ оврагомъ и рѣчкой, онъ остановился, облокотился на перила и такъ долго смотрѣлъ на воду и травку, тамъ и сямъ прорывавшуюся сквозь ея поверхность, что вокругъ него даже начали собираться. Наконецъ онъ опомнился, и побѣжалъ къ Семену Александровичу съ радостнымъ извѣстіемъ, что «они» согласились.

Digitized by Google

Медлить нечего было: послѣ-завтра шелъ «Гамлетъ».—Конкордію вручили крупно и скверно написанную тетрадь, заключавшую въ себѣ роль «Тѣни» по переводу господина Загуляева. Крутогоровъ былъ артистъ современный, какъ онъ самъ говорилъ—«человѣкъ нерновъ и рефлекса», почему и не могъ играть по одному переводу: одну сцену онъ игралъ по Загуляеву, другую по Полевому, третью по Кронебергу, четвертую по Вронченко. Даже отдѣльныя фразы онъ слѣплялъ какъ мозаику, по разнымъ переводамъ.—Онъ очень гордился этимъ мѣсивомъ и всегда говорилъ:

— Могу сказать, что такая обработка стоила мнѣ труда: я думаю, въ отношеніи добросовѣстности трактовки, никто за мной въ «Гамлетѣ» не угонится. Да и много-ли насъ, Гамлетовъ, теперь въ Россіи? Въ Одессѣ—Игнатьевъ-Козликовъ, въ Харьковѣ—Чаровниковъ, да въ Москвѣ, на казенной сценѣ—Онѣгинъ,—вотъ и всѣ.

Архипелаговъ училъ свой моноложище всю ночь на пролетъ, закутавшись въ простыню, сидя въ своей конурѣ, вымазавъ себѣ физіономію мѣломъ и вглядываясь однимъ глазомъ въ осколокъ зеркала, торчавшій на столѣ рядомъ съ огаркомъ. Къ сожалѣнію, онъ не могъ во всю силу читать роль, чтобы не поребудить товарищей. Его-бы квартирная хозяйка согнала моментально съ двора. Да при томъ, онъ скрывалъ почти отъ всѣхъ свое дерзкое предпріятіе.

Если-бы кто заглянулъ къ нему въ маленькое окно мезонина,—онъ непремѣнно изумился-бы необычайности картины. Конкордій сидѣлъ на табуретѣ и раскачивался длиннымъ тѣломъ взадъ и впередъ, бормоча роль и строя гримасы. Простыня бѣлыми складками драпировалась на немъ;—подъ простыней у него ничего не было, и поэтому худоба выдавалась еще рельефнѣе.

Digitized by Google

Его шёпотъ глухо гудѣлъ по комнатѣ, какъ вѣтеръ въ трубѣ; кулаки судорожно сжимали тетрадь. Свѣчка неровно горѣла, пламя прыгало и мигало, за стѣной щелкали часы и храпѣлъ кто-то,—но онъ ничего неслышалъ...

Добился онъ того, что свой преступный пылъ
Супругѣ онъ моей, измѣнницѣ, внушилъ,
Ей, добродѣтелью прославившейся прежде...
О, Гамлетъ, гдѣ-же жить обманчивой надеждѣ,
Когда и тутъ гнѣздо ужъ свило преступленье!
Да! Страшно было матери твоей паденье!.

О, какъ ясно ему рисовалась эта картина! Злой, ехидный родственникъ овладѣваетъ короной; благороднѣйшій принцъ, вмѣсто того, чтобы вступить на престолъ, терзается муками сомнѣній...

Ни разу данныхъ клятвъ ничѣмъ не нарушала,
Вдругъ промѣнять на гнуснаго мерзавца!

Слово «мерзавца» у него выходило особенно сильно, каждый разъ, когда онъ его произносилъ, въ углу товарищъ всхрапывалъ сильнѣе, и разъ даже спросилъ: «а?» Часы били и два, и три, пѣтухи запѣли, а онъ все зубрилъ:

...и вотъ
Какъ потерялъ я, сонный, мой вѣнецъ,
Существованье и супругу...

Пѣтухи еще разъ запѣли, по улицамъ не было ни прохожихъ, ни проѣзжихъ. Въ комнатѣ стало холоднѣе, звѣзды стали блекнуть, и роль его какъ разъ подошла къ концу:

Свѣтящій червь ужé блѣднѣетъ, возвѣщая,
Что утро близко.

Онъ повалился на кровать, сунулъ ноги въ промежутки желѣзной рѣшетки (цѣликомъ онъ на постели

Digitized by Google

не умѣщался) и захрапѣлъ съ остервенѣніемъ, съ сознаніемъ своего права на отдыхъ, и съ чистымъ сердцемъ.

* * *

Пришелъ онъ на репетицію такъ рано, что даже плотниковъ не было на сценѣ. Ходя по темнымъ и сырымъ закоулкамъ, онъ ощущалъ невольное благоговѣніе. Мрачный зѣвъ зрительной залы смутно чернѣлъ въ глубинѣ. Дрожь охватывала его, онъ сжималъ и безъ того смятую тетрадку, и все бурчалъ про себя: «о, страшно, страшно, страшно несказанно!»—Онъ надѣялся такъ взять эту фразу, какъ не вытянуть и соборному протодіакону.

Наконецъ, начали собираться. Семенъ Александровичъ добродушно похлопалъ его и освѣдомился о здоровьѣ. Примадонна, игравшая Офелію и явившаяся въ шляпѣ съ цѣлымъ кустомъ мака, прищурившись спросила:—«это что за цапля?» Крутогоровъ былъ далеко не такъ любезенъ, какъ у себя въ номерѣ: вдобавокъ онъ такъ морщился и потирался, словно у него были спазмы въ желудкѣ. Но желудокъ его былъ здоровъ, а это онъ хотѣлъ казаться передъ всѣми озабоченнымъ и очень талантливымъ.

Первая сцена, конечно, пропускалась—и призракъ являлся непосредственно принцу. Когда дѣло дошло до его выхода. Семенъ Александровичъ подскочилъ къ Крутогорову.

— Родной мой, а какъ намъ быть съ «Тѣнью»? люкъ что-то плохо дѣйствуетъ... даже можно сказать совсѣмъ не дѣйствуетъ,—ни взадъ, ни впередъ...

Крутогоровъ ужасно сморщился.

— Это жаль... Да, какъ-же вы, милѣйшій, не озаботились?.. Въ такомъ случаѣ... Пусть онъ за дерево зай-

Digitized by Google

детъ что-ли... Какъ будто пропалъ... Нельзя-же за кулисы ему просто уйти... Или, во всякомъ случаѣ, вы хоть калоши ему резиновыя что-ли надѣньте, что-бъ не слышно было.

— У меня, Иванъ Ивановичъ, другая комбинація: если проложить рельсъ, да выкатить его на телѣжкѣ? Эффектецъ? Ась? Яко бы плыветъ по воздуху?...

Крутогоровъ потеръ себѣ лобъ.

— Идея недурна... Хоть я никогда не примѣнялъ такого способа передвиженія къ «Гамлету»... Да! прокатить его, такъ что за камнями и кустами не было-бы видно низа... Идея недурна...

— А сбоку электричествомъ дернуть?

— Да, это можно... Такъ и распорядитесь ..

Онъ обратился къ Архипелагову и сказалъ.

— Начнемъ!

Тотъ кашлянулъ въ кулакъ, да такъ зычно, что Офелія подпрыгнула на скамейкѣ.

— Точно труба изъ апокалипсиса,—объяснилъ Семенъ Александровичъ.

Когда Архипелаговъ проговорилъ первую фразу: «взгляни мнѣ на лицо», стѣны дрогнули, разговоры смолкли.

— Нѣтъ, послушайте,—это слишкомъ,—остановилъ его Крутогоровъ.—Такъ нельзя: вы публику испугаете. Скажите это вполголоса.

Онъ сказалъ вполголаса, но и это оказалось неудобнымъ,—пришлось съѣхать на четверть.

А въ четверть голоса вышло великолѣпно: это былъ такой могучій, такой низкій басъ, онъ такъ гудѣлъ въ пустомъ театрѣ, словно надъ сценой въ набатъ били. Читалъ стихи онъ чудесно,—чувства въ немъ была бездна;—когда онъ сказалъ:

Digitized by Google

Внимай, внимай, внимай, и если ты
Родителя любилъ...

у него въ голосѣ зазвенѣли слезы.—Крутогоровъ объ одномъ только просилъ: не повышайте голоса: не повышайте и выйдетъ дивно.—Зналъ онъ роль превосходно,—такъ что суфлеръ, сидѣвшій верхомъ на будкѣ, и ѣвшій мятныя лепешки, только покряхтывалъ. Ни одного замѣчанія не пришлось ему сдѣлать; Семенъ Александровичъ, тотъ даже руки кинулся ему пожимать. Архипелаговъ расцвѣлъ не хуже мака на шляпкѣ Офеліи.

Портной его пригласилъ примѣрить латы. Всякое вооруженіе оказывалось ему мало, и выглядѣло совсѣмъ игрушечнымъ. За то крошечная головка его положительно утопала въ широкомъ шлемѣ съ забраломъ и конской гривой. Шея упрямо вылѣзала изъ всѣхъ воротниковъ, какъ-бы они высоки ни были: пришлось навертѣть на нее всякаго тряпья, чтобы только прикрыть. Вмѣсто плаща дали ему кусокъ стараго неба, по краямъ котораго налѣпили изъ серебряной бумаги бордюрчики. Впечатлѣніе получилось странное, и во всякомъ случаѣ подходило къ представленію о выходцѣ съ того свѣта. Семенъ Александровичъ остался доволенъ, и велѣлъ только на спектаклѣ окутать его самымъ легкимъ газомъ, флеромъ, крепомъ, чтобы совсѣмъ получилась безформенная, неопредѣленная фигура.

Вообще Семенъ Александровичъ былъ очень доволенъ, тѣмъ болѣе, что Архипелаговъ игралъ у него за три рубля...

* * *

Нужно-ли говорить, въ какомъ волненіи находился Конкордій въ день спектакля? Онъ не могъ ничего

Digitized by Google

ѣсть: передъ его глазами носилась величественная фигура покойнаго короля, которая вечеромъ поразитъ театръ. И этотъ король будетъ онъ! Онъ поразитъ!

Крутогоровъ тоже пріятно волновался. Онъ рѣшился въ этотъ вечеръ окончательно покорить коммерсантку Снѣжкову, какъ своимъ талантомъ, такъ и пластичностью движеній. Ему въ этомъ дѣлѣ именно долженъ былъ поспособствовать Архипелаговъ: воспользовавшись хорошей «Тѣнью», онъ рѣшился прибѣгнуть къ нѣкоторой мимикѣ, до сихъ поръ имъ не практикованной, и къ нѣкоторымъ граціознѣйшимъ позамъ, неотразимымъ по своей картинности. Потому-то онъ обратилъ особенное вниманіе на Архипелагова и гриммировалъ его самъ.

Вышло нѣчто ужасное! По блѣдно-мертвенному лицу проступили коричневыя пятна, глаза провалились, носъ необычайно бѣлѣлъ и выдвигался впередъ чуть не на четверть аршина. Когда Конкордій подошелъ къ зеркалу, его самого отбросило и онъ только пробормоталъ:

— Страховидно, весьма страховидно!

Но за то осмотръ телѣжки, назначенной для вывоза «Тѣни» на сцену, не мало смутилъ Крутогорова. Это была низенькая платформа, катившаяся по рельсамъ, отъ нея шла черезъ сцену веревка на простомъ блокѣ.

— Э-эхъ,—какъ-же безъ вòрота,—сказалъ онъ,—вѣдь это толчки будутъ.

— Мы лёгонечко,—успокоилъ плотникъ.—Они говорятъ, что на ногахъ крѣпки.

— Все-таки на платформѣ надо упоръ сдѣлать. Палку прикрѣпите, что-ли...

— Когда-же теперь, помилуйте,—занавѣсъ подымаютъ...

Digitized by Google

Крутогоровъ выругался и бросился къ Семену Александровичу.

— Дайте ему пику. Пусть онъ хоть о нее обопрется, чтобы упоръ былъ... Вѣдь это, чортъ знаетъ что!

Изъ кладовой, гдѣ лежалъ всякій бутафорскій хламъ, вытащили длиннѣйшую пику, съ какимъ-то еще значкомъ. Архипелаговъ поналегъ на нее, и сказалъ:

— Ничего, выдержитъ!

Предчувствіе близкой бѣды безпокоило Крутогорова. У него неотвязно вертѣлась въ головѣ мысль: что если «Тѣнь» отъ внезапнаго толчка упадетъ — этакая махинища рухнетъ! Архипелаговъ говоритъ, что онъ на конькахъ умѣетъ, — да вѣдь это все не то...

Однако занавѣсъ пришлось поднимать. Крутогоровъ закутался въ потертый бархатный плащъ и опустилъ грустный взглядъ долу; изрѣдка онъ его поднималъ, и встрѣчался взорами съ коммерсанткой Снѣжковой — Снѣжкова порывисто дышала, впившись въ бинокль. Ея пышная грудь и обнаженныя плечи трепетали, брильянты горѣли огнями на шеѣ. Даже вѣеръ что лежалъ у нея на колѣняхъ, привязанный серебрянымъ жгутомъ къ таліи,—и тотъ припрыгивалъ. Она чувствовала, что Крутогоровъ играетъ только для нея, для нея одной...

Весь монологъ онъ прочелъ, обращаясь къ ея ложѣ И какъ онъ глядѣлъ, ахъ какъ онъ глядѣлъ на нее въ эти минуты! Сколько чувства, страсти было вложено въ него!.. И никому въ залѣ и въ голову не пришло, что принцъ въ это время думаетъ: «не сплоховала бы только подлецъ-тѣнь...»

Перемѣна декораціи. Театръ гремитъ. Аплодисменты. Аплодируютъ всѣ, даже дамы,—а Снѣжкова усерднѣе

Digitized by Google

всѣхъ. Крутогоровъ посылаетъ ей спеціальный поклонъ Онъ поразилъ ее въ самое сердце. Побѣда! Побѣда!

На сценѣ бьетъ полночь. Принцъ кутается отъ холода; за сценой вальсъ и пушечные выстрѣлы. Гамлетъ съ трепетомъ, украдкой посматриваетъ въ ту сторону, откуда долженъ выѣхать его покойный родитель. Онъ съ ужасомъ думаетъ:—а что если телѣжку не смазали, и колеса будутъ пищать на каждомъ поворотѣ?...

Но вотъ шепелявый Гораціо схватываетъ его за руку, «смотрите, принцъ,—идетъ!»

Гамлетъ глянулъ,—и, дѣйствительно, въ ужасѣ опустился на землю.

Длинная, сухая, безформенно-сѣрая фигура, озаренная электричествомъ, приближалась къ нему. Она приближалась порывистыми толчками, по мѣрѣ того какъ плотники дергали за веревки. Что ни толчокъ, съ «Тѣнью» дѣлались судороги: она, соблюдая равновѣсіе, присѣдала, кланялась во всѣ стороны, балансировала то на одной ногѣ, то на другой, махая копьемъ, — ну словомъ мучилась отъ необычайныхъ страданій. Но лицо ея было мертвенно и безжизненно...

Это было дѣйствительно страшно. Крутогоровъ коекакъ прочелъ свой монологъ, и приготовился къ рѣчи призрака...

Дошла очередь говорить ему... Призракъ крякнулъ, да такъ, что у бѣднаго принца волосы стали дыбомъ. Мало того, онъ отплюнулся въ сторону, и вытеревъ губы пробасилъ:

— Взгляни мнѣ на лицо!..

Но принцъ не рѣшался взглянуть, тѣмъ болѣе, что сплошной хохотъ стоялъ въ залѣ... Онъ въ адскихъ мукахъ лежалъ у ногъ тѣни и ждалъ—скоро-ли, скоро-ли, скоро-ли конецъ!

Digitized by Google

А «Тѣнь» не смущалась нисколько,—она чудесно читала свой монологъ, все повышая и повышая голосъ почти до степени громоваго раската:

О, будьте прокляты преступные дары,
И ты, лукавое, ласкательное слово...

Глаза при электричествѣ горѣли зловѣщимъ, фантастическимъ блескомъ... Въ театрѣ притихли, успокоились: за кулисами царило безмолвіе, даже въ коридорахъ, въ швейцарскихъ слышны были могучіе перекаты. Въ первыхъ рядахъ раздавалось сдержанное «браво, браво!».

Но принцъ, лежа во прахѣ, думалъ объ одномъ: «Господи! опять его потянутъ, опять онъ закувыркается. .»

...Прощай, прощай, прощай,—

гудѣло надъ нимъ—

И помни объ отцѣ, безвременно погибшемъ.

Плотникъ потянулъ веревку, «Тѣнь» внезапно присѣла, потомъ выпрямилась, крякнула, подалась впередъ, попала копьемъ въ дерево, покачнулась, поправила съѣхавшій шлемъ, и въ корчахъ поѣхала далѣе...

Все пропало! Театръ стоналъ отъ хохота .. Хохотала до слезъ и коммерсантка Снѣжкова...

1885 г.

Digitized by Google

II.

Статуя командора.

Digitized by Google

Digitized by Google

Посѣтитель, котораго капельдинеръ ввелъ въ «контору», былъ гладко выбритый, нѣсколько подслѣповатый старикъ, съ какой-то растерянностью на морщинистомъ лицѣ и суетливой предупредительностью движеній.

Иванъ Федоровичъ Колокольцевъ, антрепренеръ театра, высокій, неуклюжій господинъ съ растрепанной шевелюрой и длинной дряблой шеей, посмотрѣлъ на него нѣсколько подозрительно.

— Три раза былъ у васъ, Иванъ Ѳедоровичъ,— заговорилъ старикъ—и не могъ добиться у васъ аудіенціи. Между тѣмъ, имѣю до васъ дѣло безотлагательной надобности.

Ивана Ѳедоровича эта «безотлагательная надобность» повидимому интересовало очень мало. Онъ небрежнымъ жестомъ предложилъ гостю сѣсть на старый клеенчатый стулъ, и самъ сѣлъ тутъ-же, у чернаго обтертаго стола, замѣнявшаго въ конторѣ бюро.

— Я вѣдь очень занятъ,—возразилъ онъ, выдвигая изъ стола ящикъ съ бумагами, и шаря что-то по угламъ.—Вы господинъ Курепинъ, если не ошибаюсь?

— Да-съ.

Digitized by Google

— Вы не родственникъ актрисы Курепиной, что два года тому назадъ сгорѣла на сценѣ Бобыльскаго театра?

— Я отецъ...

Иванъ Ѳедоровичъ поднялъ на него глаза; руки его перестали шарить. Что-то похожее на сочувствіе загорѣлось въ этомъ взглядѣ. Но оно тотчасъ-же смѣнилось прежнимъ холоднымъ блескомъ.—«Чортъ возьми, не на бѣдность-ли пришелъ просить», невольно мелькнуло у него въ головѣ.

— Я зналъ вашу дочь,—заговорилъ онъ, отгоняя отъ себя непріятную мысль о вспомоществованіи.—Прекрасная была актриса, да и женщина прекрасная...

— Ахъ, что это было за существо! невольно вырвалось у старика.—Нѣту, Иванъ Ѳедоровичъ, нѣту теперь такихъ...

— Она служила у меня,—продолжалъ Колокольцевъ, все шаря въ ящикѣ,—полтора сезона служила. Хорошая была актриса, чудесная. Не случись съ ней этого несчастья, я всегда съ удовольствіемъ-бы заключилъ съ ней условіе.

Онъ нашелъ то̀, что повидимому искалъ, какую-то бумажку, и помакнувъ ржавое перо въ банку, замѣнявшую чернильницу, сталъ что-то царапать.

— Да,—говорилъ онъ, не открывая глазъ отъ пера,—да, мы съ нею друзья были, большіе друзья.—У нея дѣвочка была крохотная,—гдѣ-же она теперь?

— Внучка со мною.

— А!... И что же, скажите, оставила ваша дочь послѣ себя что нибудь?

— Пустяки-съ. Деньгами рублей двѣсти,—да вещами. Деньги ушли на внучку, а вещи я припряталъ въ надежныя руки:—далъ слово не трогать: выростетъ внучка—тогда и получитъ.

Digitized by Google

— А-а, похвально, похвально...

Иванъ Ѳедоровичъ хвалилъ своего гостя полу-машинально, потому что глаза все-таки не открывались отъ клочка бумаги.

— Но вообще мы въ ужасномъ положеніи,—продолжалъ Курепинъ.—И если вы дѣйствительно, какъ говорите, были другомъ покойной Нади...

«Такъ и есть,такъ и есть», подумалъ Колокольцевъ, и брови его сморщились, а ржавое перо еще скорѣе запрыгало по бумагѣ.

— Помогите, Иванъ Ѳедоровичъ. Господь васъ не оставитъ. На картофель и яица денегъ нѣтъ. Дѣвочка только и питается что чаемъ. Вѣдь растетъ она, ей пища нужна питательная... Я вѣдь не денегъ у васъ прошу,—быстро прибавилъ онъ,—а мѣстечко хоть какое-нибудь, хоть плохенькое...

— Вы актеръ развѣ? удивился Колокольцевъ, и даже глаза на этотъ разъ поднялъ.

— Какъ-же-съ, игрывать доводилось, и много игрывать. Теперь ужъ я лѣтъ десять не выходилъ на сцену... А прежде я далеко не безызвѣстенъ былъ.

— Вы что-же играли-то?

— Игралъ-то любовниковъ, потомъ комиковъ... А теперь—что прикажете...

— Мѣстъ у меня въ труппѣ нѣтъ.

Иванъ Ѳедоровичъ вынулъ конвертъ, вложилъ въ него записку, и началъ надписывать.

— Хоть какое-нибудь,—повторилъ Курепинъ.

— На какое-нибудь вы не пойдете. Вонъ мнѣ плотникъ нуженъ: вѣдь вы этого дѣла дѣлать не станете? Ну то-то вотъ и есть.—Василій! громко крикнулъ онъ, не вставая и не поворачивая головы.

На зовъ его вошелъ тотъ самый капельдинеръ, что

Digitized by Google

ввелъ Курепина въ контору, черноглазый мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

— Эту записку снесешь по адресу, сказалъ Колокольцевъ, — да позови ко мнѣ Евстафія Игнатьича, живо!

Мальчикъ хлопнулъ дверью и за нею послышались его быстро-удалявшіеся шаги.

— Такъ какъ-же-съ, Иванъ Ѳедоровичъ?

— Да такъ-же-съ. Что-же я вамъ могу сдѣлать, коли мѣстъ нѣтъ? Пришли-бы мѣсяцемъ раньше, когда я труппу набиралъ, ну, другое дѣло. А теперь у меня все полно-съ.

Курепинъ вздохнулъ, съежился, и голова его такъ и ушла въ вытертый воротникъ стараго сюртука.

* * *

Пискливая дверь конторы опять отворилась и черезъ порогъ перекатился маленькій Евстафій Игнатьевичъ—режиссеръ господина Колокольцева.

— Ну, что̀? спросилъ его Колокольцевъ.

— Да что-же, — отрезвится къ вечеру. До спектакля-то еще четыре часа—очувствуется до тѣхъ поръ.

— Я его штрафовать буду, рѣшительно заявилъ Иванъ Ѳедоровичъ. — Что̀ это въ самомъ дѣлѣ, — ни одного дня покойнаго нѣтъ, — нельзя ни за одинъ спектакль поручиться. Вы знаете Сморчкова? обратился онъ къ Курепину.

Тотъ встрепенулся, и сразу даже не понялъ, что̀ его спрашиваютъ.

— Какъ-же, какъ-же, — служили вмѣстѣ. Онъ тоже вторымъ комикомъ былъ-съ; не знаю какъ теперь, а прежде очень былъ не прытокъ.

— Теперь хуже: пьянъ ежедневно.

Digitized by Google

— Да и тогда было тоже-съ... Мы съ нимъ на однѣхъ роляхъ были.

Вдругъ Колокольцевъ поднялся съ мѣста: очевидно, его осѣнила какая-то мысль. Онъ взялъ Евстафія Игнатьевича за пуговицу, и повелъ его въ уголъ.

— Слушайте, сказалъ онъ,—вотъ этотъ (онъ кивнулъ на сидѣвшаго у окна Курепина) просится на сцену. Сморчковъ человѣкъ нужный, но запиваетъ. Если взять этого для острастки, можетъ и Сморчковъ остепенится.

— Что-жь, можетъ быть,—согласился Евстафій Игнатьичъ.

— Вѣдь это пріемъ извѣстный. Не ѣстъ собака молока,—стòитъ подозвать кошку,—такъ она сейчасъ изъ жадности все сожретъ, чтобъ другимъ не досталось. Если на этотъ случай сего кавалера взять?

— Для устрашенія?

— Именно для устрашенія. Вы какъ на этотъ счетъ?

— Можно. Пріемъ достаточно хитрый.

— А вы сколько-бы желали жалованья? спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ, подходя къ посѣтителю.

Тотъ всталъ, сгорбленный такой, жалкій.

— Да что положите, Иванъ Ѳедоровичъ.

Колокольцевъ еще разъ на него посмотрѣлъ. Въ глазахъ старика было что-то знакомое ему,—то самое, что нѣкогда свѣтилось въ чудесныхъ глазахъ дочери. Антрепренеру какъ-то жутко стало: «сгорѣла, сгорѣла на сценѣ, совсѣмъ,—брр...» Онъ повелъ плечами.

— Мнѣ некогда,- проговорилъ онъ, взявъ съ окна цилиндръ, и придавая лицу ту значительность, которую онъ никогда не могъ себѣ придать.—Вотъ Евстафій Игнатьичъ переговоритъ съ вами. Если ваши требова-

Digitized by Google

ніи благоразумны, то вы придете къ соглашенію. А теперь мнѣ надо къ полицеймейстеру на обѣдъ...

— Богъ, Богъ васъ вознаградитъ, — захлебывался старикъ, потрясая его руку...

Колокольцевъ не любилъ ничего такого чувствительнаго Всю жизнь вращаясь въ театрѣ, онъ такъ разувѣрился во всѣхъ проявленіяхъ аффектовъ. что когда кто предъ нимъ плакалъ, онъ говорилъ:

— А нѣтъ—вы посмотрите, какъ моя примадонна плачетъ,—роскошь, удивленіе!

Но тутъ, сегодня, ему показалось, что можетъ быть и искренно всхлипнулъ этотъ старикъ.

«Впрочемъ—коли жрать нечего, поневолѣ будешь всхлипывать, — рѣшилъ онъ: — всегда натурально выйдетъ»

Даже сознаніе какого-то исполненнаго долга, чувство какого-то удовлетворенія наполнило его, когда онъ, сходя съ крыльца театра, сталъ натягивать перчатки.

— Да и этого скота, Сморчкова, надо проучить,— бормоталъ онъ, шагая по тротуару.—Онъ знаетъ, что нуженъ—и потому неглижируетъ обязанностями. Посмотрю, какъ онъ запоетъ, когда увидитъ дублера.— Двухъ зайцевъ значитъ разомъ: съ одной стороны— скота подтянешь, съ другой—христіанскую добродѣтель совершишь... Мило!

* * *

Евстафій Игнатьичъ предложилъ старику зайти въ погребокъ и выпить пива—тамъ и сговориться.

— Влюбленъ, влюбленъ въ вашу дочку былъ,— говорилъ онъ послѣ третьяго стакана.—Я тогда еще суфлеромъ былъ. Всѣхъ она своимъ вниманьемъ дарила, о всѣхъ помнила. Бывало все жалованье раздастъ. У меня до сихъ поръ ея подарочекъ—порт-сигаръ сереб-

Digitized by Google

ряный—послѣ своего бенефиса она подарила. Доброты была несказанной.

Курепинъ отлично зналъ, что его Надя была несказанной доброты, и ему рѣшительно не надо было этого напоминать и разсказывать. Но приходилось изъ вѣжливости слушать.

— А ужь талантъ-то былъ, талантъ! Ей,—кабы въ Петербургъ или Москву во-время она попала—ужь какая бы ея судьба была!.. Скажите—ну, а какъ-же несчастье это съ нею произошло?

Онъ не любилъ вспоминать про «несчастье». Ну что вспоминать? Охота переживать старое горе, старыя затянутыя раны ворошить. Но тутъ неловко было отказать.

— Да какъ произошло? Подошла на репетиціи слишкомъ близко къ рампѣ, платье легкое—вспыхнуло; бросилась бѣжать—насилу поймали. Закидали ее коврами, потушили,—да поздно ужъ было—грудь обгорѣла, и бока тоже. Черезъ трое сутокъ умерла.

— Ай-яй-яй! Ай-яй-яй! покачалъ головою режиссеръ.

— И какъ она умирала, — ахъ какъ она умирала, кабы вы знали! Пѣла она. Понимаете: обожженная-то вся,—въ пузыряхъ и въ ранахъ! Лежитъ подъ голубымъ своимъ пологомъ и тонко-тонко словно ребенокъ, выводитъ нотки. Вотъ Офелію-бы такъ играть.—А потомъ съ дѣвочкой, съ дочкой прощалась.—Ухожу, говоритъ, отъ тебя; свидимся-ли—не знаю, да теперь-то мы разстаемся... Ну, и ушла. Ушла совсѣмъ. Все была, все была съ нами—и смѣялась, и веселилась, и вдругъ нѣтъ.

Старикъ широко раскрылъ свои вѣчно-прищуренные глаза.

— И куда она, и гдѣ она—никому невѣдомо. Положимъ, ее зарыли въ землю, это всѣ видѣли. Но развѣ

Digitized by Google

это та была? Это было ужъ совсѣмъ другое,—это остатокъ того живого, а не живое. И вотъ теперь, до сихъ поръ я съ этимъ такъ и не примирился, такъ и не понялъ,..

— А какъ она «Василису» играла! Боже мой какъ играла,—вдругъ почему-то сообразилъ режиссеръ.

— Вотъ Лизута, внучка моя теперь—портретъ ея живой,—продолжалъ Курепинъ.—Божество! Красота! Ею дышу, живу для нея. Чего бы мнѣ, старому псу, на сцену-то поступать? Чтобы ей тепло было. Все прожили, что прожить было можно. Ну и работать буду и работать.

— Вы въ деньгахъ не нуждаетесь-ли? осторожно предложилъ Евстафій Игнатьевичъ.

— Натурально,—какъ же иначе и быть-то можетъ, чтобы я не нуждался... Ни гроша въ карманѣ.

Режиссеръ порылся въ порт-монэ, и вытащилъ сложенную въ восемь разъ трехрублевую бумажку.

— У меня больше съ собой нѣтъ. Вотъ пожалуйста.

Въ лицо Курепина кинулась краска; но это не было ни негодованіе, ни стыдъ,—это была неожиданность. У него даже въ горлѣ спазмъ сдѣлался.

— Да, да,—заговорилъ онъ, для чего-то развернувъ ее, словно хотѣлъ удостовѣриться — точно-ли это деньги.—Вѣдь вы, вѣдь вы знаете, что вы сдѣлали этимъ... вѣдь внученька... внученька сегодня горячаго супца поѣстъ. Вѣдь она двѣ недѣли ничего такого...

И старикъ уже не слушалъ Евстафія Игнатьевича. Онъ уже не могъ сидѣть на мѣстѣ: онъ вертѣлся и оглядывался по сторонамъ.

— Горяченькаго, горяченькаго,—твердилъ онъ, и его безкровныя губы улыбались такою блаженною улыбкой...

Digitized by Google

— Такъ насчетъ условій сговориться-бы? началъ было Евстафій Игнатьевичъ.

— Условій? Что хотите, тò и положите. По совѣсти; по сердцу. Ну какія условія? Увидите—чего достоинъ—тò и положите. Не обидите несчастныхъ, а? Вѣдь грѣхъ обижать...

* * *

Курепинъ поднялся по скрипучей лѣстницѣ во второй этажъ сѣренькаго покосившагося дома. Онъ несъ подъ мышкой нѣсколько сверточковъ; изъ кармановъ рыжаго пальто тоже глядѣли какія-то бумажки.

— Ну, какъ дѣла? встрѣтила его хозяйка возившаяся у печки. Иначе какъ черезъ хозяйскую кухню ему нельзя было попасть къ себѣ.

— Хорошо, хорошо, клюетъ, Матрена Васильевна!

— Ой-ли? значитъ и за квартиру скоро?

— Скоро, скоро! На службу поступаю.

Онъ радостно отворилъ дверь въ свою голубенькую комнатку. И какъ все тамъ ясно и весело было! И кривые стулья, и диванъ подпертый полѣномъ и занавѣсочка у Лизиной кроватки: все это смѣялось, ликоваао, А сама Лиза сидѣла на полу и ковыряла иголкой какую-то тряпочку. Она весело посмотрѣла на него.

— Ну, дѣда, что? крикнула она.

— Закутимъ, дѣточка, закутимъ съ тобою. Смотрика, что я принесъ.

Дѣвочка бросила и тряпку, и иголку, и такъ быстро вскочила на ноженьки, что, потерявъ равновѣсіе, чуть не шлепнулась па полъ.

— Яичекъ, дѣда?

— И яичекъ, и говядинки и хлѣба. Такихъ котлетокъ сдѣлаемъ, что и царь такихъ не кушаетъ.

Digitized by Google

Онъ положилъ свертокъ на столъ, и какъ былъ, въ пальто, подхватилъ съ пола внучку.

— Красавица ты моя, прелесть моя, божество ты мое! Покушаешь ты сегодня въ волю, милушка. Давно ты не кушала, какъ надо...

— Я хочу, дѣда, кушать, очень хочу...

— Знаю, знаю, внученька. Виноватъ я передъ тобою, старый, виноватъ. Не умѣю работать, — не наученъ ничему такому. И радъ-бы вотъ все для тебя сдѣлать,—вотъ, коли хочешь, сердце готовъ вынуть, отдать тебѣ, только-бы тебѣ хорошо было.

— Такъ котлетки будутъ, дѣда?..

— Будутъ, да еще съ картофелемъ. А картофель-то крупный такой, да разсыпчатый, да вкусный.

— Что-же у тебя денежки есть?

— Денежки, голубчикъ мой, денежки. Служить буду, хорошо буду, усердно служить,—и все для внученьки, для милой, для красавицы моей. Насколько силъ будетъ—настолько буду стараться. И получимъ мы денежекъ много-много, и закутимъ мы съ тобой, ой какъ закутимъ! Каждый день у насъ супецъ будетъ: горячій, наварный, вкусный.

Дѣвочка недовѣрчиво на него посмотрѣла.

— Каждый день? усумнилась она.

— Каждый день. И платьице я сошью тебѣ новое, да не одно, а цѣлыхъ пять платьевъ—и ситцевыхъ, и шерстяныхъ, и всякихъ.

— Ты вотъ такое сдѣлай, какъ у мамы, вотъ такое.

Она показывала пальчикомъ на портретъ, что висѣлъ на стѣнѣ—и такъ не шелъ ко всему остальному убранству. Въ дорогой рѣзной черной рамѣ рисовалась прелестная головка. Губки улыбались такой свѣтлой, сіяющей улыбкой. Въ глазкахъ было столько блеска,

Digitized by Google

доброты, ласки. Платье на ней было открытое кружевное, съ большимъ букетомъ цвѣтовъ на плечѣ. И до чего она была похожа на дочь!

— Дѣда, такое, такое платье,—лепетала внучка, проводя ладонью по стеклу.—Пожалуйста, чтобы было совсѣмъ этакое-же.

— И такое сдѣлаемъ, — согласился дѣдъ. — Эхъ, Лизуточка, хоть-бы немножко, хоть вотъ капельку, самую каплюшечку улыбнулось-бы намъ счастье. Многимъ оно дается,—а насъ-то вотъ съ тобой и обошло...

— Развѣ мы такіе гадкіе, дѣда?..

— Ты-то хорошая, вотъ я, должно быть, гадкій.

— Нѣтъ, дѣда, ты хорошій, ты чудесный, лучше тебя никого нѣтъ.

Дѣвочка обвила его шею своею пухленькой рученкой.

— Ну, о чемъ-же ты плачешь, дѣда? не надо плакать, не смѣй! Если будешь плакать, и я заплачу.

Онъ спустилъ внучку съ рукъ, и смахнулъ наскоро слёзы

— И не плачу я, совсѣмъ не плачу,—весело заговорилъ онъ,—и не о чемъ мнѣ плакать, когда у насъ есть картофель и яица, и все, что угодно. Вѣдь поваръ-то я всамомдѣлишный. Смотри-ко, какъ я тебѣ все приготовлю,—пальчики оближешь...

Онъ сбросилъ пальто и быстро сталъ перебирать пакетики.

— А что тутъ есть! лукаво заговорилъ онъ, развертывая пакетикъ, на которомъ была бумага потоньше,—только это надо послѣ котлетокъ.

— А что, что тамъ?

Digitized by Google

— Тамъ? Однимъ глазкомъ только позволю взглянуть,—однимъ глазкомъ только.

— Ну!

Она защурила одинъ глазъ и отъ этого бровь такъ смѣшно у нея наморщилась.

— Мармеладъ! крикнула она, и захлопала въ ладоши.—Дѣда, одну теперь,—всего только одну мармеладинку.

— А потомъ котлетку будешь кушать?

— Буду.

— Ну, такъ вотъ тебѣ двѣ. А что за это надо сдѣлать?

— Дѣда! милый!

И дѣвочка, подпрыгнувъ, повисла на шеѣ стараго дѣда

* * *

Всю ночь не спалъ старикъ. Не могъ—сна не было. А давно онъ не проводилъ такой чудесной ночи. Ночныя тѣни пугали его. Все эти стоны мерещились, и весь этотъ ужасъ. И потомъ мучила его мысль—ну что-же съ дѣвочкой-то будетъ? Ну какъ онъ воспитаетъ ее—да и будетъ-ли онъ въ силахъ? Старый такой онъ сталъ, и ноги и руки плохо что-то слушаются,—и ревматизмъ проклятый, и все. Ну, да и жизнь-то впроголодь даетъ себя знать. Да что онъ! Все это вздоръ! Пожилъ на своемъ вѣку много, много видѣлъ. Жена была,—молодою еще совсѣмъ потерялъ ее. Потомъ дочку выростилъ—красавицу, умницу, талантливую. Замужъ выдалъ—зять умеръ. Думалъ все-же старость провести въ покоѣ: денегъ у дочери много, хозяйствомъ заниматься времени ей нѣтъ,—а онъ это хорошо умѣетъ. И такъ-бы онъ вѣкъ-то свой прожилъ чудесно,—и вдругъ на-ко..

Digitized by Google

Онъ сидитъ теперь у кроватки Лизуты. Спитъ она, щечки розовыя пышутъ. Пухленькая бѣлая грудка открыта и колышется на ней отъ дыханія рубашенка

— Эхъ, внученька, Лизуточка,—кабы мать была жива, не въ этой бы толстой рубашенкѣ ты ходила, а въ батистѣ, да въ шелку. Нигдѣ-бы твое нѣжное тѣльце не терла эта дерюга. Привыкла ты, ничего иного и не знаешь. А все я, старый, виноватъ,—ну не умѣю ничего дѣлать, не умѣю...

Не по силамъ на него свалилась задача, совсѣмъ не по силамъ. Былъ бы молодъ—кажется въ крючники бы на барку пошелъ, только бы каждый день копейки въ домъ приносить. А что же дѣлать, какъ вся сила ушла на кутежи, да всякую гадость. Вѣдь кабы знать, да вѣдать для чего силы-то хранить надо...

Вотъ спитъ Лизуточка. Счастлива, что мармеладу поѣла. Много-ли для счастья-то ей надо! Ахъ, хоть бы такъ-то какъ теперь жизнь пошла, здоровья бы побольше, здоровья! А ну какъ онъ теперь заболѣетъ, да умретъ, - что тогда! На кого тогда эта розовенькая дѣвочка останется, да что съ ней будетъ!.. Ахъ, и думать-то не надо... Отъ одной думы голова расколоться хочетъ...

Ну, да вотъ теперь поддержка: жалованье будетъ. Ну, небольшое: ну сорокъ—даже тридцать рублей,—и то̀ хлѣбъ, да еще какой хлѣбъ-то! Много-ли имъ нужно, много-ли?..

И ночь сѣрѣть начинаетъ, и сквозь коленкоровую шторку яснѣе и яснѣе проступаетъ переплетъ окна. Голубые волнующіеся лучи тихо вползаютъ въ комнату, смутно играя то̀ тамъ, то̀ тутъ на неясно—проступающихъ сквозь полумракъ предметахъ. И гонятъ эти лучи ночныя тѣни, и какъ-то свѣтлѣе становится не

Digitized by Google

только въ комнатѣ, но и на душѣ, и не текутъ такъ обильно слезы по морщинистымъ щекамъ.

— Надя, Надя! шепчетъ онъ передъ портретомъ,— не могу я ничего больше сдѣлать,—не въ силахъ,— ужъ ты прости меня...

* * *

Въ десятомъ часу утра пришелъ вчерашній мальчикъ изъ театра, и сказалъ, что Иванъ Ѳедоровичъ приказали безпремѣнно явиться въ одиннадцать часовъ на репетицію: вечеромъ играть надо.

— Видите, видите! говорилъ Петръ Кириловичъ хозяйкѣ:—вотъ вамъ и служба моя началась,—вотъ ужь и по начальству меня требуютъ.

Онъ кутилъ во всю. Утромъ у нихъ былъ кофе со сливками и масломъ. Отъ трехъ рублей осталось только семьдесятъ двѣ копѣйки. Да вѣдь надо же разговѣться внучкѣ.

— Ты, дѣда, что-же,—скоро придешь? говорила она подставляя свои щечки для поцѣлуевъ.

— Скоро, милая, какъ удосужусь—такъ сейчасъ.

— Смотри—съ мармеладомъ!

Онъ чуть не въ припрыжку побѣжалъ по улицѣ. Морозецъ пощипывалъ, рыжее пальтишко грѣло скверно. Истопить потомъ надо дома, а то Лизутка зазябнетъ.

Иванъ Ѳедоровичъ встрѣтилъ его даже ласково. Руки обѣ пожалъ.

— Ну, вотъ, родной мой, спасибо за аккуратность,— спасибо, что во-время пожаловали. Вотъ что, батенька: сыграйте-ко вы статую командора сегодня. У насъ «Каменный гость»,—и командора нѣтъ. Вы мужчина видный: хорошо у васъ выйдетъ.

Курепинъ смутился немного.

— Старъ я сталъ, Иванъ Ѳедоровичъ.

Digitized by Google

— Да вѣдь и командоръ не молоденькій, родной мой.

— Такъ-то-такъ—да пожалуй не выстою—шелохнусь, плохо дѣло будетъ!

— Ничего, потерпите: долго-ли стоять-то. И голосъ у васъ глухой, старческій: самое настоящее дѣло. Не упрямьтесь для перваго знакомства...

Если бы не это «первое знакомство»—онъ навѣрно отказался бы. Но теперь невозможно, неловко. Вдругъ разсердится Иванъ Ѳедоровичъ, и отъ мѣста откажетъ. Да и три рубля впередъ взято.

— Хорошо, Иванъ Ѳедоровичъ, — что-же дѣлать— сыграю.

— Ну, и спасибо,—премного обязанъ,—сейчасъ мы и репетицію начнемъ.

Вокругъ старика все были незнакомыя лица. Изъ прежнихъ его сослуживцевъ никого не было: либо перемерли, либо разъѣхались по столицамъ. Только одинъ и былъ старый знакомецъ—Сморчковъ, вынырнувшій въ концѣ репетиціи изъ-за кулисы.

— Эгэ, братецъ, и ты сюда примазался,—заговорилъ онъ, пожимая ему руку и склабясь такъ, что весь до половины беззубый ротъ былъ виденъ. Те-те-те, — ты не въ мои-ли соперники...

— Ну, милый, не великая честь твоимъ соперникомъ-то быть,—отвѣтилъ Курепинъ, ощущая невообразимый запахъ водки, которой насквозь былъ пропитанъ его собесѣдникъ.—Я тебѣ въ конкуренты нейду.

— Ну, это вы — ахъ оставьте: нутромъ чувствую, что здѣсь не безъ подвоха. Свинью мнѣ подложить собрались...

Курепинъ покачалъ головою.

— И совсѣмъ-то ты такимъ-же остался, какимъ

Digitized by Google

былъ прежде: невозможнымъ человѣкомъ,—всюду тебѣ козни мерещатся...

— Ты зубы-то не заговаривай, — меня, братъ, не проведешь — воробей стрѣляный. А ты лучше, по добру по здорову проваливай отсюда. Въ одной берлогѣ намъ не ужиться. Чего глаза-то выпучилъ? Слово тебѣ даю, что не жить тебѣ здѣсь.

— Ну, что мнѣ съ тобой разговаривать...

Курепинъ поворотился и хотѣлъ пойти, но Сморчковъ загородилъ дорогу.

— Ты думаешь, я забылъ, какъ ты спустилъ меня со второго этажа изъ окна? Ты полагаешь, я забылъ это? Нѣтъ, душенька, я все это помню, отлично помню. И если прежде боялся твоихъ кулаковъ, такъ теперь тебя, старой рухляди, не боюсь. Теперь мой праздникъ!

Этотъ лысый, ехидно-разинувшій ротъ человѣчекъ былъ теперь чудесной моделью для дьявола, самаго подлаго дьявола, готоваго на всякую пакость.

— Пусти,—глухо заговорилъ Курепинъ.—Дѣлай, что хочешь, я отсюда не уйду. Пусти, мнѣ на сцену надо.

— А! ты не уйдешь, ты не уйдешь! Ну, хорошо: иди на сцену, только долго-ли ты пробудешь—посмотримъ. Статуя командора! Скажите, какая честь!.. Ну, посмотримъ, посмотримъ...

* * *

Вражда между ними была давнишняя. Началась она съ того, что жена Сморчкова, когда ее билъ мужъ, убѣгала къ Курепинымъ. Въ концѣ концовъ онъ довелъ ее до сумасшедшаго дома. Курепинъ былъ старше его гораздо, и сильнѣе и крупнѣе. Ненавидѣлъ его Сморчковъ всѣми силами души. Разъ, выпивши, Курепинъ его предупредилъ:

Digitized by Google

— Слушай, Митька, — ты мнѣ на глаза не попадайся, когда я не въ своемъ видѣ. Я тебя побью вѣдь, ей-Богу, побью. Ты самъ знаешь за что: за всѣ твои подлости и мерзости. Вѣдь стòитъ тебя побить, право стòитъ. Я по-дружески тебя предупреждаю: ой, избѣгай меня!

Сморчковъ не остерегся.—Пили какъ-то послѣ спектакля, и много пили. Сморчковъ сталъ подсмѣиваться надъ Курепинымъ: «поборникъ, молъ, правды». Курепинъ взялъ его въ охапку и выбросилъ изъ окна. Комикъ пролетѣлъ полторы сажени и сѣлъ прямо въ бурьянъ, чтò росъ возлѣ дома. Дня четыре рука у него не поднималась, да нога все забирала въ сторону,— а потомъ прошло. Но въ головѣ его засѣла ненависть, самая черная ненависть къ Курепину. Онъ иногда ночью спрыгивалъ съ постели, когда слишкомъ ясно передъ нимъ возставала знакомая сцена: свѣчи, бутылки, прокуренный воздухъ, полупьяныя лица; и вдругъ все это колесомъ вертится, мигъ одинъ — и онъ въ бурьянѣ, на него смотритъ желтая луна, въ кустахъ трещатъ стрекозы, а наверху изъ окна слышится смѣхъ, и шумъ, и говòръ...

Порою онъ представлялъ себя жестокимъ мстителемъ: кинжалъ, плащъ, широкая шляпа и узкій переулокъ. Лужа крови и адскій хохотъ,—непремѣнно адскій хохотъ. Были минуты, когда онъ дѣйствительно былъ бы не прочь на преступленіе. Зарѣзать, разорвать, задушить...

А теперь—теперь этого не надо. «Онъ» безсильный, дряхлѣющій старикъ. Гдѣ ему бороться! Теперь-то его и давить, и давить. Чувство мести съ годами-то хоть и поуспокоилось, и никакихъ убійствъ уже и въ голову-то ему не приходило, но прежнее ощущеніе, дав-

Digitized by Google

нишнее желаніе удовлетворить обиду все-таки осталось...

Это отлично понялъ Курепинъ. Онъ шелъ домой обезпокоенный. Его не радовали семьдесятъ копеекъ, что бренчали на днѣ его широкаго кармана. Онъ машинально купилъ орѣховъ и изюму для внучки и пришелъ къ ней не такой, какъ вчера.

— Ну, что ты! Что съ тобой!—лепетала она, теребя его рученками за щеки.—Отчего ты вчера другой былъ?

Онъ смотрѣлъ прямо ей въ глазки, въ эти чудесные, чистые, милые глазки и такія смутныя мысли волновали его:

«На кого ты, дьяволъ, покушаешься, на кого?—думалъ онъ.—На этого ангела, ребенка милаго, чудеснаго.—Да нѣтъ-же, не дамся я, не дамся, нѣтъ,—я буду, я буду стоять на своемъ, ну что-же, что̀ онъ мнѣ можетъ сдѣлать? Ничего! Вѣдь не отравитъ-же онъ меня, а ко всѣмъ его подлостямъ я совсѣмъ равнодушно относиться буду».

И онъ старался успокоиться, онъ силился себѣ представить, что все хорошо и благополучно. А между тѣмъ его руки дрожали, въ головѣ путалось. Вмѣсто радужныхъ цвѣтовъ все стало сѣренькимъ, аппетита не было никакого. Роль, — тѣ нѣсколько словъ, что говоритъ командоръ, — заучивалась такъ туго. Его безпокоило именно, что это была статуя, что тутъ гораздо больше можно подвести актеру каверзъ, чѣмъ въ любой живой роли. И сердце такъ сжималось, зубы стискивались, и даже на ласки Лизуты онъ не могъ отвѣчать какъ всегда...

* * *

Весь вымазанный мѣломъ, въ картонномъ плащѣ, стоялъ онъ передъ ржавымъ зеркаломъ и вглядывался

Digitized by Google

въ глупую фигуру. Бѣлки глазъ стали совсѣмъ красные, отъ контраста съ бѣлой штукатуркой щекъ. Силы его окончательно оставляли. Колѣни тряслись, мечъ въ рукѣ ходуномъ ходилъ. И на сценѣ-то онъ давно не былъ, да и этотъ Сморчковъ...

А народу тьма-тьмущая—бенефисъ чей-то. За кулисами особенное бенефисное оживленіе. Плотники, и тѣ словно попригладились. Въ уборныхъ на столахъ водка и закуска. Сорокапятилѣтній Донъ-Жуанъ, изрядно подвыпившій, мрачно смотритъ въ пространство, покручивая наклейные усы. Пахнетъ жирными красками, лакомъ, пивомъ и табакомъ. Старый, давно ему знакомый запахъ...

У лѣсенки уборной встрѣтился ему Сморчковъ.

— Хи-хи! засмѣялся онъ. — Позвольте поздравить съ первымъ дебютомъ. Какъ-то васъ публика вызывать будетъ...

Онъ ничего не отвѣтилъ, а осторожно переступая, чтобы не продавить плаща, пошелъ на сцену.

Его уставили на прочной тумбѣ. Онъ укрѣпился потверже и началъ креститься.

— За Бога взялся! — слышится сзади ироническій возгласъ комика.

Но онъ ничего не слышитъ. Онъ знаетъ только, что тамъ, въ сѣренькомъ домѣ, сидитъ у столика съ орѣхами и изюмомъ розовенькая дѣвочка и разсказываетъ хозяйкѣ: «Теперь дѣда въ театрѣ стоитъ и представляетъ статую...» У него теперь ужь нѣтъ того клокотанья въ груди, онъ будто и вправду окаменѣлъ.

«Скрѣплюсь, скрѣплюсь,—думаетъ онъ. Нельзя такъ жить. Я старый огарокъ, — нельзя-же такъ догорать,

Digitized by Google

горѣть во всю, и день, и ночь, постоянно. На кого моя былиночка останется?..»

Суетня у его ногъ затихаетъ, плотники разбѣгаются по мѣстамъ. Авансцена пустѣетъ. Вотъ занавѣсъ поднимается, вздрагивая и неловко подбираясь.

Онъ чувствуетъ свое глупое положеніе. Стоять всю картину для того, чтобы два раза кивнуть головой... Какъ будто нельзя было поставить куклу...

Но дѣлать нечего, приходится стоять и слушать жаркое объясненіе Донъ-Жуана:

...Мнѣ? мнѣ молиться съ вами, донна Анна...

«Эхъ, посмотрѣла бы теперь на меня Лизута. Выдержу, выдержу, не шелохнусь, небось...»

* * *

И чувствуетъ онъ передъ глазами какую-то сѣтку— не то пыль идетъ сверху, не то другое что сыплется. Такъ, немножко, струйкой такой, и разобрать нельзя что такое...

А наверху, сидя на корточкахъ, на колосникахъ, старается Сморчковъ. У него въ рукѣ табакерка. Онъ тихонько вынимаетъ щепотку за щепоткой и «солитъ» сверху своего врага, стараясь сыпать ему передъ самымъ носомъ. Мальчишка-плотникъ тутъ-же улыбается во весь ротъ, съ восторгомъ предвкушая результатъ такого маневра.

— Шалишь, не выдержишь! радостно бормочетъ Сморчковъ. — Табакъ особенный, для тебя спеціально на Дворянской улицѣ покупалъ.

И онъ все подбавляетъ щепотки. Теперь онъ ловко намѣтился, прямо въ цѣль попадаетъ.

Щекочетъ въ переносьи у старика. Чихнуть хочется, онъ сдерживается по мѣрѣ силъ, старается ртомъ ды-

Digitized by Google

шать, но и въ ротъ лѣзетъ этотъ проклятый табакъ, першитъ его, давитъ. Хорошо, что подъ толстымъ слоемъ мѣла не видно тѣхъ гримасъ, что творитъ онъ. «Лиза, Лизуточка, — да что-же со мной дѣлаютъ, ну помоги, помоги мнѣ старому, — вѣдь нельзя-же такъ...»

Слава Богу — сцена подходитъ къ концу, — вотъ Лепорелло стоитъ передъ нимъ.

...Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра
Придти попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери...

Курепинъ качнулъ головой. Отъ этого движенія все погибло — удержаться нельзя было — и онъ чихнулъ.

Вся зала покатилась со смѣху. Нельзя не смѣяться, — вѣдь смѣшно: статуя чихаетъ...

А сверху его кто-то поздравилъ:

— Брысь!

«Лизута, Лизута, — ну что-же, все погибло и выгонятъ меня, и выбросятъ отсюда... Все-таки ты изюмцу поѣла...»

Но вотъ второй разъ надо кивнуть. Уже не все-ли равно! И началъ онъ чихать, чихать и чихать...

Подъ этотъ адскій хохотъ опустили занавѣсъ. Донъ-Жуанъ съ перекошеннымъ лицомъ кинулся на него.

— Вы что, вы это что! захрипѣлъ онъ, хватая его за грудь.

— Пусти! прочь! крикнулъ Курепинъ и вся прежняя сила снова проснулась въ немъ. Онъ отшвырнулъ трагика на сажень отъ себя и, шатаясь, пошелъ къ кулисамъ.

— Брысь, брысь! захохоталъ на него изъ кустовъ Митька.

— А, ты здѣсь!

Digitized by Google

Онъ схватилъ его за горло, повалилъ, и самъ всею тяжестью навалился сверху, какъ былъ въ картонномъ плащѣ и шлемѣ. Этотъ шлемъ скатился съ его головы и обнаружилъ рѣдкіе, сѣдые, крутившіеся колечками волоса.

Къ нимъ кинулись, ихъ стали растаскивать. А за занавѣсомъ шелъ тотъ-же гамъ хохота и рукоплесканій. Кого-то вызывали, что-то кричали;— и было такъ смѣшно, и такъ безконечно весело.

* * *

Опять тѣ-же ночныя сумрачныя тѣни, и опять возлѣ убогой дѣтской кроватки сидитъ старикъ. Онъ смотритъ на разметавшуюся, сбросившую одѣяло дѣвочку, съ розовыми губками, и слезы текутъ по щекамъ, горькія, отчаянныя слезы.

«Опять нищенствовать, опять голодать? Впереди ничего, ничего! Блеснула надежда, блеснула на минуту—и опять безпросвѣтная тьма. Принести развѣ углей, да на французскій манеръ и покончить? И Лизутѣ... Ну зачѣмъ жить ей? Вѣдь завтра опять не будетъ ни орѣшковъ, ни изюмцу...»

А дѣвочка словно чуетъ, что недоброе что-то творится, — такъ и мечется по постели...

Къ утру онъ забылся. Онъ очнулся на стукъ въ дверь. Онъ отодвинулъ задвижку. Передъ нимъ стоялъ театральный мальчикъ.

— Иванъ Ѳедоровичъ на репетицію приказали къ часу, — и вотъ велѣли передать.

Онъ подалъ нѣсколько тетрадокъ.

— Потому господина Сморчкова выгнали,—это его роли...

— Мнѣ?

Digitized by Google

Мальчикъ повернулся и ушелъ. Старикъ долго стоялъ недвижно посреди комнаты, — потомъ опомнился и оглядѣлся вокругъ.

Было уже совсѣмъ свѣтло. Ночныя тѣни исчезли. Дѣвочка спала попрежнему сладко и безмятежно...

1886 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

МЕРТВЕЦЫ МОРЯ.

(Изъ путевыхъ записокъ).

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

то было въ Константинополѣ. Я пріѣхалъ туда съ своимъ пріятелемъ, нѣмцемъ-архитекторомъ, посланнымъ академіею для усовершествованія. Что̀ можетъ быть ужаснѣе нѣмца-архитектора! Онъ не признавалъ ни жара, ни лѣни, ни хорошенькой женщины. Онъ чуть не съ первыми лучами солнца схватывалъ свой ящикъ съ медовыми красками, и бѣжалъ куда-то вдаль по кривой улицѣ. къ немалому соблазну константинопольскихъ собакъ. Возвращался онъ домой уже къ вечеру, съ вытянутою, усталою физіономіею, но совершенно довольный «мотивами», набросанными въ альбомъ, въ тотъ альбомъ, что мы вмѣстѣ съ нимъ, за мѣсяцъ передъ тѣмъ, покупали на Невскомъ у Беггрова. Онъ былъ, кажется, очень доволенъ пребываніемъ на Босфорѣ, и ему не было ни малѣйшаго дѣла до того, что между нами и Петербургомъ три тысячи верстъ. Онъ мечталъ о томъ, какъ мы проберемся въ старыя Аѳины и будемъ мѣрить колонны какого-то храма, по его мнѣнію не достаточно тщательно вымѣреннаго, хотя я увѣренъ, что другіе нѣмцы, раньше его, исполнили это съ самою

Digitized by Google

аптекарскою добросовѣстностью. Онъ не пропускалъ ни одного момента для рисованія, и мнѣ кажется, что даже въ седіи, — томъ паланкинѣ, что носится вмѣсто извозчиковъ по улицамъ Константинополя, и который такъ походитъ на наши кузовки каруселей, скрипящихъ на Пасхѣ возлѣ балагановъ, — даже въ этой седіи, не смотря на то, что въ ней качаетъ какъ въ яликѣ подъ пароходомъ, хотя носильщики-гамалы и силятся подражать иноходцамъ,—даже тутъ мой архитекторъ успѣвалъ что-то такое замѣтить черезъ маленькія окна экипажа. Меня всегда тошнило отъ этого способа передвиженія, а онъ чувствовалъ только разыгрывающійся аппетитъ, и пожиралъ обѣдъ съ жадностью готтентота.

Пока онъ рыскалъ вокругъ Ая-Софіи, я безцѣльно блуждалъ по улицамъ, думая о томъ, нельзя-ли проникнуть въ какой-нибудь гаремъ, въ который, очевидно, мужчины проникали не будучи евнухами, ибо едва-ли парижскіе художники, наполняющіе ежегодно salon гаремными жанрами, состояли при сералѣ въ этой компрометирующей каждаго порядочнаго мужчину должности. Я покупалъ на базарѣ всякую дрянь, какія-то туфли, кружева, бусы, фески, кольца, которыя долженъ былъ всенепремѣнно доставить въ Петербургъ разнымъ тетушкамъ и кузинамъ, воображающимъ, что путешествуютъ спеціально для того, чтобы наводнять Петербургъ этимъ хламомъ. Вскорѣ мой сундукъ переполнился и сталъ походить на коробъ кіевской жидовки, которая развозитъ по помѣщикамъ разное тряпье, увѣряя, что оно контрабандою перешло прямо изъ Парижа къ ней въ руки. Наконецъ, все это мнѣ надоѣло до нельзя. Солнце стало печь возмутительнымъ образомъ, я буквально задыхался, и какъ рыба, вытащенная на берегъ,

Digitized by Google

раскрывалъ и захлопывалъ ротъ, ругая своего пріятеля самыми изысканными выраженіями. А онъ суслилъ свои кисти и утѣшалъ:

— Погоди, пріѣдемъ въ Аѳины, еще жарче будетъ.

Кончилось тѣмъ, что я, раздѣтый, цѣлые дни лежалъ на диванѣ и читалъ Эдгара Поэ во французскомъ переводѣ, котораго мнѣ любезно преподнесъ нашъ лакей. Когда я дошелъ до пресловутаго разсказа о спускающемся маятникѣ, мнѣ показалось, что этотъ роковой инструментъ—мой милый товарищъ, и что если онъ не кончитъ своихъ вѣчныхъ шатаній въ Ая-Софію, то я умру отъ одного ожиданія инаго, болѣе свѣтлаго будущаго.

II.

Намъ прислуживалъ французъ, хорошій малый, но безъ правой руки. Сперва я думалъ, не прусская-ли бомба такъ подшутила надъ нимъ. Но оказалось нѣчто совсѣмъ иное.

Въ промежуткѣ между болѣзненнымъ бредомъ Эдгара Поэ и сномъ, я всегда разговаривалъ съ этимъ чудеснымъ провансальцемъ. Онъ хорошо говорилъ, толково и образно. Такъ рѣдко кто говоритъ. Онъ повидалъ много кой-чего: плавалъ матросомъ, былъ поваромъ у консула, показывалъ на улицѣ фокусы, собирался даже поступить въ циркъ, но его не приняли именно за его уродство, хотя онъ и обѣщалъ играть на скрипкѣ на полномъ скаку лошади, да еще прыгать черезъ обручи. И не смотря на такое обиліе талантовъ, онъ былъ все-таки честнѣйшій человѣкъ, и я убѣжденъ, что онъ не укралъ-бы двугривеннаго, еслибы его сдѣлать кассиромъ какого угодно общества.

Онъ много разсказывалъ эпизодовъ изъ своей ски-

Digitized by Google

тальческой жизни. Но когда разъ я спросилъ у него, при какихъ обстоятельствахъ онъ лишился руки, брови его сдвинулись, глаза потухли, губы сжались, и даже съ полныхъ щекъ сбѣжала краска.

— Я никогда объ этомъ не говорю,—пояснилъ онъ, и сразу, очень круто повернулъ разговоръ въ другую сторону.

Я мало заинтересовался его тайною. Ну, не все-ли мнѣ равно, отчего онъ потерялъ руку! Не хочетъ говорить, и не надо. Ну, драма, такъ драма—и Богъ съ нимъ. Мало-ли драмъ ежедневно творится на бѣломъ свѣтѣ. И всѣ онѣ похожи другъ на друга, и вездѣ человѣческое отчаяніе одинаково, и кажется, пора-бы ужь привыкнуть къ непрочности земной жизни, ни надъ чѣмъ не ахать, ничему не удивляться. Если Тюрбо не хотѣлъ сказать, значитъ имѣлъ причины.

И онъ продолжалъ мнѣ передавать разныя константинопольскія сплетни, очень смѣшныя и интересныя, пересыпая разсказъ чисто-французскимъ перцомъ. Онъ меня очень потѣшалъ и забавлялъ. Я, право, совсѣмъ подохъ-бы отъ скуки безъ него...

Наконецъ, желанный день наступилъ. Мой пріятель заявилъ, что завтра мы двигаемся въ Грецію, и въ послѣдній разъ бултыхнулся въ свою седію. Тюрбо помогалъ мнѣ укладывать весь скарбъ, и оказался, не смотря на отсутствіе главнаго органа хватанія, куда искуснѣе и расторопнѣе меня. Разговоръ опять перешелъ на его ампутацію, и онъ, только-что высказавшій свое горе по поводу моего отъѣзда, вдругъ рѣшился стать со мною откровеннымъ. И онъ мнѣ сообщилъ то, о чемъ онъ не только никому не разсказывалъ, но даже не любилъ вспоминать, и гналъ всякую мысль, всякое воспоминаніе объ этомъ ужасномъ обстоятельствѣ.

Digitized by Google

III.

— Шесть лѣтъ назадъ, началъ онъ, — я служилъ во французской мореходной компаніи, и одно время мнѣ довелось все вертѣться около одного мѣста—между Суэцомъ и Константинополемъ. Я на всѣ руки, чего-чего я только не дѣлалъ. Подолгу я никогда ничѣмъ не занимался, а все какъ-то порывами, такова натура. Въ то время я въ водолазы пошелъ. Начитался подводныхъ путешествій, и потянуло меня на дно моря.

Вы, сударь, и представить не можете этого ощущенія. Если-бы не проклятыя акулы, право, это было-бы чуть-ли не лучшею прогулкою, какую только можно выдумать. Это такая, доложу вамъ, декорація, какой никогда Парижу не выдумать, не поставить ни на какой сценѣ. И все, что̀ рисуютъ на этотъ счетъ, повѣрьте, чепуха и вздоръ. А вотъ, если-бы вы увидѣли этотъ густой зеленый слой воды и солнечные лучи, что бьютъ насквозь, такъ вы-бы поняли, что̀ это такое. И вы не думайте, что тамъ темно! Какое! Свѣтло какъ днемъ, ну, совсѣмъ, совсѣмъ свѣтло вокругъ васъ метровъ на сто. И рыбы вокругъ... А это ужь совсѣмъ особенное ощущеніе! Угорь, такой бѣловатый вьюнъ, плыветъ какъ ласточка, — вотъ когда она крылья распластаетъ, не дрогнетъ ими, а ее несетъ куда-то. Потомъ вдругъ вильнетъ хвостомъ, и кверху, только и видѣли. Потомъ тригла: ее еле изъ колпака взглядомъ поймаешь, не только-что словить чѣмъ, вотъ ужь какъ птица-то мимо васъ летаетъ! А подъ ногами песокъ, чистый, яркій, гладкій, какъ асфальтъ, и бѣлый-бѣлый. Отъ него-то и свѣтъ подъ водою, отдаетъ онъ солнечные лучи. А вокругъ утесы, и губки,

Digitized by Google

и мхи какіе-то, и раковины, и растенія такія узкія, длиннолистыя, съ тонкими усиками, и усики шевелятся, и вокругъ нихъ кишатъ и краббы, и раки, и пауки, и всякая погань...

Ну, просто не ушелъ-бы. Движенія совсѣмъ не такія, какъ здѣсь, на землѣ, и тяжесть всякая легче. А за то работать, я вамъ скажу: пять минутъ за два часа покажется. Потомъ, какъ на верхъ поднимутъ, дохнешь морскимъ холодкомъ, и спишь какъ убитый. Какъ пьянаго качаетъ, когда отвинтятъ этотъ шаръ, что на голову надѣтъ. Да это все ничего. Всякое дѣло полюбить можно. Но только вотъ здѣсь, на этомъ Босфорѣ, нырять,—ну, нѣтъ, слуга покорный...

И опять у него лицо помертвѣло. Онъ отеръ крупный холодный потъ, выступившій на лбу, и голосъ его вдругъ упалъ.

— Затонуло тутъ одно судно нашей компаніи. Небольшое, но дорогое, хорошее. Всѣхъ спасли, а за то машина и все какъ есть пошло ко дну. Стали думать, нельзя-ли вытащить какъ-нибудь. Первымъ долгомъ слѣдуетъ осмотрѣть, что̀ и какъ. Сейчасъ меня за бока̀. Я готовъ. Глубина небольшая, вода чистая, дно тоже. Отчего-же и не полюбопытствовать. дѣло привычное.

Собрался я нырять, а мнѣ шутя и говоритъ юнга:

— Хоть-бы спрутъ тебя напугалъ когда какой, а то лѣзешь ты на дно, точно на свиданіе къ невѣстѣ.

Я еще захохоталъ ему въ отвѣтъ, спрашиваю:

— Что-же, отъ тебя кланяться тамъ?

Снарядили меня, перелѣзъ я черезъ бортъ и нырнулъ подъ воду. Ждутъ, нѣтъ сигнала, стали тащить, тяжело что-то. Однако вытащили. Безъ чувствъ, какъ пластъ лежу. Откупорили меня. Въ обморокѣ—и рука

Digitized by Google

сломана. На днѣ-ли сломалъ, или когда вытаскивали грѣхъ случился—неизвѣстно.

IV.

Еле я пришелъ въ себя. Я не могъ передать того, что̀ увидѣлъ. Это было настолько ужасно, настолько невозможно, что я думалъ объ этомъ какъ о горячечной галлюцинаціи. Самому больному воображенію ничего такого не могло присниться. Я только могъ повторять:

— Тамъ, тамъ... нѣтъ, не надо... не надо...

Пришлось отправить вмѣсто меня другого, а меня свезли въ лазаретъ. Но и тутъ, на койкѣ, то-же видѣніе стояло предо мною, и я рвался и метался на койкѣ.

Только не бредъ это былъ, не видѣнье. Это правда была. Тотъ, кто былъ тамъ, подъ водою, послѣ меня, видѣлъ то-же. И тотъ, какъ ни былъ приготовленъ ко всему, не выдержалъ, и съ ужасомъ ринулся на поверхность. И ни одинъ водолазъ не могъ осмотрѣть положенія судна, потому что ни одинъ не могъ остаться въ этомъ проклятомъ и Богомъ, и дьяволомъ мѣстѣ.

Тюрбо̀ тяжело перевелъ дыханье.

— Вы только представьте. Когда я спустился на дно, метрахъ въ десяти отъ затонувшаго парохода, когда я повелъ глазами, мнѣ показалось, что вокругъ ростетъ кустарникъ какихъ-то мягкихъ коралловъ, или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Ближайшій размахивалъ медленно своими склизкими отростками, будто обнималъ меня. Я взглянулъ на него внимательнѣе и прянулъ въ сторону, какъ отъ удава.

Это былъ человѣкъ, или если не человѣкъ, то адское подобіе его. Весь распухшій, посинѣлый, съ толстыми

Digitized by Google

вздувшимися пальцами, онъ покачивался передо мною, скаля зубы. Онъ стоялъ совсѣмъ прямо, только слегка колыхался, надвигаясь на меня все ближе, и ближе. И на щекѣ, возлѣ уха, сидѣли два рака, жирныхъ, черныхъ, крѣпко впившись въ него и слегка пошевеливая хвостами...

Я оторвалъ глаза отъ своего сосѣда, а рядомъ стоялъ другой, низенькій, сѣденькій совсѣмъ, толстый, полунагой, съ оттопыренными налившимися бѣлыми губами, и поднималъ высоко свои коротенькія ручки, точно ловилъ мелкую рыбу, что беззаботно сновала мимо. Этотъ еще быстрѣе двигался на меня.

А сзади, вокругъ — наростали новыя и новыя фигуры, безформенныя, студенистыя. У иныхъ густыя косы, какъ волосатики, вились вокругъ головъ. Насколько хваталъ глазъ, стояло это войско, эта армія мертвецовъ, и всѣ они поднимали руки, и колыхались, и шли на меня...

Я думалъ, что брежу, я не могъ ни двинуться, ни крикнуть, а они все наступали, и кольцо ихъ становилось все тѣснѣе и тѣснѣе. Все быстрѣе они колыхали руками, все больше кивали головою, и сѣрые, съ открытыми глазами, скучивались все больше...

Наконецъ, они наплыли ко мнѣ со всѣхъ сторонъ и обняли меня; тотъ слабый свѣтъ, что лился ко мнѣ черезъ маленькое стеклышко шлема, сталъ тускнѣть, застилаться, все стало мутнымъ, въ ушахъ раздался разомъ звонъ колоколовъ и бой молотовъ, и я упалъ на это тинистое дно, на какую-то студенистую массу, теряя сознаніе, чувствуя, что въ меня вонзаются чьи-то зубы, что меня раздираютъ на части...

Digitized by Google

V.

Я не знаю, отчего сломана моя рука. Зацѣпилась-ли она за какой обломокъ, или другое-что вывернуло ее,—только доктора нашли нужнымъ ее отрѣзать. Но я не чувствовалъ ни докторовъ, ни боли, я видѣлъ опять ихъ, и опять они протягивали ко мнѣ свои руки...

Потомъ докторъ осторожно объяснилъ мнѣ, что это отнюдь не была галлюцинація. Нашъ пароходъ затонулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно свершалось правосудіе: сюда кидали осужденныхъ на смерть. Въ прежнее время, говорятъ, это дѣлалось въ зашитыхъ мѣшкахъ. Но и здѣсь прогрессъ—вѣдь Турція тоже европейское государство. Мѣшковъ жалко. Изъ нихъ просто вытряхиваютъ несчастныхъ жертвъ, и онѣ идутъ съ гирями на ногахъ ко дну, очищая путь кому-то другому, котораго быть можетъ не-сегодня-завтра отправятъ сюда-же...

Но количество этихъ труповъ ужасно. Право, недурно было-бы сюда спуститься европейскому конгрессу дипломатовъ въ подводномъ колоколѣ, да посмотрѣть на конституціонное государство. Вѣдь эти трупы—все недавнее прошлое. Вѣдь раки находятъ ихъ еще вкусными, и такъ они тамъ и стоятъ, и шевелятъ опухлыми руками...

И до сихъ поръ ни одинъ водолазъ не полѣзетъ въ этомъ мѣстѣ въ воду...

* * *

Когда на слѣдующій день нашъ пароходъ двинулся въ путь, разрѣзая острымъ носомъ спокойную влагу Босфора, меня не манила волшебная панорама берега. Всѣ эти сады, мечети, кіоски такъ обыкновенны, зау-

Digitized by Google

рядны. Я смотрѣлъ сквозь лазурныя прозрачныя волны, и мнѣ казалось, что мертвецы моря колышатся тамъ внизу подъ нами, и поднимаютъ съ мольбою кверху свои руки. А мой товарищъ съ аппетитомъ ѣлъ буттерброды, запасливо изготовленные дома искусною рукою Тюрбо, и перелистывалъ альбомъ, испещренный очень интересными архитектурными мотивами, за которые его непремѣнно должна была достойно увѣнчать академія.

Февраль 1887 г.

Digitized by Google

ОБИТЕЛЬ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Вы извольте пожаловать въ обитель, потому ворота послѣ заката у насъ запираютъ.

Я глянулъ на говорившаго. Сѣденькая бородка распласталась вѣеромъ поверхъ старой рясы, не то что порыжѣвшей, а какъ-то позеленѣвшей. Прищуренные глазки смотрятъ вяло, хотя конецъ носа задоренъ и тянется вверхъ. Черный клобукъ съѣхалъ нѣсколько назадъ. Пухлыя ручки съ невычищенными ногтями покоются на брюшкѣ, раздутомъ скорѣе отъ постной трапезы, чѣмъ отъ невоздержанія.

— Иначе чрезъ ограду лѣзть придется,—продолжалъ онъ,—платье у васъ городское—изъянъ причинить себѣ можете. Въ оградѣ есть кладбищенскій садикъ, тамъ посидите, коли желательно, на могилкахъ.

— Красивое у васъ мѣсто, батюшка: любуюсь.

Онъ тускло повелъ глазами вокругъ.

— Многіе одобряютъ. Губернаторша Сенегалова у насъ были, такъ онѣ въ бинокль долго на воду смотрѣли. Ночью на ту сторону ѣздили и костеръ раскладывали. Потомъ отца игумена очень благодарили. «Благодарю васъ, говорятъ, — за пріятный ландшафтъ». Мы-то поприглядѣлись, насъ это не тѣшитъ... Ну, а какъ вамъ насчетъ снѣди? внезапно прибавилъ онъ.

Digitized by Google

— Плохо. Ѣсть совсѣмъ нельзя. Хорошо, что съ собою прихватилъ, а то у васъ здѣсь отощаешь.

— А вы какой супъ хлебать изволили?

— Три супа подали; попробовалъ всѣ, но ѣсть не рискнулъ. Привычка къ нимъ нужна, батюшка.

— Повара плохи,—съ соболѣзнованіемъ проговорилъ онъ, похлопывая себя по желудку.—Особливо вамъ, не провинціаламъ, а пріѣзжимъ изъ Санктъ-Петербурга, гдѣ столько соблазновъ и развлеченій по кулинарной части, какъ напримѣръ ресторацiи или благородные и дворянскіе клубы... Опять-же въ иныхъ монастыряхъ у монаховъ имѣются закуски, хотя-бы и холодныя: держатъ подъ поломъ, или въ выдвижныхъ подоконникахъ. У насъ ничего такого нѣтъ. Ежели попадетъ кому коробка сардинокъ или килекъ, то развѣ жертвованная доброхотными дателями. У насъ тихо,—затишье полное. Обуреваемся скорбями, и только.

— Скорбями?

— Да. Скорбей у инока много. Вамъ, свѣтскому человѣку, и не представить сколько.

— Какія-же это скорби?

— Разныя. Вотъ, напримѣръ, сапоги.

— Ну? Что-же это за скорбь?

— Вы вотъ въ Санктъ-Петербургѣ, коли у васъ сапогъ износится, идете въ гостиный дворъ въ лавочку, и кончено дѣло. А у насъ! Сапожниковъ въ округѣ нѣтъ. Ждешь, ждешь, покуда придетъ въ обитель. Въ прошломъ годѣ жилъ здѣсь два мѣсяца отставной унтеръ-офицеръ Никита Завёрткинъ. Прекраснѣйшимъ образомъ точалъ, и товаръ ставилъ соотвѣтствующій. Пришелъ къ Петрову дню. Я говорю: обувь нужна. А игуменъ говоритъ: «Есть тебя постарше, обождешь».

Digitized by Google

Сточалъ онъ игумену, сточалъ казначею. Я опять: «Въ подмёткахъ, говорю,—просвѣты». — «Положить ему заклёпки временно!» Къ Ильину дню еще три пары сшилъ послушникамъ, что̀ при казначеѣ, а я все въ заклёпкахъ. Ахъ, Мать Честна̀я! Спасъ прошелъ, другой Спасъ—всѣмъ нашили. Обрадовался я, прихожу къ Завёрткину: «Теперь, говорю,—моя чреда». Да у меня, говоритъ,—ужь товара нѣтъ, и разсчетъ я получилъ, и ухожу завтра! Ну, какъ-же не скорбь! только къ Покрову и соорудилъ обувь...

Онъ сердито запустилъ пальцы въ бороду и сталъ почесывать ее съ такимъ чувствомъ, словно гребень уже нѣсколько недѣль не прогуливался по ней.

— А монастырь, батюшка, у васъ старый?

— Монастырь старый. Такой старый, что никто о немъ ничего не помнитъ — забыли. Тутъ одинъ ученый, года два назадъ, пріѣзжалъ. Не молодой ужь, въ очкахъ. «Я, говоритъ,—по порученію высшаго начальства, хочу исторію вашего монастыря писать». Ему библіотекарь говоритъ: помилуйте, у насъ никакой исторіи нѣтъ, и не было никогда. «Гдѣ, говоритъ,—у васъ документы?». И пошелъ рыться. Всѣхъ мышей изъ библіотеки разогналъ. Сердится: «отчего вы, говоритъ,—кошекъ не держите: всѣ документы мышами поѣдены». А зачѣмъ намъ кошки, когда эти мыши только въ библіотекѣ и жили, а въ кельяхъ ихъ и не было! Однако, настоятель нашъ сейчасъ-же распорядился и послалъ за котятами въ деревню. Теперь у насъ, изволите видѣть, ихъ стадо цѣлое, такъ какъ, по приказанію настоятеля, котятъ не топятъ, хотя женскій полъ слѣдовало-бы удалять.

— Такъ исторію обители и не написали?

— Нѣтъ, написали.

Digitized by Google

— Какъ-же безъ документовъ?

— Да такъ, больше по догадкамъ. Обитель основана неизвѣстно когда и неизвѣстно кѣмъ, но надо полагать въ глубокую древность. Документы, относящіеся къ старинѣ, неизвѣстно кѣмъ уничтожены, а древнія постройки неизвѣстно кѣмъ перестроены.

— Что̀-же, и напечатали эту исторію?

— Напечатали съ рисунками. Очень сердился ученый касательно перестроекъ. У насъ, изволите видѣть, былъ цѣлый рядъ строителей, замѣнявшихъ игуменовъ. И всѣ они заботились о благолѣпіи. Увидятъ старый иконостасъ, да и подговорятъ благодѣтеля жертву устроить: золотомъ его залѣпить. Иной купецъ обрадуется—все золотомъ залѣпитъ. Потомъ старыя стѣны замажутъ и новою живописью покроютъ. Ужь этотъ ученый ковырялъ-ковырялъ тутъ стѣны-то. Вы, говоритъ, разбойники: современною мазнею древнюю иконопись закрыли; а почемъ мы знаемъ, древняя иконопись хороша-ли: вся почернѣла, только глаза̀ маленичко и видны. Алтарь осматривалъ: «эти, говоритъ,—стѣны шестнадцатаго или пятнадцатаго вѣка. А что̀ у васъ въ подвалахъ?» А тамъ настойку изъ разныхъ травъ производятъ съ лѣкарственными цѣлями. Лазарета у насъ нѣтъ, а простуды на водѣ бываютъ особливо осенью. Отецъ библіотекарь сконфузился: «тамъ безъинтересно, милостивый государь, лучше сходимте на колокольню, гдѣ громомъ монаха одинъ разъ убило: только-что началъ звонить къ вечерни, разъ ударилъ, вдругъ молнія блеснула, громъ—и на повалъ: только веревка почернѣла». А тотъ разсердился: «Я хочу, говоритъ,—не наверхъ, а внизъ». Пошли. Отецъ библіотекарь хотѣмъ туловищемъ прикрыть бутыли, а тотъ замѣтилъ, кричитъ: «это должно быть нынѣшняго сто-

Digitized by Google

лѣтія, надо изслѣдовать». И потомъ каждый вечеръ такъ въ подвалѣ и сидѣлъ.

— А у васъ строго насчетъ наливокъ?

Онъ поглядѣлъ на меня испытующе.

— Какъ вамъ сказать... Вѣдь цѣлебно дѣйствуютъ. Ежели умѣренно, да съ молитвою... Кто-же говоритъ, если неумѣренно, то это не резонъ. Въ прежнее время, при настоятелѣ Антоніи, точно, бывалъ грѣхъ. Вонъ изволите видѣть деревеньку по ту сторону озера. Туда иные переплывали вечеромъ на гулянку, но гуляли тихо и мирно. Однако, одинъ, нѣкій Григорій, потонулъ. Вздумалъ на двѣ версты разстоянія вплавь — у челнока весла оказались убранными, ну и пошелъ ко дну: разгоряченъ былъ, а вода холодная. Это чуть-ли не единственный случай смерти. А вообще-то у насъ въ обители и не умираютъ.

— А какъ-же?

— Переводятъ въ другіе монастыри, либо уходятъ въ лѣчебницу въ городъ. Строитель Антоній собирался было школу и больницу устроить—у него была страсть къ строительству, да не вышло какъ-то, не разрѣшили.

— Отчего?

— Не разрѣшили-то? Да въ сомнѣніе впали. У насъ монастырь въ ту пору былъ, что твои арестантскія роты: ссылали за провинности не токмо монашествующихъ, но и бѣлое духовенство. Такихъ дьяконовъ и поповъ наслали на исправленіе, что не знали куда дѣваться; соблазнъ великъ. Тутъ надо было-бы глазъ да глазъ, да воля желѣзная, а Антоній былъ строительствомъ обуреваемъ и на все сквозь пальцы смотрѣлъ, — ну ему и говорятъ: «Хорошему ты дѣтей обучишь, какая тамъ школа; знай свои постройки, и кончено дѣло».

Digitized by Google

— И много онъ настроилъ?

— Страсть. Все старое переломалъ. Этотъ самый ученый слышать о немъ не могъ. Я бы, говоритъ, его въ Березовъ на покаяніе; онъ хуже Батыя: тотъ съ завоевательными цѣлями дѣйствовалъ, а этотъ съ безразсудными. Антоній, точно, больше наломалъ, чѣмъ настроилъ; все къ архіерею писалъ, благословенія просилъ на строеніе. Тотъ ему и пишетъ: «Сколько я тебѣ въ годъ передаю благословеній, а у тебя въ монастырѣ все больше мусора, чемъ построекъ». У насъ окна въ соборѣ были узенькія, малыя, какъ на всѣхъ староновгородскихъ постройкахъ, а онъ широченныя пробилъ— тройка проѣдетъ! Затѣялъ баню строить, чтобы тридцать человѣкъ сразу могли мыться, и все хотѣлъ липовый полокъ сдѣлать, да нигдѣ въ окружности хорошей липы не нашелъ, такъ баню и не достроилъ — перевели его. А новый игуменъ—Гермогенъ, тотъ не восхотѣлъ ничего оканчивать, превратилъ баню въ амбаръ, а монастырскія деньги пустилъ въ обороты. Казну нашу онъ очень преумножилъ, такъ какъ всѣхъ ссужалъ, ежели кто былъ человѣкъ вѣрный. Ну, а потомъ его за это самое перевели. На полтора года прибылъ къ намъ изъ-подъ Суздаля Тихонъ; этотъ только на одно пѣніе обращалъ вниманіе, и очень запустилъ гостинницу; столько развелось клоповъ, что коли кто изъ-помѣщиковъ побогаче ѣдетъ, тамъ наканунѣ стѣны дѣвка ошпаритъ и далматскимъ порошкомъ сплошь усыплетъ—тогда только и можно спать. И такъ удивительно: какъ Тихонъ ушелъ отъ насъ, такъ и клопы ушли.

— Ну, а нынѣшній игуменъ?

— Нынѣшній въ монастырѣ не живетъ: онъ обитаетъ въ двухъ верстахъ отсюда, на скотномъ дворѣ.

— Какъ такъ?

Digitized by Google

— Не могу вамъ доподлинно сказать, почему онъ не восхотѣлъ здѣсь жить. Тамъ оно, точно, помѣщеніе богатое, привольное. Вотъ извольте посмотрѣть влѣво отсюда пригорокъ: тамъ скотный дворъ и есть. Большою любовью игуменъ къ сельскому хозяйству надѣленъ. Такихъ коровъ завелъ, что ахнешь только. Идетъ—гора горою. Опять-же куры. Мохнатыя такія: словно въ штанахъ по двору ходятъ. Потомъ голуби—на подборъ. Ихъ гонять онъ очень любитъ. Скворцы у него чудесные. Огородъ какой, садъ, кабы вы посмотрѣли! Каждой ягоды пудовъ по сту.

— Продаете?

— Нѣтъ. Все ему варенья варятъ. Ужь не знаю, что онъ съ ними дѣлаетъ: съѣсть нѣтъ никакой возможности. Вотъ еще на-дняхъ изъ Санктъ-Петербурга отъ торговой фирмы Штоль и Шмидтъ прислали пудъ глицерина.

— Это зачѣмъ-же?

— А онъ на глицеринѣ варенье варитъ: сиропъ гуще и не засахаривается. Очень возможно, что тутъ, какъ говорятъ, кроется и коммерческое предпріятіе, но я склоняюсь къ другому объясненію: безконечное радушіе и гостепріимство. У него ни одинъ посѣтитель безъ баночки не уйдетъ: хоть фунтовую, да вручитъ каждому. Благочинному, архіерею—всѣмъ онъ разсылаетъ, даже въ столицу отправляетъ. Тамъ есть отъ нашего монастыря часовня, такъ при ней въ подвалѣ очень много вареній сложено для благодѣтелей, которые вклады дѣлаютъ.

— Ну, а вообще дѣла какъ идутъ при этомъ игуменѣ?

— Ничего, жаловаться грѣхъ. Свободно стало. Онъ только однажды въ день сюда со скотнаго пріѣзжаетъ...

— Батюшка, запираю! раздался сзади голосъ.—Это

Digitized by Google

отставной, усатый солдатъ, съ огромнымъ ключемъ въ ружахъ, затворялъ визжавшія на ржавыхъ петляхъ ворота.

Мы встали со скамеечки. Вода померкла, дальній берегъ затянулся дымкою. Замокъ щелкнулъ два раза. Старикъ запряталъ куда-то ключъ и перекрестился на всѣ стороны.

Какъ небо глубоко и сине! Какая благоуханная, раздражающая прохлада, какъ широко она разлилась въ ночномъ воздухѣ! И звѣзды зажглись надъ головою: вотъ одна, другая, третья...

Августъ 1886 г.

Digitized by Google

ИЗЪ СТАРЫХЪ СКАЗАНІЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Давно, давно это было. Всюду шумѣли дѣвственные лѣса пальмы и бука, переплетенные цѣпями ліанъ. Бѣдные люди жались въ гористыхъ ущельяхъ, поддерживая скудный огонь во тьмѣ мрачныхъ пещеръ. Тогда табуны дикихъ коней носились по тучнымъ пажитямъ невоздѣланныхъ земель. Стихійные боги одни только и являлись человѣку, грозно вставая изъ пѣны водопада, или изъ полымя разгорающагося костра. Ихъ чуяли смутно младенческимъ духомъ люди въ косматыхъ одеждахъ, стройные, сильные, неустрашимые, трепетавшіе только передъ чернымъ щитомъ луны, закрывающимъ солнце, и передъ грознымъ перекатомъ грома въ облачныхъ высяхъ, когда могучій тучегонитель полосовалъ своими огненными стрѣлами накаленный воздухъ.

Но тамъ, на югѣ и на востокѣ, въ горячихъ полуденныхъ странахъ, гдѣ въ бирюзовыя рѣки смотрѣлись дивныя деревья, гдѣ лѣса дымились опьяняющимъ благоуханіемъ таинственныхъ травъ, гдѣ яркія птицы, какъ живые цвѣты, кружились и переливались въ изумрудной чащѣ, тамъ боги были милостивѣе къ человѣку, и онъ воспрянулъ духомъ, воспрянулъ — и покорилъ

Digitized by Google

себѣ и птицъ, и звѣрей и даже этихъ боговъ, испуганныхъ неожиданною силою, тоже божественною, того маленькаго смѣлаго существа, что въ скорлупахъ переплывало моря, со дна его набирало жемчугъ, и мчалось въ бой на разукрашенныхъ золотомъ слонахъ...

Не было тамъ, на югѣ, богаче, счастливѣе, могучѣе однаго царства, на много дней пути тянувшагося на востокъ. Едва путникъ вступалъ въ его границы, какъ уже чувствовалъ онъ, въ какую необычную страну пришлось ему зайти. На ступеняхъ бѣло-мраморнаго храма стоялъ жрецъ въ бѣлой одеждѣ, опершись на высокій посохъ, и съ тихою ласкою благословлялъ пришельца.

— Да благословятъ тебя боги! говорилъ онъ, возлагая руки на его голову.—Если съ чистымъ сердцемъ и безгрѣшнымъ помысломъ пришелъ ты къ намъ, то пусть страна наша, какъ родная, приметъ тебя на свое лоно и напитаетъ тебя тѣмъ млекомъ, что̀ одно даетъ и жизнь, и силу, и счастье.

И онъ подавалъ гостю маленькое полукруглое блюдце съ сухими покоробленными золотыми листочками. Гость бросалъ щепотку листьевъ на треугольный жертвенникъ, листья коробились еще больше, и отъ нихъ голубыми клубами поднимался тонкій дымокъ. Онъ окутывалъ гостя какъ облакомъ, и тотъ вдыхалъ его живительный ароматъ полною грудью. Глаза̀ его расширялись, румянецъ сильнѣе вспыхивалъ на побѣлѣвшихъ отъ усталости щекахъ, кровь живѣе струилась по жиламъ, а въ груди что-то весело начинало и пѣть, и радостно плакать. Храмъ становился еще праздничнѣе, красивѣе, выше. Лицо жреца становилось еще добрѣе, а черные глаза его еще болѣе проникали въ душу На темени пришельца лежала его ладонь, и изъ нея струилась такая прохлада, такое умиротворяющее спокой-

Digitized by Google

ствіе, что, казалось, всей прежней жизни какъ-бы не бывало, а есть одно радужное сіяніе, одно счастіе, одна жизнь, вотъ здѣсь, въ этой странѣ свѣта и блеска.

* * *

И гость вступалъ съ своимъ караваномъ, если тò былъ купецъ, или одинъ, если онъ былъ одинокій путникъ,—вступалъ съ весельемъ въ городъ черезъ широкіе ворота храма. Усталости какъ не бывало. Жаръ, истома отъ пути, голодъ—все это мгновенно прошло, отъ одной маленькой лепешки, отъ какого-то шарика, чтò далъ проглотить ему тотъ-же жрецъ. Блестящими глазами смотритъ онъ на серебристые фонтаны, на пурпурныя ткани, распластавшіяся въ воздухѣ надъ верандами, на колесницы съ бѣлыми конями, быстро несущіяся по широкимъ площадямъ, на этотъ красивый, счастливый, спокойный народъ, гордо, неторопливо идущій по улицамъ. И точно каждое лицо съ полнымъ самодовольствомъ говоритъ: вотъ, глядите, каковы мы, и нѣтъ въ мірѣ иной земли, нѣтъ въ мірѣ ничего лучшаго, какъ здѣсь, у насъ, въ нашей благословенной странѣ!

И говорятъ они пришельцу:

— Мы сильны и славны. Мы безконечно сильны нашимъ единствомъ, нашею любовью другъ къ другу. Мы любимъ всѣхъ людей, домà наши—домà нашихъ гостей. Мы богаты—потому что намъ ничего не надо. Мы ничего не ищемъ, потому что природа сама даетъ намъ все,—а все, чтò дается намъ—мы беремъ. Все красиво у насъ, божественно-чудно. Это потому, что мы боговъ носимъ въ себѣ; мы творимъ только прекрасное, потому что ничего безобразнаго мы не признаёмъ. Человѣкъ—это часть божества, какъ и весь міръ—это только капля крови въ огромномъ тѣлѣ. Ра-

Digitized by Google

дуйся, путникъ, что божество привело тебя къ намъ, и если хочешь—входи сюда полноправнымъ гражданиномъ. Мы не народъ, мы святое братство. Хочешь быть братомъ для насъ, оставайся; не хочешь,—мы наполнимъ виномъ твои мѣха, и ты уйдешь съ благословеніями и пожеланіями добраго пути.

И почти всегда случайный путникъ оставался въ счастливой странѣ, перевозилъ туда и жену, и дѣтей. А если дѣла звали его неотступно на родину, то покончивъ ихъ, онъ опять рвался всѣми силами души въ этотъ дивный, чудесный край.

* * *

Однажды, въ ясное, прозрачное утро, пришелъ туда путникъ. Онъ былъ пѣшій. Ни осла, ни верблюда не видѣлось за нимъ. Но усталости на лицѣ его не было и слѣда. Онъ пришелъ царственною, гибкою походкою, слегка опираясь на тонкое копье. Бѣлая, золототканая одежда его не была въ пыли; и щитъ, и лукъ небрежно были заброшены за спину. Сандаліи свѣжи и не стерты. Черныя кудри разсыпались по плечамъ, а глаза смотрѣли не то гордо, не то насмѣшливо. Онъ не былъ юноша, не похожъ былъ и на мужа. По алымъ губамъ его ползала полускрытая улыбка. Когда жрецъ простеръ къ нему руки съ привѣтствіемъ, въ немъ замѣтно было колебаніе: подойти или не подойти. Онъ подошелъ, однако, и склонился передъ старцемъ, и листьевъ бросилъ на жертвенникъ.

— Куда лежитъ путь твой? спросилъ старецъ.— Не хочешь-ли отдохнуть и пожить у насъ?

— Нѣтъ, отецъ, не собираюсь,—отвѣтилъ незнакомецъ.—А куда лежитъ путь мой, не все-ли тебѣ равно?

— Не все-равно. Я могу тебѣ быть въ чемъ-нибудь

Digitized by Google

полезнымъ. У тебя нѣтъ коня, я тебѣ могу дать. Нашъ народъ помогаетъ пришельцамъ.

Незнакомецъ покачалъ головою.

— Я хочу свободы! Я не хочу никакихъ связей и обязательствъ. Вѣдь я, за ваши дары, долженъ быть вамъ благодарнымъ? А я не хочу имѣть никакихъ долговъ. Я никому не долженъ ничего.

— Мы не нуждаемся въ твоей благодарности,— укоризненно замѣтилъ жрецъ.—Мы хотимъ, чтобы всѣ были счастливы и свободны.

— И ты стоишь здѣсь каждый день и благословляешь пришельцевъ? Эту обязанность наложило на тебя государство?

— Да. сынъ мой!

— Это рабство. Каждый день, едва розовая заря помчится по небу, ты уже здѣсь?

— Я служу свободѣ.

— Это рабство. Всякое служеніе—рабство.

— Ты играешь словами, пришлецъ!

— А ты чувствами, старикъ. Чѣмъ ты лучше раба, который обязанъ обжигать кирпичи? Онъ обожжетъ ихъ извѣстное число въ день, а ты извѣстное число путниковъ благословишь. Рабъ счастливѣе тебя. Его мускулы заняты, а умъ свободенъ. Онъ беретъ въ руки глину, а самъ летитъ мыслью за предѣлы мірозданья. А ты—ты цѣлый день не допускаешь въ своемъ мозгу спокойнаго цвѣтенія мысли. Въ твою душу постоянно врываются посторонніе образы. Можешь-ли ты проникнуться силою творческой мечты? Нѣтъ. Ты утѣшаешься тѣмъ, что посвятилъ себя на высокое служеніе любви къ людямъ. Нуждаются-ли они въ ней? Вотъ мнѣ—мнѣ не нужна твоя любовь. Любишь-ли ты, нѣтъ-ли—не все-ли мнѣ равно? Солнце свѣтитъ такъ-же

Digitized by Google

ясно, птицы поютъ также звонко, тигръ такъ-же свирѣпъ, а собака такъ-же ласкова. Отъ твоей любви и ненависти міръ не измѣнится. Что̀ твои слова, что̀ твои чувства?

* * *

У пропилей храма собралась толпа. И старцы, и юноши, и женщины яркимъ моремъ цвѣтовъ переливались въ этомъ живомъ потокѣ. Всѣ слушали незнакомца. Онъ говорилъ такъ спокойно, все съ тою-же полуулыбкою. Только голосъ его все крѣпчалъ, и глаза порою вспыхивали презрительнымъ, надменнымъ пламенемъ.

— Зачѣмъ придаете вы значеніе,—говорилъ онъ,—всякимъ словамъ, и дурнымъ, и хорошимъ? Что̀ такое слова̀? Это звукъ, это потрясеніе воздуха. Не все-ли равно, тѣ или иные звуки раздаются? Такъ-же безслѣдно исчезнутъ они, какъ молнія, какъ эти облака, что вонъ тамъ несутся надъ нами. Гдѣ они будутъ завтра? Кто ихъ вспомнитъ? Кто о нихъ будетъ плакать? Зачѣмъ-же вы плачете надъ словомъ, зачѣмъ вы смѣетесь словамъ? Вы радуетесь, воздвигнувъ эти храмы, но вѣдь этихъ храмовъ не будетъ, вѣдь и они сотрутся съ лица земли, исчезнутъ, какъ и слова̀ ваши,—только они нѣсколько дольше сло̀ва продержатся. А что̀ такое «дольше»? Не все-ли это равно? Для васъ это еще разница, а для божества, вмѣщающаго весь міръ, все одно мгновенье.

Толпа молчала. Жрецъ поднялъ голову.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ,—весь міръ дѣлится на двѣ части: на хорошее и дурное, на прекрасное и гнусное, на свѣтъ и тьму. Мы дѣти свѣта, мы стремимся къ добру и ненавидимъ зло. Это такъ просто.

Незнакомецъ засмѣялся.

Digitized by Google

— А кто вамъ сказалъ, что все, что вы творите — добро? проговорилъ онъ.—Можетъ быть вы во тьмѣ? Быть можетъ вы заблуждаетесь жестоко? Быть можетъ главное зло - ваша вѣра.

Ахнула въ ужасѣ толпа. Взоры всѣхъ устремились къ могучей статуѣ, возсѣдавшей за алтаремъ. Она смотрѣла грозно, руки сжимали судорожно жезлъ, брови были сдвинуты и насуплены.

* * *

— Боги сами пришли къ намъ, заговорилъ жрецъ,— сами открылись намъ въ таинственныхъ проявленіяхъ всѣхъ стихій. Они царятъ надъ нами, покровительствуютъ намъ. Мы имъ молимся, какъ молились наши отцы и дѣды.

— Они уйдутъ,—безжалостно продолжалъ незнакомецъ.—уйдутъ такъ-же, какъ пришли. Они обратятся въ ничто, въ пыль и прахъ, какъ и ваши храмы, какъ и весь вашъ городъ. Смотрите, какое ликованье. Дымъ отъ душистыхъ куреній, цвѣты... Цвѣты къ вечеру завянутъ, и ихъ швырнутъ въ огонь. Дымъ, о которомъ я говорилъ, гдѣ онъ? Его уже нѣтъ, это другіе, новые клубы.—А! вотъ, я вижу, несутъ черезъ площадь покойника... Стройная, печальная музыка... Это вдова, должно быть, плачетъ? А когда ее понесутъ такъ-же, она не заплачетъ, а только черви въ землѣ будутъ радоваться новой добычѣ. И музыка эта улетаетъ въ воздухъ безслѣдно Будетъ время, здѣсь будутъ другіе звуки... Вокругъ будутъ лежать обломки, обломки— много всякихъ обломковъ. и голова вашего божества, что такъ сердито хмурится тамъ, упадетъ на землю съ отбитою щекою... А по нимъ, среди раскаленной пыли, будутъ ходить шакалы, и выть, не находя добычи. И змѣи, шипя, поползутъ по лицу вашего божества, и

Digitized by Google

страусъ будетъ ронять перья на обломанные жертвенники...

— Уходи, грозный пророкъ, произнесъ жрецъ. — Уходи скорѣе, не смущай нашего ликованья.

— Я не пророкъ, отвѣтилъ пришелецъ,—я только говорю, что̀ думаю, а думаю то, что̀ подсказало мнѣ божество...

— Демоны подсказали это тебѣ! крикнулъ жрецъ.— И неужели нашъ могучій владыко неба не уничтожитъ тебя, дерзновеннаго? Смотри, какъ онъ воззрился на тебя. Смотри, сейчасъ дрогнетъ перунъ въ его рукѣ...

Толпа въ ужасѣ отступила, но незнакомецъ улыбался, опираясь такъ-же спокойно на копье.

— Онъ меня не уничтожитъ! проговорилъ онъ.

* * *

— Уходи, продолжалъ жрецъ. — Мы счастливы и свободны. Мы довольны жизнью и міромъ. Мы любимъ, и полны любовью.

— Вы несчастны! возразилъ путникъ. — Я жалѣю васъ. Я уйду, потому что не привыкъ жить въ клѣткахъ. Я привыкъ къ простору и свободѣ. А есть-ли у васъ свобода духа, когда вы всѣ прикованы къ вашей вѣчной заботѣ о счастьѣ? Вы въ каждомъ шагѣ, въ каждой мысли отдаете себѣ отчетъ. Вы воздвигаете дворцы и храмы, затрачиваете свою мысль на созданье какихъ-то колоннъ и ступеней. Вы несчастны!

И онъ сталъ спускаться отъ жертвенника внизъ, къ толпѣ.

— Незнакомецъ, остановись! раздалось за нимъ.

Онъ оглянулся. Жрецъ опять протягивалъ къ нему руки,—чело его разгладилось.

— Возвратись! говорилъ онъ.—Останься съ нами. Выбери прекраснѣйшую изъ женъ въ подруги. Красота

Digitized by Google

ея очаруетъ тебя, убаюкаетъ тихимъ, счастливымъ сномъ. Женская любовь очиститъ тебя.

— Красота! засмѣялся путникъ.—Красота въ природѣ. Море, отъ котораго вы ушли въ эти стѣны на много часовъ пути—вотъ красота. Лазурныя небеса—вотъ красота. На нихъ если набѣжитъ сумракъ бури, такъ потомъ они кажутся еще невиннѣе и чище. А женщина? Слѣды времени изглаживаются-ли съ ея лица? Нѣтъ, тѣ борозды неизгладимы...

И онъ сталъ еще быстрѣе спускаться внизъ.

— Остановись, звучало сзади его.—Куда ты идешь? въ пустыню! Человѣкъ могучъ только сплоченою массою, одинокій онъ болѣе жалокъ и безпомощенъ, чѣмъ любое животное... Примкни къ людямъ!

Онъ уже сошелъ на дорогу. Взгляды толпы сосредоточились на немъ. Сколько тутъ было дивныхъ, глубокихъ женскихъ глазъ, сверкавшихъ огнемъ распаляющей страсти.

— Здѣсь скучно и душно, пожавъ плечами сказалъ онъ, остановившись въ послѣдній разъ.—Живите подъ покровительствомъ вашихъ божествъ, я васъ не осуждаю. Любите другъ друга, быть можетъ это и лучше, чѣмъ ненавидѣть. Но не будьте тиранами: не заставляйте всѣхъ подчиняться вашей любви.

* * *

Онъ пошелъ тою-же гибкою, свободною походкою, не оглядываясь, не ускоряя шагъ. Золотою звѣздою горѣлъ на его спинѣ щитъ и скользилъ перебѣгающими лучами по безмолвной толпѣ. Въ дымкѣ яркаго дня онъ долго былъ видѣнъ, пока, наконецъ, не пропалъ гдѣ-то вдали, словно потонулъ въ сизомъ туманѣ.

— Кто-же это былъ передъ нами? съ трепетомъ спросилъ жрецъ.

Digitized by Google

Отвѣта не было. Толпа будто окаменѣла. Только огромное изображеніе божества, съ уходомъ незнакомца, словно съежилось, потускло. Гнѣва не было и слѣда на грозномъ челѣ: что-то робкое, какое-то пугливое недоумѣніе разлилось по всему изваянію.

И такъ это выраженіе навсегда и осталось на немъ.

Digitized by Google

ТАЙНА ЮЛІЯ ѲЕДОРОВИЧА.

(Страница изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Digitized by Google

Digitized by Google

Юлія Ѳедоровича была тайна — это внѣ всякаго сомнѣнія. Насъ, дѣтей, было пятеро, и мы всѣ отлично знали, что Юлій Ѳедоровичъ человѣкъ таинственный. Хотя онъ и не носилъ чернаго плаща со шпагою (что̀, по нашимъ понятіямъ, каждый человѣкъ, имѣвшій адскія откровенія, долженъ былъ дѣлать), но за то лицо его было положительно таинственно. Онъ былъ у насъ гувернеромъ, очень милымъ и хорошимъ гувернеромъ, и мы его ужасно любили. Онъ былъ очень веселый нѣмецъ; не смотря на̀ шестьдесятъ лѣтъ, онъ прыгалъ за нами по саду, какъ жеребенокъ, зарывался въ сѣно съ головою и вылѣзалъ изъ копны на четвереньках, игралъ на гребенкѣ вальсы, самъ танцовалъ, показывая, какъ танцуютъ въ Ригѣ, — ну, словомъ, общій былъ любимецъ. Но какъ только наступалъ четвергъ, онъ дѣлался торжественно-серьезнымъ: онъ надѣвалъ, послѣ утреннихъ классовъ, чистые воротнички и рукавчики, приглаживалъ фиксатуаромъ циплячій пухъ, росшій у него на затылкѣ, бралъ въ руки палку и исчезалъ до обѣда. У него выговорено было это время, и никакая погода, никакая слякоть, никакой морозъ не

Digitized by Google

могли остановить его. Возвращался онъ необыкновенно веселымъ, нѣсколько краснѣе обыкновеннаго, начиналъ дурачиться и шалить на пропалую, пускать необычайныхъ величинъ змѣевъ, устраивать торжественныя шествія съ фонарями, или учить кошку прыгать черезъ обручи.

* * *

Куда онъ скрывался? Старая няня говорила, что онъ ходитъ къ «своимъ нѣмцамъ» въ гости. Почему-же онъ ходилъ такъ ненадолго, и главное—по буднямъ, передъ обѣдомъ. Ну, какіе-же нѣмцы въ будни, передъ обѣдомъ, станутъ ходить другъ къ другу? И отчего онъ возвращается такимъ веселымъ. Сестра моя Катя рѣшила, что его кормятъ гдѣ-то молочною лапшею, которую онъ очень любитъ, отъ того онъ такъ и веселъ.

Порою мы спрашивали у maman, куда онъ ходитъ? Но ее этотъ вопросъ очень мало интересовалъ; она всегда отвѣчала:

— Да что̀ намъ за дѣло? Онъ человѣкъ свободный, куда хочетъ, туда и идетъ.

Такое объясненіе насъ не удовлетворяло.

* * *

Наконецъ, однажды, старшій братъ Николай заявилъ намъ, что онъ знаетъ все: тайна была проникнута.

Мы обступили его въ дальнемъ углу гостиной, дрожа отъ страха, ожидая открытія давно волновавшаго насъ обстоятельства.

— У Юлія Ѳедоровича, торжественно проговорилъ Николай,—есть погребъ съ деньгами, и онъ ходитъ ихъ зарывать.

Мы такъ и онѣмѣли отъ этого открытія.

— Кто тебѣ сказалъ? Почему ты думаешь?

Digitized by Google

— Слушайте. Сегодня я подсмотрѣлъ сборы Юлія Ѳедоровича. Онъ взялъ въ портъ-моне десять рублей и лопату...

— Лопату, какую лопату?

— Нашу дѣтскую, изъ подъ лѣстницы. Онъ взялъ ее очень осторожно, чтобы никто не видѣлъ, и назадъ поставилъ такъ-же тихо. Я видѣлъ, какъ онъ незамѣтно несъ ее подъ полою черезъ площадь. Утромъ она была совсѣмъ чистая, блестящая, а теперь,—посмотрите.

Онъ повелъ насъ подъ лѣстницу и показалъ лопату. Къ ней была приставши свѣжая, рыхлая, черная земля; этою землею пахло въ чуланѣ очень сильно.

— Такъ онъ кладъ копитъ! изумились мы.

— Кладъ! Я, когда онъ вернулся, нарочно посмотрѣлъ ему въ кошелекъ: тамъ осталось только рубль двадцать копеекъ. А вѣдь онъ ничего не купилъ, ничего не принесъ. Рубль двадцать копеекъ онъ оставилъ себѣ на табакъ, а остальное зарылъ.

Сомнѣнія у насъ больше не было.

* * *

Но скоро намъ пришлось разубѣдиться въ этой геніальной догадкѣ. Не смотря на самыя тщательныя наблюденія, мы не могли подмѣтить, чтобы онъ когда-нибудь бралъ съ собою лопатку: очевидно это было только одинъ разъ. Хотя сестра Катя рѣшила, что онъ копаетъ землю просто руками, но это предположеніе отвергли единогласно, зная чистоплотность Юлія Ѳедоровича и его на-рѣдкость вылощенные ногти. Впрочемъ, разъ онъ опять возбудилъ въ насъ подозрѣніе касательно копанья, потому что мы замѣтили на его свѣтлыхъ панталонахъ большое земляное пятно, увидѣвъ которое онъ очень сконфузился и тотчасъ пошелъ

Digitized by Google

мѣнять брюки. Отчего-же это пятно? Это не уличная грязь, а настоящая земля, вотъ что̀ бываетъ на грядахъ.

Необычайная веселость Юлія Ѳедоровича по четвергамъ приходила не сразу. Когда онъ возвращался, онъ входилъ, быстрою, неровною походкою и былъ сосредоточенъ. И только потомъ, побывъ немного въ своей комнаткѣ, онъ уже выходилъ въ шаловливомъ настроеніи.

Разъ, возвратившись въ обычный часъ и торопливо проходя въ двери, онъ вдругъ пошатнулся, да такъ, что пришлось ухватиться за косякъ. Не успѣй онъ ухватиться—онъ грянулся-бы на полъ. Постоявъ съ минуту, онъ закрылъ лицо, и совсѣмъ пошатываясь прошелъ къ себѣ.

— Да онъ пьетъ! радостно сообразилъ Коля.—Его шатаетъ отъ наливки. Здѣсь онъ пить не смѣетъ, и ходитъ въ гостинницу. Вотъ куда и деньги идутъ.

— А земляныя пятна на панталонахъ? спросилъ я.

— А это онъ лежитъ на улицѣ, пока его будочникъ не подниметъ...

Самъ Николай чувствовалъ, что онъ хватилъ черезъ край. Никто не хотѣлъ вѣрить, что Юлій Ѳедоровичъ пьетъ.

— Однако, онъ по четвергамъ красный, стоялъ на своемъ Николай.

— Такъ не въ баню-ли онъ ходитъ? спросила Катя.

— Съ лопатою? язвительно возразилъ я.

Катя была уничтожена.

* * *

Вдругъ, однажды Николай, послѣ того, какъ ушелъ Юлій Ѳедоровичъ, влетѣлъ въ дѣтскую.

— За мною, скорѣе! крикнулъ онъ.

Мы гурьбою кинулись. На комодѣ въ комнатѣ Юлія

Digitized by Google

Ѳедоровича стоялъ предметъ, котораго мы никогда ранѣе не видали. Это была бархатная рамка, а въ ней рисованный карандашемъ и слегка тронутый акварелью портретъ какой-то дѣвицы въ локонахъ. Съ боку была надпись «Emma».

— Вотъ куда онъ ходитъ, радостно говорилъ Николай,—къ Эммѣ. Это его невѣста.

— И онъ влюбленъ въ нее, отъ того и красный такой, подтвердила Катя.

— А лопата зачѣмъ-же? скептически спросилъ я.

— Фофанъ ты этакій, отрѣзалъ Николай.—Это совпаденіе, и не больше.

Николай употреблялъ уже умныя слова, такъ какъ принялся съ весны за геометрію.

— Ну, что̀-же—рѣшили мы въ концѣ-концовъ,—Юлій Ѳедоровичъ на ней женится, и это будетъ прекрасная партія.

* * *

Вечеромъ въ тотъ-же день, когда Юлій Ѳедоровичъ клеилъ огромный дѣтскій театръ и дурачился по обыкновенію, Коля вдругъ сказалъ:

— Юлій Ѳедоровичъ, правда, какое славное имя — Эмма?

Юлій Ѳедоровичъ выронилъ кисть, которою закрашивалъ предполагаемую занавѣсъ.

— Эмма, повторилъ онъ,—Эмма?

Онъ всталъ, стряхнулъ съ колѣнъ обрѣзки бумагъ и заходилъ изъ угла въ уголъ.

— Хорошее имя, подтвердилъ онъ, потряхивая головою такъ, что очки начали спадать съ носа.

— Каково, какъ влюбленъ! радостно шепталъ намъ Николай, слѣдя за его нервно-двигавшеюся фигурою

Digitized by Google

восторженнымъ взглядомъ. — Ну, ужь и подарокъ мы сдѣлаемъ ему къ свадьбѣ!

* * *

Но отчего такъ грустенъ Юлій Ѳедоровичъ, когда идетъ къ своей невѣстѣ? Отчего это невѣста ждетъ его только по четвергамъ? Отчего онъ въ четвергъ разсказываетъ такіе веселые анекдоты по вечерамъ? И отчего у него въ землѣ колѣна?

Я рѣшилъ, что узнаю объ этомъ во что̀-бы то ни стало. Меня ужь пускали одного ходить по улицамъ, и я рѣшился выслѣдить гувернера.

Въ ближайшій четвергъ, какъ всегда, онъ повязалъ свой черный галстухъ, прилизался фиксатуаромъ, и вышелъ изъ подъѣзда. Я тихонько пошелъ за нимъ, наблюдая разстояніе, чтобы онъ меня не замѣтилъ. Но предосторожность эта была излишня. Онъ шелъ, низко опустивъ голову подъ широкополымъ цилиндромъ, никого не видя, не замѣчая, погруженный въ самого себя.

Шли мы скоро, но долго, шли на самую окраину. И дома хорошіе стали рѣже, и улицы у̀же, и извозчики непригляднѣе. Вотъ и города конецъ, а мы все идемъ, и Юлій Ѳедоровичъ идетъ все скорѣе.

Онъ завернулъ въ кладбищенскія ворота.

* * *

Мимо великолѣпныхъ мавзолеевъ, не глядя по сторонамъ, шелъ онъ давно знакомымъ путемъ все впередъ и впередъ. Мавзолеи смѣнились крестами, скалами, плитами; кресты и плиты становились все меньше и бѣднѣе. Пошли деревянныя рѣшетки и бѣлые кресты. Вотъ одна могила—вся въ цвѣту съ вѣнками иммортелей на крестѣ, съ большою березою, шатромъ склонившеюся надъ нею. Юлій Ѳедоровичъ вошелъ за рѣшетку,

Digitized by Google

сбросилъ на скамейку помятый цилиндръ, и повалился на колѣни.

Онъ не молился и не плакалъ; складки шинели лежали неподвижно. Глаза были направлены на одну точку. Меня онъ не видѣлъ, хотя я стоялъ чуть не рядомъ съ нимъ. Вокругъ больше никого не было. Деревья шумѣли, да птицы чирикали вверху.

* * *

Онъ поднялъ голову.

— Вы зачѣмъ здѣсь? изумленно проговорилъ онъ, быстро поднимаясь.

Я не могъ говорить. Слезы сжимали горло.

— Юлій Ѳодоровичъ, лепеталъ я,—вы не подумайте, не подумайте...

Онъ внимательно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Вы хорошій мальчикъ, сказалъ онъ, фамильярно опуская мнѣ на плечо руку. — Вы хорошій мальчикъ. Зачѣмъ вы сюда попали?

— Я за вами шелъ.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ хотѣлось знать куда вы ходите.

— Для чего же вамъ это знать?

— Я хотѣлъ объяснить себѣ, отчего вы бываете такой веселый по четвергамъ.

— Отчего я такой веселый? Ну, такъ вотъ смотрите сюда. Вотъ здѣсь подъ крестомъ лежитъ моя жена Эмма, которая умерла восемь лѣтъ назадъ. Я любилъ ее больше всего въ мірѣ, и за это она отнята у меня. Восемь лѣтъ со дня ея смерти, каждый четвергъ, въ половинѣ третьяго я прихожу сюда, потому что она умерла въ четвергъ, въ половинѣ третьяго. И у меня сердце разрывается, когда я вспоминаю и представляю эту удивительную женщину. И я здѣсь плачу, на этихъ

Digitized by Google

цвѣтахъ, которые я самъ посадилъ, и потомъ иду домой, и стараюсь быть особенно веселымъ. Вы спрòсите, милый мальчикъ, отчего-же именно я веселъ въ этотъ день? Оттого именно я веселъ, что никому дѣла нѣтъ до моего горя.

— Мы васъ такъ любимъ, попробовалъ замѣтить я.

— О, у васъ прекрасное семейство, и я глубоко цѣню и уважаю вашихъ родителей, но, скажите пожалуйста, ну какое имъ дѣло, что у меня была жена— красавица Эмма, что я молился на нее, что она умерла, и похоронена здѣсь, а эти цвѣты ростутъ и такъ хорошо пахнутъ? Ну, зачѣмъ-бы я сталъ разсказывать вамъ все это, чтò мнѣ такъ дорого, а вамъ такъ мало интересно. Я отлично знаю, что у васъ никто не умеръ, и дай вамъ Богъ жить какъ можно дольше, зачѣмъ-же я буду говорить о смерти и смущать васъ? Нѣтъ, я буду рѣзовъ, какъ бабочка, и буду порхать съ вами и хохотать, и веселиться.

* * *

Онъ поднялъ глаза къ небу.

— Эмма знаетъ, сказалъ онъ, — что я такъ свято храню ея память, что никогда никому не позволю до нея касаться. Эмма все видитъ. Вы думаете, умерла она? Нѣтъ, я вижу ее на этомъ голубомъ сіяющемъ небѣ — она плыветъ вонъ тамъ свѣтлымъ облачкомъ. Это она, она — я навѣрно знаю. Ну, и зачѣмъ-же я кому скажу, что по четвергамъ прихожу сюда бесѣдовать съ нею? Мнѣ скажутъ, что я сумасшедшій, и прогонятъ изъ дома, а я нищій, и жить мнѣ нéчѣмъ.

Онъ посмотрѣлъ на продавленный цилиндръ и надѣлъ его на голову.

— Я три года у васъ, и три года никто не зналъ, что я еженедѣльно плàчу здѣсь. И мнѣ весело было.

Digitized by Google

что никто не знаетъ моего горя, и что я одинъ его знаю. Теперь вы узнали. Мнѣ это непріятно. Я люблю васъ, но мнѣ непріятно, что вы знаете, зачѣмъ и куда я ухожу по четвергамъ. И я больше не могу у васъ быть...

* * *

И онъ, дѣйствительно, ушелъ отъ насъ черезъ полъ-мѣсяца. Онъ не любилъ, чтобы проникали въ его тайны.

1887 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОРАТОРЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Въ большомъ южномъ городѣ Х., въ сороковыхъ годахъ, главою мѣстной епархіи былъ одинъ извѣстный проповѣдникъ, личность глубокообразованная и почтенная. До сихъ поръ во всѣхъ хрестоматіяхъ можно встрѣтить образцы его проповѣдей, какъ идеалы краснорѣчія въ своемъ родѣ. Говорилъ онъ всегда чрезвычайно убѣдительно, иногда сжато, и даже слишкомъ сжато, но обладалъ неотразимою силой ораторства, и впечатлѣніе всегда и на всѣхъ производилъ изумительное.

Владыка очень заботился о своей епархіи, и по возможности силился насаждать духовное образованіе и среди пастырей, и среди пасомаго стада. Но съ этой стороны его дѣятельность не всегда приносила соотвѣтствующіе плоды. Даже болѣе того: владыку постигала постоянная неудача на этомъ поприщѣ. Въ концѣ-концовъ онъ сильно разочаровался въ своихъ начинаніяхъ.

Вотъ о главномъ-то его разочарованіи я и хочу теперь поразсказать, тѣмъ болѣе, что исторія эта полузабыта, и ее вспоминаютъ развѣ нѣсколько старо-

Digitized by Google

жиловъ, узнавшихъ о ней случайно: и въ свое-то время она огласки не получила.

Преосвященный на сельскую паству давно махнулъ рукой:—ужь очень туго поддавались хохлы его культурѣ. Затѣялъ онъ было по селамъ воскресныя бесѣды: чтеніе евангелія съ объясненіями. Ничего какъ есть не вышло. На одну бесѣду самъ пріѣхалъ. Хуторъ богатый, казаки все умные.

— Туго, владыко, туго! предупреждаетъ попъ.

— Бери книгу, читай имъ. Увидимъ, какъ туго.

— Откуда начать, владыко?

— Съ начала—такъ, по порядку.

Развернулъ попъ евангеліе. Отъ Матѳея, глава первая.—«Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова... Авраамъ роди Исаака, Исаакъ-же роди Іакова».

Поморщился владыка: «Экъ, не догадался попъ со второй главы начать».

Вся хата полна, слушаютъ чубы внимательно... «Озія-же роди Іоаѳама»...

— Ну, зато понятно для нихъ: никакихъ тонкостей нѣтъ: родословная на что ужь яснѣе: всѣ поймутъ.

«... Іехонія роди Салаѳіила. Салаѳіилъ-же роди Зоровавеля»...

Вдругъ изъ угла восклицаніе:

— От-то чудо, то чудо!

Оглянулся преосвященный, — сѣдой чубъ въ углу изумленіе высокое на лицѣ выразилъ.

— Постой, отче Василій, — комментаріи потребны. Поди сюда, старче.—Ты чему-же такъ удивился?

— Да какъ-же не чудо?

— Салаѳіилъ роди Зоровавеля?

— Чудо! Соловій—така маленька птичка, а журавель-то якій!

Digitized by Google

Краска въ лицо кинулась владыкѣ. — Продолжай, говоритъ попу. Потомъ, безо всякихъ комментаріевъ, уѣхалъ и никакихъ подтвержденій воскресныхъ бесѣдъ по епархіи не разсылалъ.—Рѣшилъ онъ обратить лучше вниманіе на пастырей. Ну, и обратилъ.

II.

Разсуждалъ онъ такъ: Выходитъ попъ изъ семинаріи, обученъ всякимъ наукамъ—и богословію, и риторикѣ, и логикѣ, и догматикѣ, и элоквенціи. Все это у него въ головѣ свѣжо и ясно. Достанетъ онъ мѣсто, поженится, народитъ дѣтишекъ, засядетъ на свою пасѣку и на баштанъ, правитъ службы, правитъ требы; а риторика и элоквенція, съ позволенія сказать, чуть не подъ постелью лежатъ. Жалко! Знаніе гибнетъ.

А и то сказать: ну, чего развивать эту самую элоквенцію предъ бабами да мужиками? Имъ проповѣдь нужна простая, несложная, съ отсутствіемъ витійства. Нельзя-же имъ хріи и синекдохи подводить,—все одно—ушами будутъ хлопать. Какъ-же быть?

И пришла владыкѣ въ голову мысль блистательная: Если послать предписаніе такое, чтобы всѣ попы, не достигшіе пятидесятилѣтняго возраста, прибывали по очереди къ намъ въ городъ и произносили проповѣди въ моемъ присутствіи по воскресеньямъ въ соборѣ? Во-первыхъ—опредѣлится этими рѣчами степень развитія каждаго изъ поповъ, и я ознакомлюсь съ ними, каждаго узнаю; а во-вторыхъ, — и они-то плѣсневѣть не будутъ: нѣтъ, нѣтъ да и подтянутся.—Порядокъ простой. Получилъ отъ меня за два дня тему—ну и развивай ее какъ умѣешь. Вѣдь не семинарія: не высѣ-

Digitized by Google

кутъ тебя, коли ты плохъ. Ну, а коли хорошъ — жди благостыни.

Очень понравилась преосвященному эта идея. Губернаторша ее одобрила чрезвычайно.—Вы, говоритъ, представить не можете, какимъ жаргономъ въ иныхъ мѣстечкахъ священники произносятъ слово. Вотъ близь нашего хутора, отецъ Тихонъ живетъ, такъ онъ всегда начинаетъ такъ: «а послухайте, міряне, что я вамъ скажу»... Ужасъ, ужасъ!

Вѣсть о замыслахъ владыки какъ громомъ поразила весь округъ. Духовенство въ конецъ растерялось. Положимъ, что преосвященный пользовался славой человѣка гуманнаго и обходительнаго,—но вѣдь Богъ его вѣдаетъ, какъ онъ къ краснорѣчію отнесется. Первый ораторъ въ Россіи,—вѣдь это не шутка! Губернаторъ, всѣ власти, все соберется слушать, какъ сельскій попъ въ соборѣ начнетъ поучать паству. Вѣдь это что-же!—Многіе іереи захворали не на шутку. Они согласились-бы какую угодно болѣзнь вынести, поститься годъ, въ Кіевъ пѣшкомъ сходить, по тысячѣ поклоновъ въ день отбивать, только-бы не ѣхать на этотъ страшный судъ великаго оратора...

А вѣдь надо ѣхать, какъ ослушаться! Ужь прислано распредѣленіе, кому и когда явиться.

Первый жребій палъ на попа Мартына, который двѣнадцать лѣтъ въ губернскомъ городѣ не былъ, кромѣ благочиннаго и изъ начальства-то никого не видалъ. Ходилъ себѣ по хуторку въ бѣломъ подрясникѣ, вышитомъ попадьей по рукавамъ и подолу пѣтухами и елочками (причемъ онъ увѣрялъ, что это птицы райскія и древо жизни), постукивалъ своимъ посохомъ по ульямъ, надѣвъ предварительно сѣтку и рукавчики,—пчелы почемуто жалили его немилосердно; гналъ наливки чу-

Digitized by Google

деснѣйшія: вишневка такая у него была, что ни одинъ засѣдатель не могъ проѣхать мимо его домика, чтобы не завернуть выкурить трубочку. Попадья у него была красивая, толстошеяя, на груди монисто. Свиньи жирныя, индѣйки еще того жирнѣе, кони крѣпкіе. Наслаждался попъ идилліей, и вдругъ такое несчастье на голову!

III.

Горько плакала попадья, да и самъ онъ обливался горючими слезами, выѣзжая изъ своего завѣтнаго уголка. Онъ словно на вѣки прощался со своими подсолнечниками, вербами и вишнями. Словно на казнь вели его, на казнь неминуемую, безъ помилованія.

Остановился онъ у своей родственницы, вдовы протоіерея, попадьи зажиточной, умной. Выслушала она его стенанья, да и говоритъ:

— А ты не кисни,—Богъ милостивъ. Иди къ владыкѣ сейчасъ-же,—еще до воскресенья три дня. Утро-то вечера мудренѣе,—можетъ что и надумаемъ. Отстой вечерню, да и отправляйся къ преосвященному. Тамъ видно будетъ.

Завздыхалъ Мартынъ, пошелъ къ вечернѣ. Пріютился въ темномъ уголкѣ, чтобы никто его не видѣлъ, и почти всю службу на колѣняхъ простоялъ. Плачетъ, проситъ помощи свыше.

Владыка въ саду его принялъ: онъ обычный моціонъ предъ ужиномъ дѣлалъ. Ходитъ по дорожкѣ, увидѣлъ попа, благословилъ, осмотрѣлъ и опять зашагалъ. Мартынъ идетъ на шагъ отъ него отставши, шляпу въ рукахъ вертитъ, каждое слово уловить старается.

— Если ты по элоквенціи хорошъ былъ, какъ твой

Digitized by Google

аттестатъ утверждаетъ, то долженъ ты мнѣ развить тему интересную, посмотрю, какъ-то ты справишься.

— Боюсь, владыко, надеждъ не оправдать.

— А ты не бойся. Главное подойди къ предмету просто, и въ то-же время насколько можно разукрась эту простоту силою рѣчи. Вотъ тебѣ тема.—«О нравственномъ состояніи прародителей до грѣхопаденія».

Чувствуетъ попъ Мартынъ какъ душа его уходитъ въ пятки, въ головѣ все путается, въ виски бьетъ...

— Поле обширное. Можешь разобрать нравственную и божественную сторону души нашей.

— Боюсь, владыко.

Владыка ногою даже топнулъ.—Затвердила сорока Якова... Я не спрашиваю тебя—боишься ты, или нѣтъ. Въ семинаріи ректоръ тебя не спрашивалъ, а дралъ по субботамъ, коли не такъ.

Отецъ Мартынъ вдругъ бухъ въ ноги.

— Пощади, владыко, — пятеро дѣтей, малъ-мала меньше.

Преосвященный усмѣхнулся.

— Чего ты мнѣ какъ Богу земные поклоны творишь? Ты лучше времени не теряй, сшей тетрадку, перышко очини, да и углубись въ созерцаніе нравственной природы прародителей. Помолись усерднѣе,—простыхъ рыбарей Господь просвѣщалъ, не токмо іереевъ. Встань, встань, нечего ползать.

Шатаясь вышелъ онъ изъ садика; какъ добрелъ до дому,—и самъ не помнитъ. Все въ глазахъ помутилось: пропали дѣтки малыя, пропали!

У попадьи ужь за чай всѣ сѣли. Самоваръ кипитъ, уходитъ. Сальныя свѣчи такъ весело горятъ; у всѣхъ лица довольныя, а Мартынъ и слова сказать не можетъ. Видитъ, уставился на него какой-то юнецъ, — лѣтъ

Digitized by Google

двадцати-двухъ, не больше, съ усиками,—въ первый разъ видитъ онъ его.

— А позвольте узнать, какую тему задалъ преосвященный?

Мартынъ и говорить не хотѣлъ: ну на кой прахъ знать этому вертуну, какая тема? только себя раздражать! Однако все-же сказалъ.

— Такъ-съ. Тема чудесная. Развить ее можно отлично.

«Еще смѣется, шельма», думаетъ попъ. А тотъ, хоть-бы что, продолжаетъ:

— Ежели такую мысль провести. Всѣ животныя одарены разумомъ, какъ и человѣкъ. Они строютъ себѣ жилище, изыскиваютъ кормъ, рождаютъ дѣтей, но дѣлаютъ все это по инстинкту. Человѣкъ-же одаренъ способностью помимо этого *творить*, творить нѣчто новое, въ природѣ до него не существовавшее. Онъ создаетъ музыку, живопись, храмы, статуи,—пишетъ книги. Онъ творецъ: онъ можетъ мысль, мелькнувшую въ умѣ, облечь въ дѣйствительную форму,—отсюда божественное подобіе человѣка...

Мартынъ даже ротъ раскрылъ отъ изумленія.— Ну-съ, ну?

— Тутъ можно нарисовать картину современныхъ изобрѣтеній: телеграфъ, примѣненіе пара, — словомъ, картину божественнаго творческаго начала человѣческаго духа...

— Ну-съ, а какъ-же тутъ прародители-то?

— Прародители? Молодой человѣкъ запнулся.—Ну, можно къ нимъ свести. Видите: они сорвали плодъ познанія добра и зла, и, по словамъ змія, стали какъ боги. Они познали зло, но въ то же время получили и знаніе творчества. Питаясь-же древомъ жизни, до грѣхо-

Digitized by Google

паденія они были нравственно чисты, но лишены творческаго начала...

У Мартына все вертѣлось въ мозгу... Послѣ чая онъ заперся съ молодымъ человѣкомъ въ своей комнатѣ.

IV.

А ужь какъ проповѣдь удалась! Правда, — читалъ попъ Мартынъ по тетрадкѣ, но достаточно смѣло и увѣренно. Губернаторша, губернаторъ, владыка — всѣ были чрезвычайно довольны. Губернаторша еле удержалась отъ апплодисментовъ. Преосвященный облобызалъ Мартына трижды.

— Не думалъ, говоритъ, чтобы у меня въ епархіи были такія свѣтлыя головы. Ты и за наукой слѣдишь, и тетрадки школьныя не забылъ. Одобряю, одобряю.

А ужъ попъ отъ радости не понимаетъ ничего. Кинулся на шею къ Николаю Ѳедоровичу, тому студентику, что у его родственницы дѣтей обучалъ, да и говоритъ:

— По гробъ жизни обязанъ вамъ, почтеннѣйшій,— вынули изъ петли.

— За что-же,—отвѣчаетъ тотъ,—благодарите, отецъ Мартынъ: я вамъ за тѣ-же двадцать-пять рублей и въ слѣдующій разъ напишу, коли нужда встрѣтится.

— Прямо къ вамъ тогда, прямо. Только чередъ теперь мой не скоро...

Накупилъ Мартынъ женѣ и дѣтишкамъ гостинцевъ на всѣ наличныя деньги, и тронулся во свояси.

Но Николаю Ѳедоровичу недолго пришлось ждать писанія новой проповѣди, а всего дня три. Скрип-

Digitized by Google

нула къ нему дверь, является попикъ тощенькій, гнуслявый, съ поклонами.

— Наслышалъ, яко-бы вы моему предшественнику помогли,—отецъ родной, не откажите. Я ту-же сумму съ превеликою благодарностью...

Николай Ѳедоровичъ и отнѣкиваться не сталъ. Покрутилъ усъ и спрашиваетъ:

— А тема какая?

— О безплодной смоковницѣ.

— Можно.

— Отецъ родной,—всѣхъ насъ облагодѣтельствуете. И впредь къ вамъ всѣ повалятъ — такъ гуськомъ и пойдутъ. Вы человѣкъ современный, ученый, а мы отсталые... Опять же вамъ... въ сотню рублей вознагражденіе ежемѣсячное... невредно...

— Хорошо, хорошо... Завтра къ утру приготовлю. Вы зайдите, батюшка, заняться надо будетъ съ вами, подготовить дикцію и прочее... Владыка останется доволенъ, повѣрьте...

V.

Да, владыка былъ доволенъ,—цѣлые полгода доволенъ былъ.—Его изумили начитанность и блестящій умъ представителей его епархіи.

— Безконечныя сокровища таятся въ нѣдрахъ Россіи,—не разъ размышлялъ онъ.—Кто-бы могъ подумать, чтобы простое сельское духовенство, и на такой высотѣ знанія. Случайный-ли то подборъ, или превосходное преподаваніе мѣстной семинаріи? Вопросъ очень затруднительный для разрѣшенія.

А оказалось, что вопросъ рѣшался чрезвычайно просто.

Мѣсяцевъ черезъ семь послѣ первой проповѣди, при-

Digitized by Google

былъ въ Х. какой-то дальній священникъ, и по общей проторенной тропинкѣ направился къ Николаю Ѳедоровичу. — Скуповатъ-ли онъ былъ, приходъ-ли у него былъ бѣдный, только онъ уперся на пятнадцати рубляхъ, больше не даетъ. Николай Ѳедоровичъ былъ на веселѣ—пирушка у него шла съ товарищами; посадилъ онъ попа за столъ, затянули «Gaudeamus».

— Такъ не дашь, батька, больше?

— Не могу, Николай Ѳедоровичъ,—видитъ Богъ не могу. Вы коротенькую напишите, только сильную.

— Сильную? Ладно. Приходи завтра.

Вотъ собрались всѣ въ соборъ,—праздникъ большой. Проповѣдь дана на текстъ «Воздадите кесарю».

Вышелъ попъ, начинаетъ. Прислушался преосвященный. Что такое онъ говоритъ? Неясно мысли вяжетъ, все періоды, періоды, а подлежащее и сказуемое словно ускользаетъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ туманнѣе. Владыка уже сожалѣть начинаетъ, что рукописи заранѣе не просмотрѣлъ.

И вдругъ перемѣна: періоды пропадаютъ, рѣчь краткая, выразительная, да еще какая! Такія слова и выраженія начинаетъ онъ подтасовывать, что преосвященный не знаетъ, куда дѣваться. Посматриваетъ на губернатора, тотъ къ нему.

— Это что-же, говоритъ, такое?

Кое-какъ дослушалъ владыка «слово», да и поманилъ попа въ алтарь.

— Ты что, что ты читалъ? Несчастный!

— Я....

— Ты!.. Вѣдь тебя въ Сибирь за это!.. Вѣдь на каторгѣ тебѣ мѣста нѣтъ! Откуда ты со всѣми западными идеями познакомился? Что у тебя за библіотека? Какія цитаты ты приводишь?.. Да я тебя!..

Digitized by Google

Тотъ въ ноги.

— Не я, владыко, не я... Николай Ѳедоровичъ это...

— Какой Николай Ѳедбровичъ?

— Онъ постоянно пишетъ...

Все объяснилось. Пораженъ былъ преосвященный глубоко, въ самое сердце.

* * *

Онъ слышалъ о Николаѣ Ѳедоровичѣ, что тотъ стихи писалъ, и смѣшные аттестаты выдумывалъ, яко-бы выданные студіозусамъ семинаріи по окончаніи курса. И стихи, и аттестаты ходили въ рукописяхъ по городу. Пожелалъ знаменитый проповѣдникъ съ нимъ познакомиться.

— Талантъ, государь мой, въ васъ талантъ,—вамъ-бы пастыремъ быть,—далеко-бы пошли.

— Не чувствую себя способнымъ на подвигъ духовный, говоритъ Николай Ѳедоровичъ.

— А жестоко вы со мною поступили. Столько времени держали въ заблужденіи... Я-то хвалился, и недоумѣвалъ. Положимъ, замѣчалъ я порою нѣкоторое однообразіе въ изложеніи, но и въ голову мнѣ не приходило...

Махнулъ съ этихъ поръ преосвященный и на развитіе духовенства.—А Николай Ѳедоровичъ, скажу въ заключеніе, сдѣлался весьма извѣстнымъ русскимъ поэтомъ, и стихотворенія его можно найти во всѣхъ хрестоматіяхъ:—наравнѣ съ нашимъ владыкой его считаютъ образцовымъ...

Теперь они оба давно умерли,—да и исторія только что разсказанная почти всѣми забыта. Но все-же о ней кое-кто помнитъ, да ученики въ классахъ изучаютъ произведенія обоихъ моихъ героевъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЪ ТРЯСИНѢ БОЛОТНОЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Въ теплую, свѣтлую іюньскую ночь, на огромномъ балконѣ Палкинскаго трактира, томъ балконѣ что̀ выходитъ прямо на Невскій и, держась на чугунныхъ столбахъ, нависаетъ надъ широкимъ тротуаромъ, за небольшимъ круглымъ столикомъ сидѣло два господина: одинъ—красивый дородный мужчина лѣтъ пятидесяти, съ грудой сѣдыхъ трепаныхъ волосъ и роскошною бородой; другой—гораздо его моложе, немного подслѣповатый, блѣдный, съ жидкою бороденкой, въ золотомъ пенснэ, плохо державшемся на носу. Перваго звали Адріанъ Ѳедоровичъ Ракитинъ; онъ былъ когда-то далеко не безъизвѣстенъ въ литературномъ мірѣ, но теперь уже лѣтъ восемь, десять не писалъ, и о немъ почти забывали. Другой—былъ редакторъ одного изъ петербургскихъ журналовъ, Викторъ Алексѣевичъ Веркутовъ.

Они только что пріѣхали съ желѣзной дороги: были на открытіи загороднаго театра. Ракитинъ очень мало зналъ Веркутова. Но въ театрѣ кресла ихъ пришлись случайно рядомъ. Послѣ второго антракта они разгово-

Digitized by Google

рились, сѣли послѣ спекталя въ одно купе и пріѣхали наконецъ сюда ужинать. Какъ это часто бываетъ при первой встрѣчѣ людей изъ пишущаго круга, разговоръ принялъ хотя и самыя узкія рамки, но тѣмъ не менѣе необрывался ни на минуту. Цензурный комитетъ, редакціонныя сплетни, газетныя перебранки, все это, выплывая одно за другимъ, давало темы. Еще въ вагонѣ бесѣда ихъ приняла этотъ характеръ, и дачникъ-нѣмецъ (вѣроятно со Святой забравшійся въ свою лѣтнюю резиденцію) съ большимъ любопытствомъ настораживалъ уши, когда въ разговорѣ выпрыгивало какое-нибудь извѣстное литературное или административное имя. Впрочемъ, говорилъ по преимуществу редакторъ, выслѣживавшій тонкимъ нюхомъ натасканнаго сеттера всю дичь, носившуюся въ журнальной атмосферѣ. Въ вагонѣ онъ еще нѣсколько сдерживался, но тутъ, когда онъ попалъ въ эту привычную обстановку фрачныхъ лакеевъ, щелкавшихъ пробокъ и ароматическаго пара всякихъ яствъ, рѣчь его полилась потокомъ...

— Вы говорите, энергически возражалъ онъ совершенно спокойно курившему Ракитину, который ничего не говорилъ,—вы говорите: читать! Да развѣ я могу прочесть всю труху что̀ каждый день приходитъ изъ провинціи? Рву и швыряю въ корзинку, не читая! Я навѣрно знаю, что перловъ тамъ нѣтъ и быть не можетъ... Если-же изъ сотни мелочишекъ я одну сносную заимствую, такъ развѣ она вознаградитъ меня за то потерянное время, пока я читалъ девяносто девять бумаженокъ годныхъ только для корзинки?.. Таланты въ провинціи! Скажите!.. Да съ чего имъ быть тамъ? вы скажите, ну скажите: кой чортъ занесетъ талантъ въ Чебоксары или въ Конотопъ? Совсѣмъ не та почва!..

Онъ выпучилъ глаза и ужасно посмотрѣлъ чрезъ

Digitized by Google

очки на собесѣдника, словно вызывая его на какое-нибудь утвердительное или поощрительное междометіе. Но Ракитинъ разсѣянно взглянулъ на него и уставился опять на шершавый затылокъ какого-то чахоточнаго господина, ѣвшаго за сосѣднимъ столомъ пожарскія котлеты. Онъ такъ давно отсталъ ото всей этой суголоки журнальнаго міра, что она вовсе его не интересовала. Онъ думалъ о чемъ-то совсѣмъ другомъ, и если не хотѣлъ прервать клокочущаго потока рѣчей Веркутова, то должно-быть изъ лѣни: его утомилъ и громъ поѣзда, и оркестръ, и толпа, и пѣніе.

— Всѣ такъ дѣлаютъ, всѣ! кипятился тотъ.—Покойный Некрасовъ моею собственною, моею собственною рукописью форточку затыкалъ, да-съ! А ужь если онъ такъ дѣлалъ, намъ и Богъ велѣлъ. Да что̀ мы, наконецъ, каторжные что-ли? Вѣдь если намъ читать, перечитывать да отвѣчать на всѣ письма,—министерство придется цѣлое учреждать при каждой редакціи. Надо, батенька, знать какъ дѣло поставлено, а потомъ обвинять насъ. А надувальства, мошенничества, выдаванье чужихъ произведеній за свои? Ну что̀ тутъ говорить о провинціи, когда своихъ собственныхъ, постоянныхъ сотрудниковъ опасаешься: продадутъ, подлецы, за грошъ... Вѣдь это все шушера такая...

— Зачѣмъ-же вы ихъ принимаете? спросилъ Ракитинъ, пуская клубы дыма и продолжая смотрѣть мимо.

Веркутовъ развелъ руками.

— Люди съ дарованіемъ, батенька, — они нужны! Все это голь, рады примазаться ко всякой дряни въ клубѣ, чтобы ихъ ужиномъ накормили, да двѣ, три бутылочки поставили. А какъ его къ себѣ не пустишь, когда у него всегда цѣлый коробъ новѣйшихъ скандаловъ? И онъ живетъ этимъ, и я живу; онъ меня кормитъ, а за

Digitized by Google

это я его кормлю. Это водовозныя клячи: безъ нихъ нельзя жить, и ѣздить на нихъ надо, и бить для острастки, и прикармливать...

Ракитинъ на этотъ разъ поднялъ на него глаза.

— Какъ «бить»?

Веркутовъ точно нѣсколько сконфузился.

— Вы не подумайте, Адріанъ Ѳедоровичъ, что я принадлежу къ числу тѣхъ... что я ихъ когда-нибудь.. Но вѣдь каждый изъ нихъ непремѣнно битый. Кто-нибудь, когда-нибудь да побилъ ихъ... Я ужь удостовѣряю васъ въ этомъ, какъ отвѣтственный редакторъ...

Господинъ за сосѣднимъ столомъ сердито постучалъ ножомъ по стакану и, сердито глядя на подбѣгавшаго и согнувшагося «человѣка», еще болѣе сердито спросилъ себѣ чаю съ лимономъ. «Съ лимономъ» онъ сказалъ такъ строго и такъ сдвинувъ брови, что лакей даже споткнулся, опрометью бросившись къ двери.

— Вѣдь этой шушеры въ прежнее ваше время не бывало, продолжалъ отвѣтственный редакторъ.—Она завелась вотъ за послѣднее время при развитіи журналистики. Это совсѣмъ новые типы. Многіе изъ нихъ, особенно изъ поэтовъ, чортъ знаетъ, что̀ такое: не то неудавшійся актеръ, не то подмастерье фотографа... Я ихъ къ себѣ въ кабинетъ и не пускаю. Расписывается тамъ у секретаря, получаетъ деньги... Вѣдь кто ихъ разберетъ, можетъ и стащитъ что-нибудь... хоть журналъ или книжку... словно по ошибкѣ пальто свое перемѣнитъ: у него на бѣличьемъ мѣху, а онъ бобровую, да енотовую шубу тащитъ, чтобы хотя день въ порядочномъ платьѣ походить...

— Послушайте, а какъ ея фамилія? внезапно спросилъ Ракитинъ.

— Чья? нѣсколько опѣшилъ редакторъ.

Digitized by Google

— Этой нѣвицы, сегодняшней дебютантки?

— А-а!.. Эрде.

— Она нѣмка?

— Чисто русская. Ея фамилія просто Дементьева, а зовутъ Раисой. Иниціалы ея Р. Д., ну и вышелъ псевдонимъ Эрде.

— Вы, кажется, знаете ее.

— Знаю, она зимой въ залѣ Кононова пѣла.

— Она не замужняя?

— Нѣтъ, дѣвочка совсѣмъ. Она съ отцомъ живетъ. Темненькая личность, какой-то отставной учитель танцованія.

— Она премилая. Въ глазахъ огонекъ, жизнь...

— Эге! прищелкнулъ языкомъ редакторъ,—вы еще не угомонились... Хотите познакомлю? Выпьемте только еще джинджеру.

Ракитинъ какъ-то неопредѣленно тряхнулъ волосами. Веркутовъ подозвалъ лакея и велѣлъ налить еще по рюмкѣ. Тотъ осторожно наклонилъ бѣлый кувшинчикъ съ пестрымъ этикетомъ и сталъ цѣдить густую, какъ масло, золотистую жидкость. Ракитинъ давно не пилъ и чувствовалъ, что выпилъ много. Окружающіе предметы какъ-то странно рябили въ глазахъ, ощущеніе отъ сигары было какое-то новое, на улицѣ колеса шумѣли тоже совсѣмъ по новому, не такъ какъ всегда, даже у редактора лицо сдѣлалось совсѣмъ другое.

— Серьезно: она васъ интересуетъ? спросилъ Веркутовъ.

— Да, отвѣтилъ Ракитинъ, прямо смотря ему въ глаза,—и даже очень...

— Вы не женаты?

— Къ чему этотъ вопросъ?

Digitized by Google

— Если вздумаете ухаживать, такъ поосторожнѣе: отецъ какъ разъ женитъ, это такая шельма.

— Да я ухаживать не намѣренъ.

— Ну и ладно!.. А знаете съ этимъ джинджеромъ хорошо-бы миндальнаго пирожнаго, а? Человѣкъ, миндальнаго пирожнаго, живо!

Тотъ сверкнулъ фалдочками, звякнулъ балконною дверью и торопливо пробѣжалъ къ буфету. Шершавый господинъ всталъ изъ-за стола, грозно кивнулъ головой лакею и направился было къ выходу, да вдругъ замѣтилъ Веркутова. Лицо его мгновенно осклабилось и отъ глазъ во всѣ стороны пошли сборки, точно съ боковъ носа у него были стягивающія тесемки. Онъ подошелъ и протянулъ редактору руку.

— Трапезуете? спросилъ онъ, радостно хихикая.

— Трапезую,—отвѣтилъ Веркутовъ, даже не привставъ.

— Вѣрно съ открытія?

— Съ открытія.

Тотъ собралъ сборки, хихикнулъ, шлепнулъ, редактора по плечу, помялся на мѣстѣ, посмотрѣлъ на Ракитина, внезапно вытащилъ изъ кармана часы съ дыркой на верхней доскѣ, посмотрѣлъ на нихъ, забезпокоился и сталъ прощаться.

— Вотъ вамъ тоже сотрудникъ и вдобавокъ фельетонистъ въ одной большой газетѣ, проговорилъ Веркутовъ, когда тотъ скрылся за дверью.—Смотрите какой общипанный, а между тѣмъ какъ всѣ его боятся, какъ за нимъ ухаживаютъ! Ѣздилъ онъ на открытіе волжскаго моста корреспондентомъ, такъ ему чуть ни отдѣльный поѣздъ на желѣзныхъ дорогахъ отводили. Боятся ужасно всякихъ обличеній... Не выношу этихъ пошло-

Digitized by Google

стей! Я самъ всегда ѣду по желѣзнымъ дорогамъ инкогнито.

Онъ это сказалъ такъ просто и искренне, какъ могъ сказать развѣ императоръ, путешествующій подъ чужимъ именемъ.

— И знаете что̀ смѣшно, продолжалъ онъ, — вѣдь онъ тщательно скрываетъ, что работаетъ въ моемъ изданіи. Больше того, если вы со стороны начнете выспрашивать; а что, молъ, вы работаете у Веркутова, онъ трижды отречется отъ меня. А вотъ деньги беретъ, не отрекается.

Ракитинъ погасилъ докуренную сигару. Ему лѣнь было встать съ мѣста и въ то-же время хотѣлось поскорѣе добраться до постели. Еслибы можно было лечь вотъ здѣсь на балконѣ, на открытомъ воздухѣ, онъ-бы съ радостью это сдѣлалъ и тотчасъ-же заснулъ-бы въ этомъ утреннемъ холодкѣ подъ грохотъ катившихся экипажей.

— Когда-же вы меня съ ней познакомите? спросилъ онъ, нересиливая дремоту.

— Да если хотите, завтра.

— Завтра? гдѣ?

— Она будетъ у меня.

Ракитинъ поморщился. Но то чтобъ ему не хотѣлось зайти къ Веркутову, а просто ему не нравилась мысль: съ какой стати милая розовая дѣвочка поѣдетъ къ этому козлу, что̀ сидитъ тутъ, смакуя ликеръ и тряся бороденкой?

— Она обѣщала быть у васъ?

— Да. Отецъ хотѣлъ ее прислать, благодарить меня.

— За что̀?

— За то, что былъ на дебютѣ, обѣщалъ похвалить ее.

— Да за что̀-же тутъ благодарить?

Digitized by Google

Веркутовъ пожалъ плечами.

— Такъ всегда дѣлается; эту моду они взяли съ французскихъ актрисъ, которыя всегда благодарятъ рецензентовъ. Это глупо, но до извѣстной степени располагаетъ къ актрисѣ.

— Даже къ плохой?

— Даже къ плохой. Ну, обойдешь ее въ рецензіи, скажешь вообще объ исполненіи; развѣ ужь ошикаютъ если со скандаломъ, такъ замѣтишь, что артистка мѣстами провела роль неровно... Нельзя, батенька, въ нашемъ журнальномъ механизмѣ такъ все одно за другое и цѣпляется: другъ безъ друга не проживешь.

— Въ которомъ-же часу къ вамъ заходить?

— Приходите къ завтраку. Можетъ-быть и она подоспѣетъ къ этому времени. Тамъ и познакомитесь. Только, повторяю, ухаживать не совѣтую.

Ракитинъ всталъ, подошелъ къ периламъ балкона, перегнулся и посмотрѣлъ влѣво, вдоль улицы. Вытянутый словно по стрункѣ Невскій замиралъ предъ утромъ. Недвижимыя фіолетовыя громады домовъ знакомою проспективой убѣгали на сѣверо-западъ, туда, къ этому розовому фону неба, на которомъ призрачнымъ силуэтомъ рисовался тонкій шпиль Адмиралтейства. Даже городовые ушли съ перекрестка Литейной и Владимірской—спать куда-нибудь на тумбу подъ ворота.

— Не пора-ли? спросилъ онъ своего собесѣдника.

— Да пожалуй пора, согласился тотъ и велѣлъ подать счетъ.—Вы не находите, что джинджеръ отрезвляетъ? спросилъ Веркутовъ.

— Не нахожу, отвѣтилъ Ракитинъ, чувствуя, что языкъ поворачивается далеко не съ такою свободой, какъ всегда.

Digitized by Google

— Положительно отрезвляетъ, подтвердилъ Веркутовъ и взялъ по ошибкѣ, вмѣсто своей, его шляпу, но тотчасъ-же замѣтилъ и перемѣнился.

II.

Когда Ракитинъ, раздѣвшись, легъ въ постель и закрылъ глаза, передъ нимъ вдругъ выступила опять загородная сцена, съ красными подборами занавѣсей и пестрою обстановкой. Въ ушахъ опять раздался мотивъ оперетки и съ такимъ яснымъ, отчетливымъ пиликаньемъ скрипокъ и густыми хрюканьями контрбаса. Опять запѣлъ нарумяненный, освѣщенный рампой хоръ, и опять она, какъ живая, явилась предъ нимъ.

Это была дѣвушка лѣтъ восемнадцати, съ носикомъ слегка вздернутымъ, блѣдненькая, съ черными роскошными волосами и глазками, какъ угли сверкавшими изъ-подъ бровей. Она такъ просто, мило, немножко робѣя, вышла въ своемъ блестящемъ костюмѣ. Ей начали апплодировать. Особенно хлопалъ изъ боковой ложи слѣва какой-то морякъ въ бѣлой фуражкѣ, онъ даже за барьеръ перегибался. Она слегка улыбалась и кланялась, да не головой, а какъ дѣти всѣмъ корпусомъ, и это удивительно мило выходило. Потомъ она запѣла. Голосокъ у нея былъ звонкій, плохо поставленный, но сильный. Она брала больше манерой и наивностью. Когда она, окончивъ, перешла на разговорную рѣчь, вышло еще милѣе. Она такъ непринужденно, такъ просто и такъ граціозно говорила, точно она не первый день была на подмосткахъ, а всю свою жизнь такъ болтала, въ этой мишурѣ, съ подведенными бровями. Въ ней было что-то свѣжее, непочатое. Ракитинъ

Digitized by Google

смотрѣлъ на нее и чувствовалъ. что ему на душу вѣетъ весной, такою мягкою, душистою. Самыя далекія, забытыя впечатлѣнія вдругъ поднялись откуда-то и свѣтлыми тѣнями заносились вокругъ него... Только зачѣмъ она завтра поѣдетъ въ эту пошлую редакціонную трущобу? Какое отношеніе можетъ имѣть эта миленькая, маленькая дѣвочка къ площадной печати? Неужели и она должна гнуться, подличать предъ ней?

Эти мысли его возмущали. Нервное сердцебіеніе мѣшало ему спать. Онъ повертывался, качаясь въ металлической сѣткѣ своей кровати. Въ головѣ все путалось. Соображенія, что онъ завтра ее увидитъ, очень утѣшали его, хотя онъ положительно не могъ понять, зачѣмъ ему, отживающему и сѣдому, нужно это знакомство.

Онъ заснулъ на какомъ-то очень важномъ соображеніи, какомъ — онъ совершенно забылъ, проснувшись на другой день. Но онъ одѣвался съ радостнымъ сознаніемъ, что сегодня будетъ что-то хорошее, сѣренькая полоса жизни прервется чѣмъ-то новымъ, и это новое наступитъ, когда онъ увидитъ маленькую розовую дѣвочку. Онъ машинально выпилъ кофе, машинально прочелъ всѣ газеты, что̀ нашлись въ газетномъ ящикѣ между дверей: и также машинально вышелъ на улицу.

Редакція помѣщалась неподалеку отъ него. Конторщикъ, молодой человѣкъ, предложилъ ему раздѣться въ прихожей и не безъ любопытства прослѣдилъ процессъ сниманія пальто безъ посторонней помощи.

— Тамъ никого нѣтъ? спросилъ Ракитинъ, кивая головой на дверь.

— Аеровъ тамъ,—отвѣтилъ конторщикъ, хотя Ракитинъ не зналъ никакого Аерова.

— А туда можно? спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Можно, туда всѣхъ пускаютъ.

Онъ вошелъ въ редакціонную комнату, обставленную быть-можетъ нѣсколько роскошно для редакціи, съ большимъ акваріемъ у окна, люстрой и коврами. У письменнаго стола рыночной работы сидѣлъ Веркутовъ, противъ него помѣщался кудлатый господинъ въ клѣтчатомъ шарфѣ и нечищенныхъ сапогахъ. Веркутовъ вскочилъ съ мѣста и скорчилъ обрадованное лицо:

— Ну вотъ! сказалъ онъ.—Исполнили обѣщаніе.

Онъ посмотрѣлъ Ракитину прямо въ глаза, и глаза его говорили: «а актриса-то тебя щипнула; небось я не знаю, что ты не для меня сюда пріѣхалъ...»

— Садитесь,—предложилъ онъ, указывая на кресло и садясь на свой стулъ предъ столомъ.

Ракитинъ вопросительно глянулъ на гостя: кто-бъ это могъ быть—метранпажъ изъ типографіи или сотрудникъ?

— Это господинъ Аеровъ,—помогъ его недоумѣнію Веркутовъ,—одинъ изъ тѣхъ талантливыхъ сотрудниковъ, о которыхъ я вамъ вчера такъ много говорилъ.

Аеровъ протянулъ руку съ чернильнымъ пятномъ на указательномъ пальцѣ и пошаркалъ ногами подъ стуломъ.

— Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ нашихъ сотрудниковъ,—повторилъ редакторъ, и легкая доза насмѣшечки зазвучала въ его тонѣ:—пишетъ прекрасные стихи—на всѣ случаи. Банкъ лопнетъ, адвокатъ проврется, піесу ошикаютъ, ужь онъ на другой день и несетъ стишки.

«Талантливый сотрудникъ» строго посмотрѣлъ на него и попросилъ папироску.

— Вчера пришла телеграмма, что на Гнилошпальной дорогѣ поѣздъ погибъ; изъ пассажировъ уцѣлѣлъ

Digitized by Google

между прочимъ директоръ правленія этой дороги. У Аерова сегодня ужь и готово, послушайте какъ мило:

Поѣздъ съ насыпи свалился,
Кучи, груды мертвыхъ тѣлъ!
Лишь директоръ ухитрился,
Уцѣлѣть одинъ сумѣлъ...
И провалъ безъ сожалѣнья
Поглотилъ честной народъ...
Ахъ, директоровъ правленья
И провалъ-то не беретъ!..

— Не правда-ли, мило?

Ракитинъ похвалилъ.

— У васъ Талалаевъ былъ? внезапно спросилъ Аеровъ.

— Нѣтъ, да я его не знаю.

— Ну такъ пріѣдетъ.

— Зачѣмъ?

Аеровъ мрачно стряхнулъ пепелъ.

— Онъ всюду ѣздитъ съ палкой... бить хочетъ.

— Кого?

— Редакторовъ.

Веркутовъ какъ-то повелъ плечами.

— За что̀?

— На него пасквиль готовится... то-есть не пасквиль... Что-то про него, біографію что-ли, печатаютъ... про него и его жену...

Аеровъ замигалъ и сталъ затягиваться...

— Да не тяните вы за душу, торопилъ его редакторъ.

— Онъ не знаетъ, гдѣ «это» появится... ну и ѣздитъ теперь по всѣмъ редакціямъ просить, чтобы не печатали...

Веркутовъ вдругъ покатился со смѣху и даже по ляжкамъ себя отъ удовольствія захлопалъ.

Digitized by Google

— Каковы нравы, другъ Горацiо? обратился онъ къ Ракитину.

— Кое-гдѣ редакторы дѣйствуютъ успѣшно, продолжалъ Аеровъ тѣмъ-же невозмутимымъ тономъ.

Веркутовъ сразу стихъ, задумался и потеръ лобъ.

— Хорошо, что вы мнѣ сказали,—сквозь зубы проговорилъ онъ, и сощурившись посмотрѣлъ на него:— вы не хотите-ли черкнуть слова два? прибавилъ онъ.

Аеровъ ткнулъ папиросу въ пепельницу, быстро всталъ и словно про себя сказалъ: «потомъ сочтемся»...

— Пройдите въ контору, тамъ спросите бумаги и чернилъ, вмѣсто отвѣта сказалъ Веркутовъ.—Отца роднаго жиду заложитъ и подъ квитанцiю денегъ займетъ,— прибавилъ онъ, когда дверь за Аеровымъ затворилась.

— Какой это Талалаевъ? полюбопытствовалъ Ракитинъ.

— Бывшiй конногвардеецъ, теперь въ отставкѣ, извѣстный богачъ.

— Такъ за что-же на него пасквиль?

— Богатъ! рѣшилъ Веркутовъ и, позвонивъ въ колокольчикъ, освѣдомился, поданъ-ли завтракъ.— Пойдемте заморить червячка, какъ разъ время.

III.

Собственникъ того изданiя, гдѣ Веркутовъ состоялъ редакторомъ, Блюменфестъ, былъ въ это время съ семействомъ за границей, и безъ него Веркутовъ распоряжался какъ дома, обѣдая и завтракая въ заднихъ комнатахъ, непосредственно прилегавшихъ къ конторѣ. Небольшой круглый столикъ былъ покрытъ поверхъ джутовой скатерти салфеткой съ горчичными пятнами. По стѣнамъ висѣли какiя-то голыя дамы въ самыхъ

Digitized by Google

отчаянныхъ раккурсахъ и съ невозможными лядвеями. Въ углу крякалъ попугай въ огромной клѣткѣ. На кронштейнахъ обнимались нимфы и сатиры. Ракитинъ отказался отъ водки, сказавъ, что онъ до обѣда не пьетъ никогда.

— Ну рябиновой,—серьезно тряся головой предложилъ редакторъ,—или оранжъ-амеръ? Ну, хотя нюи?..

Онъ налилъ ему стаканъ бургонскаго и принялся за цыпленка.

— Должно-быть барышня сейчасъ пріѣдетъ, сказалъ онъ.—Она сегодня всѣ редакціи объѣзжаетъ. Такое появленіе своего рода праздникъ. Хорошенькая женщина въ журнальномъ департаментѣ, это ужасная аномалія...

Онъ съ ожесточеніемъ перегрызалъ кости, такъ что попугай каждый разъ вздрагивалъ и однажды даже присвистнулъ.

— Вы кажется не совсѣмъ ясно поняли, что̀ мы говорили о Талалаевѣ? спросилъ Веркутовъ. — Очень просто: дуракъ этотъ ѣздитъ по редакціямъ, потому что надъ нимъ подшутилъ какой-нибудь пріятель, написалъ ему анонимное письмо: вотъ, молъ, тебя обличать хотятъ. Понятно, онъ готовъ тысячу заплатить, чтобы только не напечатали. Глядишь, рублишекъ триста и въ карманѣ.

— Зачѣмъ-же ему ѣздить по разнымъ конторамъ, если ужь онъ въ одномъ мѣстѣ заплатилъ и успокоился?

— А кто ему поручится, что редакторъ не передастъ статейку въ другой органъ?

— Да вѣдь это омутъ какой-то! невольно вырвалось у Ракитина.

— Омутъ, спокойно подтвердилъ Веркутовъ, наливая себѣ нюи и держа бутылку двумя пальцами, чтобы

Digitized by Google

не запачкать горлышко масломъ.—Эхъ, батенька, наша рыночная пресса, вѣдь это не толстый журналъ... Дневи довлѣетъ злоба его...

«Гонораръ хочешь?» ни съ того ни съ сего спросилъ попугай и, подумавъ, прибавилъ: «миленькій, почеши головку, ну, ну поскорѣй!»

— Вы отъ насъ отстали, проживая за границей, а вы поплавайте въ нашей тинѣ. Чукчи, батенька, чукчи. Ужь кажется ихъ-то-бы, людей печатнаго слова и долженъ-бы свѣтъ коснуться, а между тѣмъ...

Изъ-за двери выглянулъ конторщикъ.

— Спрашиваютъ васъ, проговорилъ онъ, протягивая карточку.

Веркутовъ глянулъ на билетикъ, и лицо его просіяло.

— Просите, просите, крикнулъ онъ.—Я двери настежь растворю, любуйтесь, сказалъ онъ Раткиину:— это Талалаевъ.

«Кто-бъ это могъ быть!» протяжно и задумчиво замѣтилъ попка.

Талалаевъ былъ розоватый, пухлый, добродушнѣйшій человѣкъ, съ круглымъ, какъ маленькая картофелина носикомъ и заплывшими жиромъ глазками. Ему было очень жарко, и онъ пыхтѣлъ какъ паровикъ.

— Вы редакторъ? Я по дѣлу очень важному и серьезному,—заговорилъ онъ такъ скоро, что всѣ три фразы сумѣлъ сказать какъ-то одновременно...

— Присядьте, отвѣтилъ Веркутовъ, и сѣлъ такъ, что Талалаевъ остался совсѣмъ на виду у Ракитина, въ отворенную дверь.

Талалаевъ вытеръ платкомъ мокрое лицо и закачался всѣмъ корпусомъ на диванѣ.

— Вы знаете меня? внезапно спросилъ онъ.

— Слыхалъ-съ...

Digitized by Google

— Ну, такъ вотъ я...

Онъ запнулся.—Вдругъ говорятъ, что вы... то-есть не вы, а вообще... будто хотите про меня и жену печатать... про мою жену... печатать.

— То-есть что-же именно?

Талалаевъ нѣсколько затруднился, подыскивая выраженіе. Онъ покраснѣлъ еще больше. Потъ крупными смородинами усѣялъ его лицо

— Да вообще... Что вотъ я... жена... и больше ничего.

— Изволите видѣть, господинъ Талалаевъ,—заговорилъ мягкимъ, ласкающимъ голосомъ Веркутовъ,—мы если печатаемъ про кого-нибудь, такъ не иначе какъ про людей дѣйствительно выдающихся изъ общаго уровня посредственности, про людей такъ-сказать талантливыхъ или хоть чѣмъ-нибудь себя заявившихъ... А вѣдь согласитесь сами: ни вы, ни ваша супруга...

— Да, да! обрадовался Талалаевъ, — я то же говорилъ! Я говорю: «мы съ тобой, Катя, что же!» она не вѣритъ, говоритъ: «непремѣнно напечатаютъ—все! какъ мы прежде, какъ мы теперь, все»... И у меня источники есть, и даже достовѣрные, что именно *вы* хотите это напечатать...

— Какія же у васъ данныя?

— Да ужь есть.

Талалаевъ очевидно вралъ: никакихъ данныхъ у него не было, онъ говорилъ на удачу.

— Голубчикъ, не печатайте... Если нужно: я все что вамъ угодно... ну... я... я...

«Гонораръ хочешь?» крикнулъ попугай, и такъ громко что Талалаевъ даже спросилъ:—кто это?..

Веркутовъ вдругъ понизилъ голосъ до полушепота и придвинулся близко-близко къ Талалаеву.

Digitized by Google

Ракитинъ только руками развелъ и еще разъ повторилъ:

— Чукчи, Чукчи!

Разговоръ продолжался довольно долго. Попугай разъ пять предлагалъ почесать у него головку. На улицѣ звонили колокольчики трамвея, солнце теплыми золотыми лучами било черезъ окно на паркетъ, зацѣпляя по дорогѣ уголъ зеленаго бархатнаго стула. Ракитину было какъ-то не по себѣ,—да ему все это время какъ-то не по себѣ чувствовалось. Какая-то неувѣренность въ чемъ-то, отсутствіе почвы подъ ногами. Онъ совсѣмъ забросилъ службу, на которую, впрочемъ, и безъ того онъ являлся очень рѣдко; такъ противно тянулся строго-систематическій день, все надоѣло: и обѣды въ ресторанахъ, и обѣды у знакомыхъ. Онъ хотѣлъ ѣхать за границу, да лѣнь ему было, да и не зачѣмъ: все имъ въ Европѣ давно видано и перевидано. Ему хотѣлось какихъ-нибудь новыхъ, неизвѣданныхъ впечатлѣній, и негдѣ было ихъ искать, не отъ кого ждать... Онъ именно хотѣлъ познакомиться съ этою актриской, потому что она ему нравилась, потому что ему казалось, что она быть-можетъ хоть на мгновеніе вырветъ его изъ этой апатіи.

Онъ лѣниво потягивался въ креслахъ и даже досадовалъ, зачѣмъ ему было пріѣзжать въ эту трущобу. Его бѣсилъ сѣрый попугай и полушёпотъ въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ, онъ не выдержалъ, схватился за шляпу и въ это время увидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ входившую Эрде. Онъ положилъ шляпу на мѣсто и почувствовалъ, что очень хорошо сдѣлалъ оставшись.

Талалаевъ расшаркался и уѣхалъ. Веркутовъ представилъ ей Ракитина. Вблизи она была очень хорошенькая, такая свѣженькая, молоденькая, душистая. Верхняя

Digitized by Google

часть ея лица была въ полутѣни отъ широкополой шляпы, можетъ-быть слишкомъ модной для такой у молодой дѣвушки. Глаза не сверкали какъ вчера искрами, а сіяли такимъ ровнымъ, лучистымъ свѣтомъ. Она конфузилась, что пріѣхала одна, и все озиралась по сторонамъ.

— Меня папочка прислалъ, онъ велѣлъ, чтобъ я васъ... начала она, да вдругъ поправилась: — я хотѣла заѣхать, поблагодарить васъ за вашу рецензію .. что вы напишете... Вы такъ хорошо отзывались вчера обо мнѣ.

— Да кто же можетъ про васъ дурно отозваться? возразилъ Веркутовъ, — про хорошенькихъ, молоденькихъ актрисъ ни одинъ рецензентъ дурно не отзовется.

Она вдругъ вспыхнула, кровь горячими потоками залила ей щеки.

— Неужели же я такая бездарность? сказала она, и слезы зазвенѣли въ ея голосѣ.

— Сохрани Богъ! воскликнулъ редакторъ, ловя ея руку и цѣлуя. — Да вѣдь вы же, наконецъ, знаете мое мнѣніе о васъ. Въ васъ пропасть таланта, бездна. Я увѣренъ, что современемъ вы будете украшеніемъ нашей казенной сцены. Вотъ здѣсь (онъ показалъ на Ракитина) — сидитъ вашъ поклонникъ: онъ тоже въ восторгѣ отъ вашей игры и вашего голоска.

Она потупилась. Ракитинъ ласково посмотрѣлъ на нее.

— Вы мнѣ ужасно понравились, подтвердилъ онъ.— Въ васъ столько жизни и простоты.

Она покраснѣла еще больше.

— Я театральный сторожилъ, подтвердилъ Веркутовъ, — и я не запомню такого колоссальнаго успѣха при дебютѣ. И одно, одно единственное мнѣніе у всѣхъ..

— Ахъ, ко мнѣ очень снисходительны, очень! со-

Digitized by Google

всѣмъ по-дѣтски сказала она.—Вы пріѣдете въ воскресенье на второй мой дебютъ? И вы тоже?

Ракитинъ сказалъ, что пріѣдетъ, и все смотрѣлъ на ея маленькое розовое ушко безъ серьги, что̀ мягко круглилось между крутившихся прядей волосъ.

— Что̀ вашъ папа дѣлаетъ? полюбопытствовалъ Веркутовъ.

— Папочка? Да ничего, какъ всегда. Ахъ, какъ онъ боялся за мой вчерашній дебютъ! Онъ очень добрый. Въ воскресенье опять будетъ для него му̀ка. А какъ страшно выходить на большой сценѣ!.. Я вчера три раза предъ спектаклемъ плакала... Предъ самымъ выходомъ никакъ не могу вспомнить первыхъ выходныхъ словъ. Режиссеръ меня толкаетъ: «выходите», — а я боюсь. Ужасъ что-такое!.. Вотъ теперь при одной мысли меня бьетъ лихорадка.

— Не хотите ли нюи? внезапно предложилъ редакторъ.

— Что̀ вы, что̀ вы! законфузилась она.—Я не пью вина. Да я къ вамъ на минутку, мнѣ пора.

— Посидите, куда вы...

— Нѣтъ... я вотъ вамъ привезла билетъ.

Она вынула изъ крохотнаго портмоне синенькую бумажку, сложенную вчетверо. — Вы ужь будьте добры пріѣхать: это крайнее кресло.

— Непремѣнно, непремѣнно. Ну что̀, скажите, антрепренеръ вашъ?

— Ахъ, все тотъ же!

И она вдругъ разсказала про антрепренера анекдотъ весьма двусмысленнаго свойства, но разсказала съ такимъ невиннымъ, дѣтскимъ видомъ, что вышло даже мило. Да и самое лучшее что̀ въ ней было, это какая-то дѣтская чистота. Грѣхъ не могъ коснуться ея: она,

Digitized by Google

казалось, вся была соткана изъ этой чистоты и свѣжести...

Ракитинъ воротился домой подъ страннымъ впечатлѣніемъ. Давно ужь этого съ нимъ не было. Онъ видѣлъ второй разъ эту дѣвочку. Ничего умнаго, выдающагося она не сказала, а между тѣмъ въ ней было что-то такое, что̀ заставляло о ней думать и думать постоянно. Чѣмъ-то милымъ, давно отжитымъ пахнуло. Молодыя, горячія грёзы растутъ и крѣпнутъ. Глаза застилаются словно дымкой, на лобъ надвигаются складки, и дышется какъ-то чаще, порывистѣе, чѣмъ всегда. Комната окрасилась радужнымъ цвѣтомъ, и блескъ его такъ и остался. Волшебный фонарь, невѣдомо какой и откуда, наводилъ свои узорныя тѣни всюду, куда ни упадалъ его взглядъ. И такъ хорошо—хорошо стало...

Онъ страдалъ полнымъ сознаніемъ одиночества, тѣмъ сознаніемъ, которое охватываетъ человѣка, привыкшаго съ дѣтства къ семейной жизни и осужденнаго на одинокую старость. Точно онъ брошенъ, забытъ всѣми. Гдѣ, куда дѣвались тѣ люди, что̀ составляли когда-то жизнь его, радости, горе? Ихъ словно вѣтеръ развѣялъ. Нѣтъ ихъ,—и такъ пусто, такъ пусто вокругъ. Онъ рвался куда-то, къ какому-то свѣту, къ какому-то выходу. Когда онъ въ первый разъ увидѣлъ Эрде, ему показалось что-то похожее на проблескъ вдали. Онъ отлично сознавалъ, что ничего особеннаго въ ней нѣтъ: она не особенно хороша, вѣроятно не умна и ужь конечно лишена всякаго образованія. И все-таки, несмотря на эту логику, его манило, влекло къ ней...

Онъ поѣхалъ на ея второй дебютъ. Въ душномъ театрѣ было очень гадко; послѣ лѣтняго прозрачнаго вечерняго свѣта невыносимо скверно чадила керосиновая рампа. Оставалось удивляться, какъ могла сойтись

Digitized by Google

эта разномастная толпа въ этотъ баракъ, чтобы дышать воздухомъ, пропитаннымъ углекислотой и копотью, вмѣсто того чтобы гулять въ душистомъ паркѣ. Взвизгиванье скрипокъ и красная колыхавшаяся занавѣсь могли быть милы развѣ однимъ завсегдатаямъ оперетки, которые, вытянувъ непомѣрные воротнички, стояли у барьера перваго яруса, громко разговаривая и посматривая въ ложи подмалеванныхъ барынь, выставившихъ себя на выставку. Публика входила довольно лѣниво, словно дѣлала кому одолженіе своимъ присутствіемъ. Кривоногій капельдинеръ нахально отрывалъ уголки билетовъ. «Ну, я пріѣхалъ потому что она мнѣ нравится, думалъ Ракитинъ, — а этотъ весь сбродъ здѣсь зачѣмъ?»

Онъ терпѣливо поворачивалъ голову направо и налѣво. Маленькій, сѣденькій старичекъ, редакторъ большой политической газеты, прошелъ во второй рядъ и тотчасъ заговорилъ съ полковникомъ, который, мило осклабившись, наклонился къ нему съ высоты гренадерскаго роста. Извѣстная драматическая ingénue помѣстилась въ ложѣ съ какимъ-то солиднымъ господиномъ, обладателемъ непомѣрныхъ усовъ. Мохнатый капельмейстеръ вертѣлся на стулѣ и поглядывалъ на публику. Впечатлѣніе давалось не то клуба, не то балагана, не то какого-то провинціальнаго захолустья. Во всякомъ случаѣ, всѣмъ было очень скучно, всѣ чего-то ждали, что̀ ихъ можетъ развеселить, только ужь отнюдь не той оперетки, которую собрались слушать.

Сотрудникъ въ клѣтчатомъ шарфѣ подошелъ къ Ракитину почему-то въ резиновыхъ калошахъ, хотя погода была совершенно сухая.

— А я не зналъ, что вы любитель Буффа, сказалъ онъ, хотя рѣшительно не могъ знать и противнаго. —

Digitized by Google

Скажите, чѣмъ вчера кончилась исторія съ Талалаевымъ?

— А право не знаю, отвѣтилъ Ракитинъ.

— Я думаю, Веркутовъ сорвалъ шерсти клокъ, такъ и надо съ паршивыхъ собакъ. Это коровы дойныя: кто можетъ тотъ и дои, и дои ихъ.

— Что̀ онъ вамъ сдѣлалъ? За что̀ вы на него такъ озлоблены?

— На Талалаева? Капиталистъ — брюхачъ! Всѣхъ бы ихъ, собачьихъ дѣтей, въ бараній рогъ!

Ракитинъ оглянулся, ему очень не нравился жаргонъ собесѣдника, особенно здѣсь, въ театрѣ.

— А еслибы вы случайно сдѣлались капиталистомъ, такъ и васъ туда же?

«Сотрудникъ» изумленно посмотрѣлъ на него.

— Да откуда-же мнѣ сдѣлаться капиталистомъ, что̀ вы бредите! возразилъ онъ, и мягко ступая калошами, отошелъ куда-то въ сторону.

Въ антрактѣ Веркутовъ дотронулся до плеча Ракитина.

— Пойдемте къ «папочкѣ».

У выхода изъ театра въ садъ ихъ дожидался старичекъ лѣтъ за пятьдесятъ, гладко бритый, съ улыбающимся ртомъ и двумя черными зубами любопытно выглядывавшими оттуда. Глаза у него были сѣренькіе, масленые. Ходилъ онъ пріятно пошаркивая и изгибаясь, какъ въ старину ходили въ контрдансѣ. Отъ него сильно пахло камфорой: должно быть сюртукъ его висѣлъ гдѣ-нибудь въ шкапу, тщательно запакованномъ отъ моли. Онъ совсѣмъ расплылся отъ восторга, когда его представили Ракитину.

— Очень, очень радъ знакомству,—какимъ-то носовымъ голосомъ заговорилъ онъ, въ родѣ того какъ го-

Digitized by Google

ворятъ заспавшіеся, только что проснувшіеся люди.— Моя дочь должна считать за честь... Вотъ господинъ Веркутовъ былъ настолько благосклоненъ, что соблаговолилъ отозваться сегодня о моей дочери въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ...

Онъ все шаркалъ и даже немного присѣдалъ. — Я такъ забочусь, такъ, знаете, принимаю къ сердцу ея карьеру. Вѣдь кромѣ ея у меня никого нѣтъ.

Онъ вынулъ платокъ и собирался заплакать, но это у него не вышло, и онъ вмѣсто того высморкался.

— И вдругъ сегодня въ газетѣ такой по-охвальный отзывъ господина Веркутова. Я былъ тронутъ, тронутъ до глубины души.

Онъ поймалъ руку Веркутова и сталъ съ остервененіемъ ее трясти, схватя въ обѣ ладони. Веркутовъ принялъ это какъ должную дань и даже не улыбался...

— Я это цѣню, я самъ былъ артистомъ,—продолжалъ «папочка», серьезно закрывъ глаза и покачивая головой:—двадцать лѣтъ слишкомъ прослужилъ на императорской сценѣ. Я знаю, что значитъ рецензія, я ее цѣню.

Онъ еще разъ дернулъ Веркутова за руку и перемѣнилъ тонъ.

— Вамъ не угодно ли заглянуть въ уборную къ Раинькѣ? Вы ей не помѣшаете, она въ этомъ антрактѣ не переодѣвается.

Онъ повелъ Ракитина и редактора полутемными сѣнями и какими-то закоулками на сцену. На лицѣ его была написана снисходительная радость, точно гувернеръ дѣтямъ собирался показать фокусъ. Предъ желтенькою досчатою дверью онъ остановился, стукнулъ въ нее два раза сухою костяшкой указательнаго пальца и прислушался.

Digitized by Google

— Entrez! раздался чей-то басъ.

Въ маленькой уборной, напоминавшей стойло, предъ складнымъ зеркаломъ, вокругъ котораго на столѣ разложены были принадлежности гримировки въ стеклянныхъ баночкахъ съ мельхіоровыми крышками, стояла въ розовенькомъ коротенькомъ платьицѣ Рая Тугой корсажикъ стянулъ до-нельзя ея маленькую гибкую талію, изъ-подъ юбочки выглядывали двѣ крошечныя ножки въ ажурныхъ чулкахъ. Она держала въ рукахъ заячью лапку и хохотала надъ черноусымъ красивымъ брюнетомъ, у котораго весь носъ былъ въ краскѣ.

— Смотрите, ха-ха! кричала она, — у князеньки носъ какой, носъ!

Князенька улыбался очень глупо, но не безъ достоинства, указывая этимъ, что если онъ и позволяетъ такъ обращаться со своею физіономіей, то къ этому принуждаетъ его неизбѣжное стеченіе обстоятельствъ.

— Ахъ, ахъ! забезпокоился папочка, —Раинька, развѣ такъ можно!.. Ваше сіятельство извините ее...

— Ничего, ничего, - слегка вздыхая отвѣтилъ тотъ и вытеръ носъ полотенцемъ, вѣроятно, находя что при посторонних ему неприлично быть въ такомъ видѣ.

— А я опять!.. порывалась къ нему Рая.

— Рая! строго замѣтилъ папочка и нахмурился,— Рая, ты переходишь границы...

Рая стихла и начала здороваться съ вошедшими.

— Вы, ваше сіятельство, помажьте носикъ кольдъ-кремомъ, совѣтовалъ папочка, — а то такъ не отстанетъ. Вотъ неугодно-ли изъ этой баночки?

Князь началъ намазывать свой носикъ, изъ котораго могло выйти по крайней мѣрѣ три обыкновенные носа и который очевидно былъ кавказскаго происхожденія. Папочка дѣятельно помогалъ ему въ этой операціи.

Digitized by Google

— Вы сегодня очень милы, ораторствовалъ Веркутовъ,—но въ вашей игрѣ мало экспансивности, обратите на это вниманіе.

Князь натеръ себѣ носъ до ярко-багроваго цвѣта Папочка предложилъ попудрить, тотъ отказался.

— Я пойду,—сказалъ онъ, обмахиваясь тончайшимъ батистомъ, отъ котораго нестерпимо несло пачули. Ему видимо непріятно было присутствіе постороннихъ.—Я пойду, меня ждутъ. Вы позволите мнѣ въ слѣдующій антрактъ?

— Очень рада, отвѣтила Рая.

— Вы подумайте о томъ, что̀ я говорилъ и дайте отвѣтъ что̀ лучше... Ну-съ, до свиданія.

Онъ наклонился и поцѣловалъ ея руку такъ крѣпко, что она даже покраснѣла.

— Проваливайте! отрѣзала она,—васъ ждутъ.

Когда дверь за нимъ затворилась, папочка такъ сжалъ себѣ руки, что онѣ даже хрустнули.

— Что̀ ты дѣлаешь, Рая!.. страшнымъ шепотомъ заговорилъ онъ, поглядывая на дверь съ такимъ видомъ точно за нею дремалъ ужасный драконъ, котораго онъ боялся разбудить.

— Онъ мнѣ надоѣдаетъ, папочка, не безъ испуга заговорила та,—все ходитъ и ручки лижетъ.

— Рая, Рая... ты меня губишь...

Онъ отчаянно качнулъ головой и ринулся изъ уборной.

Рая посмотрѣла ему вслѣдъ прищурившись и стала бить носкомъ правой ноги по полу.

— Скажите пожалуйста, отчего всѣ мущины такая дрянь? обратилась она къ Ракитину.

Тотъ не ожидалъ такого вопроса.

— Неужели всѣ?

Digitized by Google

— Всѣ, всѣ... такая дрянь, такая... Я думала что лучше...

— Если вы судите по князю, то правы, отозвался Веркутовъ:—его нельзя пускать на порогъ.

Она ничего не отвѣтила и повернулась къ зеркалу.

— Онъ давно съ вами знакомъ? не отставалъ Веркутовъ.

— Недѣли три.

— Часто бываетъ?

— Каждый день.

Веркутовъ свистнулъ.

— Та-акъ-съ, пріемъ извѣстный. За границу не собирается-ли?

— Да, онъ говоритъ, что ему зачѣмъ-то въ Миланъ надо. Онъ ѣдетъ туда на той недѣлѣ.

— Та-акъ, та-акъ, подтверждалъ ухмыляясь редакторъ:

Das ist eine alte Geschichte
Doch bleibt sie immer *alt*..

А вамъ онъ нравится?

— Онъ красивъ, только такой противный, когда въ глаза смотритъ. Мнѣ непріятно, что папочка такъ за нимъ бѣгаетъ.

— Вы знаете, что онъ милліонеръ?

— Неужели?

— Страшно богатъ и деньгами соритъ.

— Онъ сейчасъ приходилъ спрашивать, что̀ мнѣ послѣзавтра подарить, послѣзавтра день моего рожденія. Хотите обѣдать ко мнѣ? Пожалуйста! Вы будете? обратилась она къ Ракитину.

Тотъ сказалъ, что постарается.

— А вы? спросила она у Веркутова.

Digitized by Google

— Я не могу, я послѣзавтра весь день въ Павловскѣ.

— Ну, чортъ съ вами! Такъ вы пріѣзжайте, попросила она снова Ракитина,—пожалуйста, вы мнѣ доставите большое удовольствіе... Кромѣ того... кромѣ того мнѣ надо съ вами поговорить... посовѣтоваться въ одномъ дѣлѣ...

Она взяла его за руку и крѣпко стиснула.

— Вы такой, такой хорошій, я съ перваго раза вижу. Вокругъ все такая дрянь... Пріѣзжайте.

Онъ сказалъ, что непремѣнно будетъ.

IV.

Конецъ оперетки Ракитинъ дослушалъ совершенно машинально. Онъ былъ глухъ даже къ успѣху Раи, которую публика безъ конца вызывала. Онъ не апплодировалъ, разсѣянно поглядывалъ по сторонамъ, отвѣчалъ невпопадъ. Аеровъ разсказалъ ему, что въ виду посѣщенія Талалаева одна изъ редакцій вывѣсила объявленіе: «при входѣ въ редакціонную комнату трости и зонтики оставляются въ прихожей», и что редакторъ другого изданія спитъ теперь не иначе какъ съ шестью заряженными револьверами и между двумя подручными дворниками, которые одною рукой пятнадцать пудовъ поднимаютъ. Все это дѣлалось изъ предосторожности «личнаго объясненія». Ракитинъ на это отвѣтилъ одобрительнымъ «а»! и, противъ ожиданія Аерова, даже не улыбнулся.

Онъ ясно сознавалъ, въ какую сторону клонится судьба несчастной дѣвочки. Онъ придумывалъ, какъ-бы спасти ее, но какъ-то мысли путались, разбѣгались. Вопросъ былъ очень большой и сложный.

Digitized by Google

Хоръ пѣлъ не предъ нимъ, а гдѣ-то очень далеко отъ него, за какою-то туманною дымкой. Онъ не помнилъ, какъ онъ вышелъ изъ театра, пріѣхалъ въ городъ, легъ въ постель. И на другой день опять все та-же мысль, неотвязная, назойливая, монотонная. Гдѣ выходъ? Отвѣта не было. Отвѣтъ должна была жизнь подсказать.

Она и подсказала.

Когда онъ пріѣхалъ на третій день на дачу Дементьевыхъ и поднялся по печально скрипѣвшей лѣстницѣ во второй этажъ, его встрѣтила въ сѣняхъ толстая, масленая кухарка съ грязнымъ полотенцемъ черезъ плечо. Папочка растаялъ, расшаркался и повелъ гостя въ гостиную, гдѣ уже былъ накрытъ обѣденный столъ и гдѣ сидѣли въ сообществѣ Раи двое: князенька и «комическая старуха» мѣстной труппы, съ очень добрымъ и глупымъ лицомъ. У князеньки носъ сегодня казался еще длиннѣе. Держался князенька прямо, точно аршинъ проглотилъ, но часто опускалъ глаза и задумывался. Рая очень обрадовалась Ракитину.

— Какъ я рада, какъ я рада! говорила она вспыхивая и не зная куда дѣвать врученную ей коробку конфектъ.—Я такъ ждала васъ и боялась, что вы не пріѣдете. Мнѣ вы очень нужны ..

Князь былъ ужасно почтителенъ предъ Ракитинымъ и даже далъ ему вскользь замѣтить, что ему не безъизвѣстна его прежняя литературная дѣятельность. Папочка плавалъ какъ въ растопленномъ маслѣ предъ обоими гостями, игнорируя совершенно «комическую старуху». Рая казалась такою нервною. На ней было бѣленькое платье съ широкою голубою лентой. Это къ ней не шло и она казалась хуже чѣмъ всегда, щеки у нея были блѣдненькія, брови все дергались.

Digitized by Google

Обѣдъ оказался плоховатымъ: ростбифъ подгорѣлъ, рыба была какая-то сомнительная, но за то вина недурны. Папочка раскутился, должно быть изъ какихъ-нибудь своихъ разсчетовъ. Хересъ былъ даже очень хорошъ. Подъ конецъ обѣда откупорили *помери-секъ*.

— Представьте себѣ, сказалъ папочка, — что при одномъ взглядѣ на это шампанское у меня поднимается ломота въ плечѣ.

Князь постарался удивиться.

— И вѣдь отъ какого обстоятельства...

Онъ началъ разсказывать, что это было давно, когда еще онъ ѣздилъ въ провинцію на гастроли. «Комическая старуха» усомнилась въ томъ, чтобъ его когда-бы то ни было приглашали провинціальные антрепренеры, но папочка только посмотрѣлъ на нее и продолжалъ свой разсказъ. Онъ разсказалъ какъ однажды послѣ спектакля (онъ игралъ *Ришелье*,—и удивительно игралъ!) актеры, чествуя его, «упились» помери-секъ. Упившись, они стали пробовать револьверъ, для чего приколотили на дверь бубноваго туза.

— Я взялся слѣдить за стрѣльбой, повѣствовалъ онъ. — Первый выстрѣлъ сдѣлалъ резонеръ Ивановъ. Я ищу пули, нѣтъ нигдѣ, ни на картѣ, ни около, ни на стѣнѣ... Потомъ мнѣ говорить: «а откуда у тебя кровь»?.. Пуля-то въ плечѣ оказалась...

— Ну, и вы, значитъ, хороши были,—замѣтилъ князь,—коли не чувствовали.

— А я слышала, что это не съ вами былъ случай, а съ однимъ извѣстнымъ актеромъ, возразила опять «старуха».

Папочка даже сѣлъ къ ней совсѣмъ задомъ, показывая этимъ свое полнѣйшее презрѣніе къ ея словамъ.

Князь разсказалъ къ случаю, какъ онъ ранилъ себя

Digitized by Google

въ руку, заряжая пистолетъ, и въ доказательство показалъ, приподнявъ обшлагъ, шрамъ. «Комическая старуха» постонала, папочка заволновался, Рая осталась равнодушною.

— А другая пуля у меня тутъ, онъ показалъ куда-то въ бокъ.—Она катается, ее можно даже прощупать.

Послѣ обѣда, когда подали апельсины, князь напомнилъ Раѣ объ ея желаніи кататься и сказалъ, что достанетъ коляску. Рая попросила достать хорошую, только чтобы лошади были не вороныя, а сѣрыя. Князь выправилъ свои бѣлоснѣжные воротнички, провелъ рукой по роскошной бородѣ, встряхнулся съ полнымъ сознаніемъ довольства самимъ собой, надѣлъ блестящій какъ зеркало цилиндръ, раскланялся и исчезъ.

Папочку заклонило. Онъ перемогался-перемогался, наконецъ извинился и пошелъ отдыхать. «Комическая старуха» объявила, что ей надо учить роль въ шесть листовъ, и что завтра репетиція, а потому съѣла три апельсина и, сложивъ симметрично зернышки на край тарелки, ушла, завернувшись въ невозможную шаль. Ракитинъ и Рая остались одни.

— Пойдемте въ садъ,—предложила она, и повела его въ маленькій, густо заросшій палисадникъ, съ молодыми первыми цвѣтами на клумбахъ и зеленою кривою скамейкой подъ акаціей. Она закрылась отъ вечерняго солнца маленькимъ зонтикомъ на алой подкладкѣ и вздохнула.

— Какъ тяжело мнѣ сегодня! сказала она. — Я не запомню такого грустнаго дня моего рожденія. Сердце сжимается какъ предъ бѣдой, и здѣсь, — она показала на грудь,—такъ пусто, пусто.

Ракитинъ молчалъ, пристально глядя на нее.

— Вы знаете, я можетъ-быть на дняхъ уѣзжаю отсюда?

Digitized by Google

— Куда это? встрепенулся онъ.

— Далеко, очень далеко... за границу.

— Зачѣмъ?

— Князь зоветъ меня...

— Князь? По какому праву?

Она пожала плечами.—Онъ богатъ.

— И вы... началъ Ракитинъ, да остановился. Она отвернулась, чтобъ онъ не видѣлъ ея лица.

— Какъ вамъ не грѣхъ? могъ только выговорить онъ.

Она отняла зонтикъ, которымъ прикрывалась.

— Грѣхъ? Предъ кѣмъ?

— Предо всѣми...

— Папочка самъ этого хочетъ.

— Предъ собой, наконецъ... У васъ талантъ.

Она усмѣхнулась.—Талантъ!.. Что̀ талантъ! Что̀ онъ мнѣ принесетъ?.. А тутъ обезпеченность, богатство...

— Обезпеченность?..

— Да, онъ передастъ папочкѣ какія-то бумаги на мое имя.

— И вы такъ хладнокровны? не возмущены?

— Чѣмъ?.. Я себѣ принадлежу, и моя собственность: что̀ хочу, то и сдѣлаю съ собой...

— А сцена?

— Я люблю сцену! она подняла глаза и какимъ-то восторгомъ они засвѣтились,—это жизнь моя!.. что̀-жь, я вернусь къ ней.

— А этотъ... его вы любите?

Она покачала тихо головой.—Нѣтъ... Да неужели-же жить въ этой обстановкѣ лучше: заискивать у Веркутова, ѣздить по редакціямъ, плакать, когда какой-нибудь пьяный будетъ шикать послѣ спѣтаго номера... неужели лучше?.. Скажите по совѣсти, откровенно, —

Digitized by Google

ну?.. Вы молчите, молчите потому, что сами знаете, что это пòшло, все пòшло, все... Меня никто не спасетъ...

— Встряхнитесь, уйдите отъ этого «всего».

— Уйти? куда?.. куда я уйду?.. Я молода, я жить хочу.

— Выйдите замужъ.

— За кого?.. кто меня возьметъ? Опереточная пѣвица! какая завидная невѣста!..

Онъ поникъ головой. Какая-то тупая боль пронизывала его всего, захватывала дыханіе. Онъ оглядывался вокругъ, эта залитая солнцемъ листва не шевелясь стояла въ знойномъ воздухѣ, могильный покой былъ разлитъ вокругъ. Медленно ползли на верху обрывочныя, сверху жемчужныя, снизу фіолетовыя облака. Птицы куда-то забились, притихли. Мертвая тишь. Ни звука.

— Чтò мнѣ дѣлать, чтò мнѣ дѣлать! повторяла она.

Зонтикъ выпалъ и опрокинулся на песокъ. Она не плакала; глаза ея были сухи, и съ жесткимъ, холоднымъ блескомъ смотрѣли въ даль. Лицо какъ восковое.

— Подождите, подумайте...

— Князь говоритъ, что отвѣтъ ему нуженъ теперь... Смотрите, чтò онъ подарилъ мнѣ.

Она протянула руку, на которой сверкалъ новенькій драгоцѣнный браслетъ.

— Зачѣмъ же вы взяли это отъ него?..

— Папочка велѣлъ.

Ракитинъ схватилъ ее за руки.

— Дѣточка моя, бросьте ихъ, уйдите отъ нихъ!.. Чтò вамъ здѣсь... Оставьте ихъ, пусть они здѣсь копошатся въ этой тинѣ..

Онъ прижалъ ея пальцы къ своимъ губамъ, глядя на нее съ юношескимъ жаромъ. Сѣдина и морщины

Digitized by Google

словно слетѣли съ него. Шляпа упала на землю, кудри разсыпались. Она схватила его шею руками и, прижавшись къ нему, поцѣловала его такъ крѣпко, крѣпко...

— Милый, хорошій! говорила она.—Въ васъ одномъ я нашла сочувствіе, вы одинъ сказали мнѣ доброе слово...

— Ну и что̀ же что̀ же?

Она отшатнулась отъ него.

— Поздно, поздно, теперь мнѣ нѣтъ поворота.

— Какъ нѣтъ? да почему же? Всегда есть выходъ.

— Поздно.. повторила она. - Смотрите вотъ и князь воротился, идетъ сюда.

* * *

Она взяла съ него слово, что онъ при первой возможности пріѣдетъ къ нимъ. Онъ думалъ черезъ день заглянуть, но дѣла̀ его задержали какъ нарочно. Прошло нѣсколько дней. Между тѣмъ на афишахъ появился анонсъ, что она по болѣзни не можетъ участвовать.

Наконецъ, онъ вырвался, поѣхалъ. Онъ подъѣзжалъ къ ихъ дому съ предчувствіемъ всего дурного, но того, что̀ его встрѣтило, онъ не ожидалъ.

Папочка вышелъ къ нему въ халатѣ, съ огромною заплатой назади, но посмотрѣлъ на него совсѣмъ не такъ ласково, какъ прежде, и протянутую руку пожалъ сухо.

— Раи нѣтъ, Раи нѣтъ,—заговорилъ онъ, видя, что гость собирается снять пальто: —она уѣхала совсѣмъ.

Кровь кинулась ему въ голову.

— Куда?

— Въ Карлсбадъ. Доктора̀ говорятъ, что ей надо лѣчиться.

— А театръ какъ-же?

Digitized by Google

— Что̀ жь дѣлать, неустойку придется уплатить. Тяжело, очень тяжело...

— Какъ же это такъ вдругъ, неожиданно...

— Да, да, удивительно.

Ракитинъ раскланялся и растерянно спустился внизъ...

Дня черезъ два онъ встрѣтилъ на елагинской Стрѣлкѣ Веркутова: онъ сидѣлъ въ коляскѣ съ Талалаевымъ, съ которымъ очевидно былъ уже пріятелемъ.

— Слышали? весело говорилъ онъ, держа Ракитина за руку.—Папочка-то дочку пристроилъ! Молодецъ! И неустойку князенька заплатилъ, и векселя выдалъ

— А кто этотъ князь? съ усиліемъ спросилъ Ракитинъ.

— Дрянцо, шулеръ, били ужь его. Очень богатый. Ну что̀-жь—она счастлива будетъ.

— Вы полагаете?

— Да отчего же нѣтъ?

— Онъ женится на ней?

— Да онъ женатъ. Онъ каждый годъ кого-нибудь увозитъ за границу,—старая пѣсня... Впрочемъ, онъ обезпечиваетъ. Не Богъ вѣсть что̀, а тысячъ двадцать дастъ и въ моду введетъ. Папочка это тонко распорядился.

Онъ еще разъ хихикнулъ и протянулъ ему руку. Коляска, попрыгивая на каучуковыхъ шинахъ, покатилась.

Ракитину очень скучно. Хотѣлъ ѣхать за границу, да рѣшилъ, что это глупо и остался. Впрочемъ, можетъ-быть чрезъ нѣсколько недѣль онъ и поѣдетъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google